

И. А. БАТМАНОВ

ФОНТИНОВСКАЯ СИСТЕМА

СОВЕТСКОГО КИРОВОПОЛИСЬЯ

УЗ 315 А

ТРАНСКРИПЦИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ.

1. В основу транскрипции в настоящей работе положен новый киргизский алфавит (1940 г.), построенный на основе русской графики.

II. Буквы *к*, *г*, *ж* имеют двойное значение, в соответствии с правилами их орфографирования в киргизской письменности:

а) *ж*, как общее правило, передает аффрикату *дж* (в латинизир. графике—*ç*), а в тех случаях, когда эта буква передает не аффрикату, а спирант *ж*, это особо оговаривается или обозначается буквой *з* (в скобках);

б) *к*, *г* в сочетании в одном слове с задними гласными соответствуют буквам *q*, *q* латинизированного алфавита.

В сочетании с передними гласными *к* и *г* соответствуют буквам *k* и *g* латинизированного алфавита.

В советских и интернациональных словах эти буквы принимаются в значении, соответствующем произношению этих букв в русском литературном языке.

Таким образом, в нашей транскрипции буквы *к* и *г* могут употребляться в трех значениях:

1) Для обозначения среднеязычных *к* и *г* (в латинизир. графике—*k*, *g*. В русской орфографической передаче их можно представить условно в виде *кь*, *гь*, как в словах „көл—озеро“ „эгер“—если и т. п.);

2) для обозначения заднеязычных вариантов, типа русских *к* и *г*, в соответствии с русским произношением слов *колхоз*, *газета* и т. п.;

3) для обозначения увулярных *к* и *г* (в латинизированном алфавите—*q*, *q*, как в словах „кол“—рука, „чыгыш“—выход и т. п.

В нашем условном обозначении в отдельных случаях этот вариант передается в виде *кь* и *гь*.

В отдельных случаях для обозначения указанных киргизских фонем используются буквы *q*, *q*.

IV. Долгие гласные передаются двойными буквами.

V. Дополнительно к киргизскому алфавиту, построенному на основе русской графики, введены следующие знаки:

Б—для „б“ с неполной смычкой.

V—для билабиального „в“, тогда как для губно-зубного „в“ сохраняется буква „в“.

f—для билабиального „ф“ (Буква же „ф“ обозначает губно-зубной вариант).

h—для обозначения гортанного спиранта.

o—для обозначения открытого (широкого) варианта о.

э—для обозначения переднего варианта а.

i—для обозначения i-mutabile.

VI. Как правило, передние варианты согласных, входящих в состав слога, содержащего передний гласный, особо не обозначаются.

Пишется: *кел, көл* и т. п.

Читается: *кель, көль* и т. п.

По техническим причинам в цитируемых примерах других авторов транскрипция нами, как общее правило, заменена. Лишь в отдельных случаях (напр., в предисловии) сохраняются знаки транскрипции В. В. Радлова для гласных.

VII. В настоящей работе применены следующие условные обозначения:

V—обозначение гласного.

C—обозначение согласного.

*—теоретически восстанавливаемая форма.

→—изменение (во что-либо).

—изменение (из чего-либо).

( )—необязательный элемент (в слове).

||—выпадающий элемент.

||—чередование, параллельное сосуществование.

→—эквивалент.

∞—парное противопоставление.

VIII. В настоящей работе применяются также следующие сокращения:

л.—лицо.

мн.ч.—множественное число.

пад.—падеж.

аф.—аффикс.

род.—родительный.

вин.—винительный.

дат.—дательный-направительный.

прит.—притяжательный.

„Фонетика“—W. Radloff, *Phonetik der nördlichen Türk Sprachen*, Лейпциг, 1883 г.

„Образцы“—В. Радлов. *Образцы народной литературы северных тюркских племен*, т. V.

узб.—узбекский

каз.—казахский

уйг.—уйгурский

чув.—чувашский

монг.—монгольский

ойр.—ойротский

кирг.—киргизский

ПРЕДИСЛОВИЕ.

I. Объектом описания в настоящей работе является фонетическая система современного литературного киргизского языка, особенности которого нашли орфографическое оформление в 1924 году, после национального размежевания Средней Азии.

II. До Великой Октябрьской социалистической революции киргизский язык не был объектом широкого специального изучения. Впервые он получил известность в тюркологии по работам В. В. Радлова.

III. В. Радлов в своей „Фонетике“, посвященной сравнительному описанию фонетических особенностей ряда тюркских языков, дает в отдельных параграфах и сводки, касающиеся особенностей киргизского языка.

Эта работа В. Радлова во введении сообщает краткие сведения о расселении и составе северных тюркских племен, в том числе и киргизов, в частности приводит сведения о происхождении киргизского национального самоназвания.

Фонетическая система киргизского языка в этой работе выделена автором в самостоятельный раздел, а в соответствии с системой построения всего труда рассматривается в отдельных параграфах различных глав.

В этой работе рассмотрены такие вопросы:

1. Состав гласных (§ 16, стр. 10—11) и позиционное размещение их в соседних слогах.
2. Явления сингармонизма (классификация языков по ступеням сингармонизма).
3. Состав согласных в связи с их позиционным размещением.
4. Комбинаторные изменения согласных (в связи с изменениями в других тюркских языках).
5. Классификация тюркских языков.

Отражая основные особенности киргизского языка, Радлов отмечает, однако, ряд черт, не находящихся подтверждения в современном киргизском языке, а именно:

А. В области вокализма.

1. В системе вокализма киргизского языка В. Радлов выделяет 9 (а не восемь) кратких гласных: а, а̇, е, о, о̇, у, і, и, и̇¹⁾. т. е. противопоставляет и̇ и е как две разновидности переднеязычного нелабиализованного гласного среднего подъема, указывая, что е употребляется лишь в первых слогах.

Это положение не находит себе подтверждения на фактах современного киргизского языка, т. е. на наш слух, как и по наблюдениям других исследователей, е позиционных вариантов в киргизском языке не имеет; приводимые В. Радловым примеры „бергән“, „келгән“ и т. п. звучат в современном киргизском языке в виде „берген“, „келген“ и т. п.

В речи представителей старшего поколения (современников В. Радлова) положение о двух вариантах е пока также не находит себе подтверждения.

2. Вполне правильно отмечая явления чередования гласных в соседних слогах (глава III), В. Радлов констатирует современные ему факты.

С точки зрения современных норм эти чередования для послеоктябрьских лексических напластований уже не являются в ряде случаев обязательными: появляются десингармонизированные основы.

Б. В области консонантизма.

1. В. Радлов относит киргизский язык к и̇-окающей разновидности тюркских языков, отмечая употребление и̇ в начале слова (§ 176, стр. 127).

Хотя в отдельных случаях комбинаторно и возможно жк (=дж)→и̇ (баласы жок произн. баласы йок—у него нет детей), в абсолютном же начале слова употребление и̇ в дооктябрьском лексическом пласте сев. диалектов киргизского языка не известно.

2. В. Радлов выделяет в системе киргизского консонантизма л̄ь и л как две самостоятельных фонемы (§ 176), тогда как на материалах современного киргизского языка видно, что л̄ь и л являются лишь комбинаторными вариантами одной фонемы.

В ряде диалектов кирг. языка вообще не существует различия л и л̄ь, благодаря наличию среднего л, являющегося рефлексом конвергенции л и л̄ь.

IV. В другой своей работе—„Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V(Спб., 1885)—В. Радлов дал материалы по киргизскому языку, собранные им во время поездок в Киргизию в 1862 и 1869 г. г.

¹⁾ Здесь у=ы, а а̇=у, и̇=у.

Запись производилась В. Радловым в трех пунктах:

- 1) На Текесе—от представителя рода Бугу.
- 2) На запад от Иссык-Куля—от представителя рода Сары-Багыш.
- 3) На юго-восток от Токмака—от представителя рода Солто.

Основное содержание записей представляет из себя ряд эпизодов из эпоса „Манас“ (включая и похождения Тёштюка).

Во время поездок к киргизам, как это отмечает и сам В. Радлов, он не заметил диалектных особенностей „и потому не счел нужным собирать материалы в различных местностях“ (стр. II).

Хотя В. Радлову, судя по маршруту обследования и по содержанию записей, не удалось встретить представителей южных диалектов, как не были им встречены и представители *айса* (вм. *найза*)—группы, утрачивающей *н* в начале слова, тем не менее, в самих записях Радлова имеются колебания, свидетельствующие либо о том, что В. Радловым были произведены записи от объектов *с* и *з*—групп, либо о том, что В. Радлов, исправляя текст записи, пропустил в некоторых случаях незамеченные им диалектные особенности.

Как общее правило, в записях В. Радлова отмечается заглушение конечного *з*:

йельмогуз* (стих 53)—обжора (вместо *желмогуз*), *йус* (стих 157)—сто (вм. *жуз*), *сөс* (на стр. 7, стих 55)—слово (вм. *сөз*), *биске* (стр. 9, стих 101)—нам (вм. *бизге*) и т. п., что не соответствует сохранению *з* в таких, например, словах как „*найза*“ (стих 54)—копы, т. к. при произношении этого слова в виде „*найза*“, должно быть „*бизге*“, либо наоборот, при произношении „*биске*“, должно быть „*найса*“, т. к. в этих словах *з* и *с* должны размещаться одинаково.

Точно также, вместе с сохранением „*з*“ в „*найза*“ (вместо чуйского „*найса*“), в записях Радлова последовательно фиксируется „*кысы*“ (вм. *кызы*)—его дочь и т. п.

Это говорит о различном размещении *з* и *с*, являющимся одной из отличительных черт особенностей северных диалектов киргизского языка, в составе которых выделяется, во-первых, группа с общетюркским размещением *з* и *с* и, во-вторых, группа с обратным размещением *з* и *с*, где *з→*с*, а *с→*з*.

В единичных случаях в записях В. Радлова встречаются отклонения от нынешних норм северных диалектов:

- 1) Стр. 6, стих 7:

Алтын айдар, чок белбеу—золотокопый, кистопоясый (в действительности же здесь—„*чок белбоо*“).

- 2) Стр. 31, стих 861:

арактан алып келдиләр—принесли водки.

- 3) В числе других особенностей записи Радлова, как и в его „Фонетике“, отмечено *й*-оканье в начале слова. Например, в стихе 19 „*джайы*“ передано в виде *йайы*.

В предисловии к „Образцам“ на стр. IX В. Радлов так транслитерирует собственные имена, последовательно заменяя *ж* - *дж* через „й“:

Йолой (вм. *Жолой*), *Ямгырчы* (вм. *Жамгырчы*), *Югөрю* (вм. *Жугөрү*), *Якуп-хан* (вм. *Жакуп-кан*) и т. п.

4) Как в „Фонетике“, так в „Образцах“ и в „Опыте словаря тюркских наречий“ (СПб, 1893) В. Радлов последовательно выделяет две разновидности *e* (э) и, кроме того, в своей работе — „Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems“ — отмечает четыре степени протяжения гласных, обозначая их соответственно различными надстрочными знаками.

V. Помимо работ В. Радлова, образец фонетической записи киргизского текста дан доктором Алмаши в статье — „Der Abschied des Helden Manas von seinen Söhnen“, помещенной в журнале „Keleti Szemle“ (1911. т. XII, стр. 216).

Статья содержит 70 строк транскрибированного текста из эпоса „Манас“ (прощание Манаса с Семетеем), перевод ее, 25 примечаний грамматического порядка и несколько замечаний по вопросу о формальной стороне киргизского стихосложения. Судя по введению, объект был представителем *дж*-окающей группы.

Во-вторых, различал *з* и *с* в общетюркском их размещении

В-третьих, сохранял *н* в начале слова.

Судя по этим признакам, объект был представителем Пржевальского диалекта (а не Чуйского, где отмечается обратное размещение *з* и *с*).

В транскрипции Алмаши имеются явные неточности, не находящие никакого подтверждения на фактах киргизского языка.

Основной неточностью транскрипции является неправильная передача долгих гласных в случаях, где в действительности имеются краткие гласные. Если транслитерировать транскрипцию автора на основе нового алфавита, то запись примет следующий вид:

Стих 5:

*Аргын мээнен Ногойго
Амандашын көөрүштүү*

Аргынов и Ногоев
Приветствую, поздоровался

Стих 8:

*„Амантайыл кээтип-барасын
Аманга доо келгин!“ — деп*

„Ты снаряжаешься в поход.
Возвращайся живым и невредимым!“ — сказал.

Причиной такой неправильной передачи долгот, вероятно, является то обстоятельство, что текст был записан арабским алфавитом, а при транслитерации полногласные были приняты автором за долготы.

Второй неточностью является необоснованное различие двух комбинаторных разновидностей *e*; например, в слове „менен—с“ (стр. 33).

В отдельных словах отмечаются необычные сочетания гласных: Каныкей транскрибировано в виде *Каникей* (стих 32). В примечании дано „ааволә“¹⁾—„сначала“ и т. п.

В отдельных случаях не отражены и явления ассимиляции согласных: напр., в стихе 3 написано *Манасда* и т. п. вместо *Манаста*.

С другой стороны, правильно отмечены отступления от норм лабиально-сингармонистического чередования, обнаруживаемые в живой речи:

Стих 31. *Баатыр жүре берерде*—когда двигался богатырь (лит. норма: *жүрө*) и т. п.

Фиксируется также и вариант *б* с неполной смычкой (точка под буквой), как в слове „*Чубак*“ и т. п.

В целом же, однако, текст этот в фонетическом отношении является ненадежным и может представлять интерес только лексико-грамматический.

VI. Если в области фонетики киргизского языка дооктябрьская тюркология дала, в общем, так мало работ, то в области морфологии и синтаксиса она не оставила нам ни одной работы, специально посвященной описанию грамматики киргизского языка. В этом отношении в качестве наследия дооктябрьской тюркологии мы имеем лишь отдельные попутные замечания в работах Бётлингга, Радлова, Ильминского, Мелиоранского, Корша, Катанова, Богородицкого и др., посвященных описанию особенностей других тюркских языков. В числе их можно назвать следующие работы:

1. Н. И. Ильминский. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. Казань, 1862.

2. Н. И. Ильминский. Материалы к изучению киргизского наречия (Учен. записки Казанск. Ун-та, 1860-61., кн. III, стр. 107—159; кн. IV, стр. 53—165; 1861 г., кн. I, стр. 140—162).

3. Otto Böhltingk. Ueber die Sprache der Jakuten (СПб, 1851)

4. П. М. Мелиоранский. Грамматика казак-киргизского языка; ч. I, СПб, 1894; ч. II, СПб. 1897.

5. Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

6. W. Radl ff. Aus Sibirien.

7. W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Tü:ksprachen. (СПб., 1908). Как и ряд других работ, перечень которых дается в подстрочных примечаниях.

VII. Из специальных работ, посвященных вопросам истории и этнографии киргизов, можно назвать следующие:

1) В. В. Бартольд. Киргизы. Гор. Фрунзе, 1927.

2) А. Чулошников. Очерки по истории казак-киргизского народа. Оренбург, 1924.

1) Запись транслитерирована нами. И. Б.

3) Н. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и кара-киргизов. („Живая старина“, 1894 г. вып. III—IV).

4) Ал. Харузин. К вопросу о происхождении киргизского народа („Этногр. обозрение“, 1895, кн. XXVI).

5) Н. А. Фалёв. Как строилась киргизская былина. Ташкент, 1922 г.

6) Н. А. Фалев. Введение в изучение тюркских языков и наречий. Ташкент, 1922.

И ряд других работ, перечень которых дается в сносках.

В период 1941—43 г. г. А. Н. Бернштамом опубликован ряд работ, посвященных истории киргизов и Киргизстана¹.

VIII. Специальное научное изучение киргизского языка началось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, как силами отдельных научных работников, так и Киргизским научно-исследовательским институтом киргизского языка и письменности в г. Фрунзе².

К числу специальных работ по киргизской лексикологии и фонетике относится, в первую очередь, „Киргизско-русский словарь“ К. К. Юдахина³, в котором впервые собрана основная часть киргизской лексики, вскрыта ее семантика на примерах живой речи и фольклора, с иллюстрацией частных значений слов фразеологическим материалом.

Эта работа К. К. Юдахина, являясь лексикологическим сборником, в то же время и является сборником киргизских поговорок, пословиц и отрывков из художественной литературы.

Словарь отражает фонетические дублеты, диалектные особенности и отмечает произношение отдельных слов в их различных диахронических вариантах (с выделением основного варианта), иллюстрируя фонетические нормы освоения советских и интернациональных слов. Во введении к „Словарию“ дана краткая характеристика киргизского языка, а в конце приложены сведения по сравнительной фонетике киргизского, казахского, узбекского и уйгурского языков. В объяснении значений отдельных слов, напр., вспомогательных глаголов или служебных слов *эле*, *экен* и др., автор дает ряд весьма ценных объяснений грамматического порядка.

¹) Напр. Археологический очерк сев. Киргизии. Историческое прошлое киргизского народа, Культура древнего Киргизстана и др. В 1946 г. в г. Фрунзе издана работа С. М. Абрамзона—„Очерк культуры киргизского народа“.

²) Институт основан в 1928 г. и работал под именем Научно-исследовательского института краеведения, а с 1936 г.—Ин-та киргизского языка и письменности. Ныне—Институт языка, литературы и истории КирФАН СССР.

³) г. Москва, 1940 г. Ответ. редактор—член-корреспондент АН СССР, профессор-доктор С. Е. Малов.

Работа эта является первым основным источником для анализа как киргизской лексики, так и ее грамматических особенностей.

Большим событием в культурной жизни Киргизии явился выход в свет „Русско-киргизского словаря“, разработанного Х. Карасаевым, Дж. Шукуровым и К. Юдахиним, под редакцией К. К. Юдахина (г. Москва, 1944 г., 94 авторских листа).

В числе других работ К. К. Юдахина следует отметить также выступление и статью, посвященные вопросам консонантизма киргизского языка:

1) О сокращении некоторых букв в ряде тюркских алфавитов (по материалам докладов Сухотина и К. Юдахина). Журнал „Письменность и революция“, сборн. I, 1933 г., Москва - Ленинград, стр. 137—141.

2) Нужны ли в новом алфавите буквы *q* и *qʻ*? (Газета „Советская Киргизия“, 10 мая 1940 г.).

В этой статье на конкретных примерах доказана полная возможность отказа от самостоятельного буквенного обозначения фонем *q*, *qʻ*, а для передачи их предложены орфографические приемы, принятые в действующей¹⁾ сейчас системе киргизского алфавита и орфографии.

Это положение нашло реальное подтверждение в ойротской, туркменской, татарской орфографиях и может с большой пользой для дела быть применено и для казахского языка, как и для всех тюркских языков, в которых имеется парное различие (передних и задних) гласных.

В 32-м томе БСЭ помещена статья (за подписью Н. Д.) „Киргизский язык“ (стр. 386—7), в которой в краткой форме дана общая характеристика киргизского языка и его главнейших фонетических особенностей, отмечая наличие вторичных долгот, губного притяжения гласных, ассимиляции и диссимиляции согласных. По особому типу спряжения и. вр. 3 л. ед. ч. (*бол-от-т* вм. казахск. *бол-а-ды*) киргизский язык сближается с ойротским, а по признаку джоканья—с казахским, хотя внутри этого признака можно киргизский язык рассматривать как джокающий, а казахский как жокающий язык²⁾

IX. После национального размежевания Средней Азии, в 1924 году, была создана школа с обучением на киргизском языке.

В этот период начата была разработка учебников по киргизскому языку, словарей и ряда других пособий.

Из работ по киргизскому языку, издававшихся в Киргизии, помимо букварей, книг для чтения и учебников по языку для

1) Новый алфавит и орфография киргизского языка, г. Фрунзе, 194 г.

2) Аналогичная статья была помещена в т. V Литературной энциклопедии. Там, однако, киргизский и казахский языки автором объединяются в одну группу по признаку „с“. В действительности же, к группе „с“ относится казахский язык, а киргизский относится к группе „ш“: казахск. *тас*—кирг. *таш*—„камень“.

начальной школы, перечень которых мы опускаем, могут быть отмечены, во-первых, работы по вопросам языкового строительства, по терминологии, грамматике, диалектологии и др., предназначаемые для учителей, студентов ВУЗ'ов и интеллигенции; во-вторых, учебники и учебные пособия по грамматике для киргизской школы всех типов; в-третьих, учебники по киргизскому языку для русских.

В числе работ первого типа, используемых в настоящее время, могут быть названы из изданий Научно-исследовательского института киргизского языка и письменности следующие:

1) Из наших работ: а) Грамматика киргизского языка, вып. I, II, III, г. Фрунзе, 1939 г.—1940 г.

В выпуске I-м („Введение и фонетика“) раздел фонетики на стр. 35—76 охватывает характеристику фонетической системы киргизского языка и ее комбинаторных изменений. За счет популярности изложения несколько неточно аннотирована фонема *g* („твердое, гортанное *g*“) и недостаточно четко дифференцирован вопрос о соотношении *γ* и *ε* в киргизском языке относительно *ю* и *ё* (после согласных)—в русском.

б) Северные диалекты киргизского языка; г. Фрунзе, 1938 г. Дает опыт классификации северных диалектов по методу Жилье-Бона.

в) Употребление падежей в киргизском языке (в сопоставлении с русскими); г. Фрунзе, 1938 г.

г. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке; г. Фрунзе 1940 год.

2) Новый алфавит и орфография киргизского языка (на основе русской графики), г. Фрунзе, 1940 г. Разработан на основе проекта К. К. Юдахина.

Главнейшими достижениями этого свода правил являются переход на русский алфавит и изъятие из киргизского алфавита лишних букв для обозначения фонем *q* и *q'*.

Свод правил полностью использует состав русского алфавита с добавлением букв *θ*, *γ*, *η*, при использовании орфографических приемов для передачи фонем *q* и *q'*.

3) Серия терминологических словарей (списков терминов) по отдельным дисциплинам в объеме учебников для средней школы.

Из учебников и учебных пособий по языку, содержащих в себе материалы по грамматике и орфографии и предназначенных для киргизской и/с. и средней школы, в настоящее время используются следующие:

1) Морфология (основн. автор—К. Бакеев). Учебник для 5—6 классов, г. Фрунзе, 1941 г., изд. III-е. Дает сведения по фонетике и морфологии в объеме программы и/с. школы.

Изложение материала по глаголу ведется по категориям времени, а не по синтаксическим функциям типов отглагольных образований.

В изложении отдельных фактов допускаются неточности; напр. в § 78 место ударения в слове определяется наличием согласного „р“ (*карармын*), тогда как, в действительности, наличие ударения на предпоследнем слоге объясняется энклитичностью предикативных аффиксов, а не составом согласных основы; в ряде случаев предикативные аффиксы рассматриваются нерасчлененно от основообразующих (дается схема условной формы на стр. 92 в вид *ал-сам, ал-саңи* и т. п. вместо *ал-са-м, ал са-ң* и т. п.).

Недостаточно четко выявлен вопрос об общих категориях словоизменения имен.

Аналогичные неточности встречаются и в учебниках для III—IV классов киргизской школы и в учебниках для школ малограмотных, в которых даются краткие сведения по грамматике.

2) У. А. Ызбеков. *Grammatika, I v.*, г. Фрунзе, 1940 г. Учебник морфологии кирг. языка для педучилищ (Даны и общие сведения по фонетике). Издана на латинском алфавите.

3) Т. Актанов, Н. Макешев, К. Бакеев. *Кыргыз тилинин синтаксиси*, г. Фрунзе, 1940 г. (издание второе—на лат. алфавите). Дает свод синтаксиса киргизского языка и упражнений к нему¹⁾.

4) Более подробное и обстоятельное изложение основ синтаксиса киргизского языка для педучилищ дано Т. Актановым в его „*Grammatika*“, II том, г. Фрунзе 1940 г. В конце даны краткие сведения и по отдельным вопросам общего языкознания.

б) Популярное изложение правил применения нового алфавита и орфографии дано в следующих учебниках:

а) Н. М. Абрамов, Т. Актанов. *Алиппе*, г. Фрунзе, 1940 г.

б) Н. М. Абрамов, Чондор үчүн алиппе (букварь для взрослых), г. Фрунзе, 1940 г.

Из учебников по киргизскому языку для русских, в которых освещались вопросы грамматики, могут быть названы следующие:

а) Серия учебников Н. М. Абрамова под заглавием „*Оңтүздүлүк*“ (изд. 1935 г.), предназначенных для IV—VI классов русской школы.

б) Учебник киргизского языка для госучреждений и ВУЗ'ов, составленный Т. Актановым и И. Батмановым (г. Фрунзе, 1935 г.).

в) Т. Актанов. Учебник кирг. языка для V—VII классов русской школы, г. Фрунзе, 1939 г.

г) В настоящее время издана „*Орустар үчүн кыргыз тилинин окуу китеби*“ Касымкула Нанаева (г. Фрунзе, 1941г.).

За исключением нескольких устаревших уже учебников, этим в общем, исчерпывается список литературы по киргизской грамматике, в которой затрагиваются и вопросы фонетики.

1) Предварительное изложение основ этого учебника было дано в конспекте Т. Актанова и К. Бакеева в 1937 г. Третье издание „Синтаксиса“ в 1941 г. выпущено уже на новом алфавите, построенном на основе русской графики.

Х. Памятуя слова Н. Я. Марра о том, что „нет ни одного теперь формально учитываемого звукового явления, которое не имело бы функции, идеологически зависящей не от употребления, а от заказа общественности“, — в качестве отправного пункта описания фонетической системы киргизского языка в настоящей работе приняты нами не звуковые (акустические) его особенности, а фонемы, как звукопредставления социальной значимости, способные в речевом потоке реализоваться в том или ином акустическом варианте, укладываемые в определенный для каждой фонемы диапазон комбинаторных акустических разновидностей.

Причем, термин „фонема“ принимается нами в значении, которое в него вкладывал Л. В. Щерба.

Как известно, термин „фонема“ был введен в 1879 г. де-Соссюром в его „Memoire sur le systeme primitif des voyelles dans les langues indoeuropeennes“, Paris, 1879; однако де-Соссюр отождествлял еще фонему и звук речи.

Понятие фонемы было расширено Бодуэном де-Куртенэ в его „Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Kapitel aus der Psychophonetik“. („Próba teorji alternacyj fonetycznych“. Краков, 1894), который все же еще не преодолел понимание фонемы как только психического эквивалента звука.

Только Л. В. Щерба в своих работах — „Русские гласные в качественном и количественном отношении“ (Записки ист. фил. ф-та Спб. Ун-та, т. CVII, 1911 г.), „К вопросу о транскрипции“ (Изв. отд. р. яз. и слов. А. Н., 1911, том XVI, кн. 4) и „Фонетика французского языка“ (Лгр., 1939 г.) развил учение о фонеме и как о социальном явлении.

В интерпретации Л. В. Щерба понятие фонемы характеризуется тремя признаками:

Социальным (общий элемент различного произношения звука, утилизируемого как средство коммуникации); биологическим (касающимся вопросов восприятия и производства звуков) и акустическим или физическим (выражающимся в различных оттенках звучания фонемы, из коих один является самым типичным для каждой данной фонемы).

При описании акустических характеристик фонем мы пользовались наблюдениями над артикуляцией ряда объектов, самонаблюдением и, наконец, литературными источниками, дающими описание артикуляционной базы аналогичных звуков в других языках.

Акустические характеристики фонем, однако, даны нами условно, лишь как некие средние варианты, статистически преобладающие в изолированном произношении корнеслов. Варианты эти, в зависимости от соседства с другими звуками, могут изменять свои акустические оттенки.

Исходя из этого, например, наряду с характеристикой фоне-

мы *a*, мы в ряде случаев звуки *э*, *о*, *ө* рассматриваем как комбинаторные варианты этой фонемы, и она, следовательно, имеет несколько обусловленных характеристик, наряду с самостоятельным существованием и фонем *э*, *о* и *ө*.

Решающим для нас моментом для определения фонемы и диапазона ее акустических колебаний является, следовательно, не звуковая, а смысловая сторона речи.

Хотя описание артикуляционной базы и не входит в задачу данной работы, тем не менее вопросы артикуляционной характеристики фонем мы затрагиваем в нашем изложении (в связи со схемой тройной классификации звуков).

Поскольку, однако, задачей этой работы является лишь описание фонем и их соотношения в киргизском языке, детальные (основанные на инструментальном анализе) акустические характеристики самих фонем нами не приведены, а даны лишь в общих формулировках, позволяющих отличить одну фонему от другой, но не касающихся с исчерпывающей полнотой решительно всех акустических колебаний в произношении конкретных фонем: это задача инструментального анализа, касающегося не фонематической (смысловой), а лишь акустической стороны речи, не отражающейся на семантике. Иными словами, характеристики звуковых явлений даны в пределах семантической функции данного звука, включая сюда и сравнение комбинаторных вариантов фонем с акустически совпадающими с ними характеристиками самостоятельных фонем. Благодаря этому, например, говоря о фонеме *a*, мы упоминаем о ее комбинаторных вариантах *э*, *о*, *ө* (напр., в разновидностях *аф. — лар, — лер, — лор, — лөр*), т. к., наряду с такими комбинаторными вариантами фонемы *a*, существуют в киргизском языке еще и самостоятельные фонемы *э*, *о*, *ө*. Здесь, следовательно, один звук, напр., *о*, может совмещать в себе представление о двух фонемах:

- 1) о фонеме *a*, которая комбинаторно предстает в виде *о*,
- 2) о фонеме *о*.

Что касается таких акустических оттенков произношения, которые не меняют смысловой их нагрузки, либо не смешиваются с произношением других самостоятельных фонем или их комбинаторных вариантов, то эти акустические оттенки описывать мы не считаем для себя обязательным.

В описании фонетических явлений киргизского языка мы рассматриваем лишь основные закономерности, а значительная часть так называемых частных случаев, которые не укладываются в рассматриваемые нормы, все же полностью нами еще не учтены. Частные эти случаи, однако, имеют свое особое объяснение и, в свою очередь, как сами выявляют собою некие закономерности, так и составляют закономерное отклонение от „общих“ норм. Изучение этих вопросов стоит перед нами на очереди.

XI. При описании фонетической системы киргизского языка использован следующий материал:

1) Результаты наблюдений над живой речью представителей различных диалектов.

2) Газета „Эркин Тоо“.

3) Газета „Кызыл Кыргызстан“.

4) Эпос „Манас“.

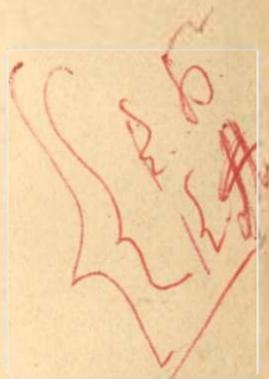
5) Киргизский фольклор.

6) Современная художественная и переводная литература.

7) Большой и интересный материал почерпнут нами из „Киргизско-русского словаря“ профессора К. К. Юдахина. Выход в свет этого словаря послужил толчком и источником для насыщения нашей работы большим иллюстративным материалом, который привел нас к ряду новых наблюдений и выводов.

Автор

8/VI, 1941 г.
г. Фрунзе.

Целевой

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1. Современный киргизский язык сложился в процессе многовекового взаимодействия различных языковых систем и идиомов.

На основании исторических данных трудно пока судить о времени образования специфических для киргизского языка особенностей; короче говоря, трудно точно установить дату появления этой речевой системы, которая, оказавшись ведущей, при обслуживании потребностей общения, в процессе использования внутренних ресурсов и скрещивания дала нынешнее качество, т. е. киргизский язык.

Академик В. В. Бартольд в своей работе „Киргизы“ (г. Фрунзе, 1927 г.)¹⁾ указывал, что первые известия о киргизах могут быть отнесены к 201 году до н. э.; однако, как отмечает В. В. Бартольд, эти данные ничего не говорят об языке и местоположении киргизов. Но можно судить о том, что киргизы, находясь в то время в бассейне верхнего течения Енисея, сталкивались с динлианами, хуннами, китайцами и с предками различных тюркских племен.

Достоверные данные о судьбах киргизского народа относятся к VII веку нашей эры; по этим данным можно судить о том, что в это время киргизы говорили уже на одном из тюркских языков.

Впервые в китайских исторических источниках до н. э. киргизы выступают под именем гянь-гунь.

В то время они кочевали в бассейне верхнего течения Енисея и во II в. до н. э. входили в состав гуннанских владений.

Спустя несколько столетий, киргизы в китайских исторических источниках выступают под именем хакас²⁾, а затем уже в орхонских надписях VIII в. под именем „кыргыз“. Наконец, среди калмыков киргизы выступали под именем буратов.

1) Второе издание этого труда вышло в свет в г. Фрунзе в 1942 г.

2) По мнению Пелльо, это лишь разновидность китайское традиционное имени киргиз.

12 1964 31867
Библиотечка
СИБИРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Начиная с II в. н. э., в исторических источниках появляются о кыргизах более достоверные данные. В этот период они сталкивались (очевидно, не впервые) с монголами и различными тюркскими народами; в том числе в процессе длительных освободительных войн с уйгурами в IX в.

В этот период кыргизами был проведен ряд походов на вошедших в состав монгольских владений Тянь-Шань киргизы двигались несколькими волнами (в I в. до н. э., в период кыргызского великодержавия и после).

В период между XIII и XVI в. в., очевидно, на Тянь-Шань прикочевала одаа из наиболее мощных в языковом отношении воли¹⁾.

Помимо кыргизов, прикочевавших на Тянь-Шань, часть кыргизов осталась и на Енисее, а впоследствии продвинулась к Чулыму. Как отмечает С. Е. Малов, предание о кыргизах сохранилось еще в начале этого столетия на Чулыме (оно зафиксировано С. Е. Маловым на стр. 5—6 в его „Отчете о командировке в 1908 г. студента Восточного факультета С. Е. Малова“).

Тянь-Шаньские кыргизы вошли в соприкосновение с джунгарцами, различными тюркскими племенами, иранцами и русскими.

В XVII—XIX в. в. кыргизы боролись за свою независимость против монголов, ойротов, китайцев. В XIX в. они признали власть кокандского хана, а затем в шестидесятых годах прошлого столетия вошли в состав Российского государства.

В дооктябрьский период в русской научной литературе термин кыргизы прилагался к обозначению как кыргизов, так и казахов.

Для дифференциации же обозначений, казахов называли „казак-кыргизами“, а кыргизов — „кара-кыргизами“ или „дикокламенными кыргизами“. Эти названия не соответствовали национальным самоназваниям кыргизов или казахов.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила кыргизов от двойного гнета, т. е. от гнета царизма и от гнета местного бай-манапства, и Киргизия, сначала в качестве автономной области (1924г.), затем в качестве автономной республики (в 1926 г.), а после принятия Сталинской Конституции в качестве Союзной республики приобрела свою государственность.

§ 2. В типологическом отношении кыргызский язык принадлежит к числу агглютинативных языков, в которых корень слова, как и производимые от него основы, могут употребляться в ка-

1) В. Радлов появление кыргизов на Тянь-Шане относил к 1259 г. („Фонетика“, стр. 39).

18

честве самостоятельных слов, а образование новых слов и словоизменение осуществляется при помощи сополагающих аффиксов суффиксального типа (следующих после корня или основы).

Префиксальные образования в киргизском языке, как общее правило, отсутствуют; в качестве редких отступлений от этой нормы можно назвать непродуктивный префикс *бей*—(иранского происхождения), который входит в состав некоторых отрицательных прилагательных; напр., *„бейтааныш“*—незнакомый, незнакомец; *„бейдарман“*—слабый, немощный и некоторые другие основы, осознающиеся как неразложимые.

В качестве единичного примера префиксального образования можно назвать также два антонима: *„туура“*—правильный, правильно и *„натуура“*—неправильный, неправильно.

На пути к превращению в префиксальные образования стоят **способы** редуPLICATIONНОЙ передачи интенси́ва от прилагательных с усечением первого слогового элемента и с сочетанием его с согласными:

$\text{кыкызыл} = \text{кы(зыл)} + \text{п} + \text{кызыл}$ — красный-красный,
 $\text{аппак} = \text{а(к)} + \text{п} + \text{ак}$ — белый-белый и т. п.

Такого рода образования, однако, префиксами не являются. Хотя общим способом сочетания аффиксов с основами в киргизском языке и является соположение, в нем, однако, в отдельных случаях обнаруживаются и явления фузии, что не является особенностью собственно-агглютинативных языков, а присуще языкам промежуточного типа, приближающимся к флективным, в которых корень утрачивает значение самостоятельного слова.

В качестве отдельных примеров явлений фузии можно назвать такие:

$\text{бала} + \text{лар} = \text{балдар}$ — „дети“,
 $\text{эми} + \text{ки} = \text{эмки}$ — „нынешний“,
 $\text{эки} + \text{оо} = \text{экөө}$ — „двое“.

Наряду с единичными случаями фузионных сочетаний аффиксов с основами, в киргизском языке имеются и пережиточные средства аморфно-синтетического строя, сводящиеся, во-первых, к словообразованию путем сочетаний основ (а не к аффиксальным средствам), например, *ата-эне*—родители (из *ата*—отец, *эне*—мать), *бурк-шарк*—сердито, гневно, *китеп-митеп*—книги и прочее, к ним относящееся и т. п.; во-вторых, к уточнению значения основ; в зависимости от их места в предложении. Ср.: *көз айнек*—„глазные стекла (очки)“ и *айнек көз*—„стеклянный глаз“.

Таким образом, киргизский язык, относясь к числу агглютинативных языков, сохраняет в себе пережитки аморфно-синтетического строя и имеет отдельные элементы фузии¹⁾.

¹⁾ Явления фузии в туркменском языке были отмечены проф. А. П. Поцей в его работе—„Фонетика туркменского языка“, § 25. (Ашхабад, 1936 г.).

Как выражение этого, грамматическими средствами киргизского языка являются:

1. Порядок расположения членов синтаксических конструкций.

2. Служебные слова.

3. Аффиксы.

4. Интонация.

§ 3. По лексическому составу и по грамматическим особенностям киргизский язык принадлежит к числу тюркских языков, входя в составе их в одну (кипчакскую) группу с такими языками, например, как ойротский, казахский, кара-калпакский, татарский, башкирский, ногайский, кумыкский, степные диалекты крымско-татарского и северные хорезмские и некотор. другие диалекты узбекского языка.

Промежуточное положение между киргизским языком и уйгурским, уже относящимся к другой группе тюркских языков, занимает язык хотонов (*хотоң*), кочующих в сев. зап. части Монголии и оторвавшихся от других тюркских народностей лет 200 тому назад¹⁾.

Судя по материалам Потанина, хотоны имеют генетические связи с киргизами, что подтверждается, по мнению Потанина, общими названиями некоторых родов (кир. Сарыбагыш и хотонск. Сары-баш) с одинаковыми легендами об их происхождении (Сары-баш—от сорока дев; эта же легенда распространена и среди киргизов в связи с этимологией их национального самоназвания).

С другой стороны, в словаре хотонов имеются и элементы общие с киргизским языком.

В составе одной группы с казахским и др. перечисленными языками киргизский язык внутри этой группы относится к сибилантной —шипящей—джокающей разновидности с развитыми заместительными долгими гласными и с явлениями лабиализации широких гласных, тогда как из ближайших к киргизскому языку сочленов рассматриваемой группы казахский литературный язык может быть отнесен к сибилантной —свистящей—жокающей разновидности, с отсутствием долгих гласных и с отсутствием явления лабиализации гласных в аффиксах. Ойротский же язык относится к сибилантной —шипящей—дэкающей разновидности с развитыми заместительными долгими гласными, с ограниченными нормами лабиализации широких гласных, при отсутствии, в основном, лабиализации узких гласных в аффиксах. К характеристике ойротского языка может быть также добавлено указание на две ступени озвончения фонемы „ш“, комбинаторно представляющей и в виде „ж“ (з).

¹⁾ См. Записки Восточного отдела, т. XX II (1915), стр. 265—290.

²⁾ К сибилантной же разновидности может быть отнесен башкирский язык.

На примерах отдельных слов соотношение главнейших признаков киргизского, ойротского и казахского языков может быть представлено в следующем виде:

- 1) киргизск.: *таш—джок—тоо—кушу—тулкулер—көлдө,*
2) ойротск.¹⁾ *таш—дөк—туу—кужы—тулкулер—көлдө.*
3) казахск.: *тас—жок—тау—кусы—тулкилер—көлдө.*

(Перевод: камень—нет—гора—его птица—лисицы—в озере)
(В фонетическом отношении киргизский язык сохраняет ряд архаичных черт:

1) заглушение в отдельных словах аффиксальных звонких согласных после сонорных (ср. *мурунтан* вм. *мурундан—издавна, *мурунтук* вм. *мурундук—поводок и некот. др.);

2) лабиально-сингармонистическое чередование широких гласных;

3) явления регрессивной ассимиляции согласных;

4) явления диссимиляции согласных и некот. др.

Но, вместе с этим, в киргизском языке обнаруживаются и черты, представляющие из себя результат позднейших образований:

1) появление заместительных долгот,

2) десингармонизация отдельных аффиксов,

3) изменение состава согласных и слоговой структуры (в результате скрещивания с русским языком).

§ 4. Литературный киргизский язык в ходе своего развития складывался как за счет расширений внутренних ресурсов, так за счет объединения диалектов и за счет скрещивания с другими языками. Вопрос формирования литературного киргизского языка может быть рассмотрен с историко-лингвистическим допущением, высказанным К. Марксом и Ф. Энгельсом: „в любом современном развитом языке стихийно-возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической централизацией“ (Маркс и Энгельс. Немецкая идеология, стр. 413).

„Историческое развитие из готового материала“ выявилось и в киргизском языке как в спонтанных, так и в комбинаторных изменениях его фонетической системы, в явлениях универбации, грамматической фиксации и сдвигах в области синтаксиса, происходивших в связи с изменением норм мышления и базировавшихся на использовании внутриязыковых ресурсов.

¹⁾ Сведения об ойротском языке почерпнуты из работы Н. П. Дыренковой— „Грамматика ойротского языка“, Москва—Лгр., 1940 г.

Вместе с этим и процесс скрещивания с другими языками также обогащал киргизский язык и протекал по двум каналам:

1) по линии языкового скрещивания, благодаря вхождению в киргизский национальный коллектив иноязычных групп, ассимилировавшихся с ведущим ядром киргизского нацколлектива (эти остатки языка иноязычных групп, последовательно растворявшихся в киргизском коллективе и, в свою очередь, вносящих в него качественные изменения, впоследствии предстали уже в виде диалектов или диалектных пережитков киргизского языка);

2) по линии языкового общения, происходившего не в процессе вхождения в киргизский нацколлектив новых этнических групп, а в процессе экономических и культурных связей с другими национальностями; в результате этого, в ходе исторического развития киргизского национального коллектива киргизский язык последовательно осваивал и языковые элементы народов, с которыми у него были соприкосновения. Поэтому, например, в лексике киргизского языка могут быть вскрыты как общетюркские, так и тюрко-монгольские, арабо-иранские и др. напластования, привнесшие в той или иной мере и соответствующие изменения в фонетическую систему киргизского языка, или вносящие в него новые, непривычные (для времени заимствования) нормы звукосочетаний.

Положительную роль в ходе развития киргизского языка играет русский язык, через посредство которого и из которого в киргизский язык вносятся новые элементы, обогащающие язык как лексическими, так фонетическими и грамматическими фактами.

§ 5. Бурный рост киргизского языка начался после Великой Октябрьской социалистической революции, а благодаря этому и в истории киргизского языка намечается два периода: дооктябрьский и послеоктябрьский, характеризующиеся соответствующими особенностями.

В дооктябрьский период в составе киргизского языка, наряду с последовательно формировавшимся стандартным разговорным языком, продолжали еще существовать резкие диалектные отличия, пережитки которых обнаруживаются и до настоящего времени. Так, выделяется две группы: северные и южные диалекты, из коих первые расположены в бассейнах рек Чу, Каракол, Нарын, Сусамыр, Талас.

В послеоктябрьский период грани между диалектами стираются, а стандартный разговорный язык получил широкое письменное оформление и был положен в основу литературного языка.

Система киргизской письменности в ходе своего развития также прошла несколько этапов:

1. В отдаленные времена киргизы пользовались енисейско-орхонским и уйгурским алфавитами.

2. Перед Октябрьской революцией был использован арабский алфавит, который не отражал всех фонетических особенностей киргизского языка.

3. К особенностям киргизского языка в 1924 году был приспособлен арабск. алфавит и соответствующим образом была перестроена орфография.

4. В 1928 г. состоялся переход на латинизированный алфавит. Причем, на этом этапе также выделяются такие периоды:

а) в 1928—1930 г. г.—использование латинизированного алфавита без заглавных букв и без букв *f, v, x*.

б) в 1930 г.—выделение заглавных букв и введение букв *f, v, x*.

в) в 1938 г.—введение стабильного свода орфографических правил и введение буквы *z*, с изъятием *h*.

5. Наконец, в 1940 году начат переход на новый алфавит, построенный на основе русской графики.

§ 6. Рассматриваемая в данной работе фонетическая система киргизского языка излагается ниже в двух разделах: 1) вокализм киргизского языка и 2) консонантизм киргизского языка, выделяемых так лишь для удобства изложения; в действительности же они составляют единое, друг друга дополняющее целое.

Ниже мы переходим к изложению вопросов вокализма.

ВОКАЛИЗМ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА.

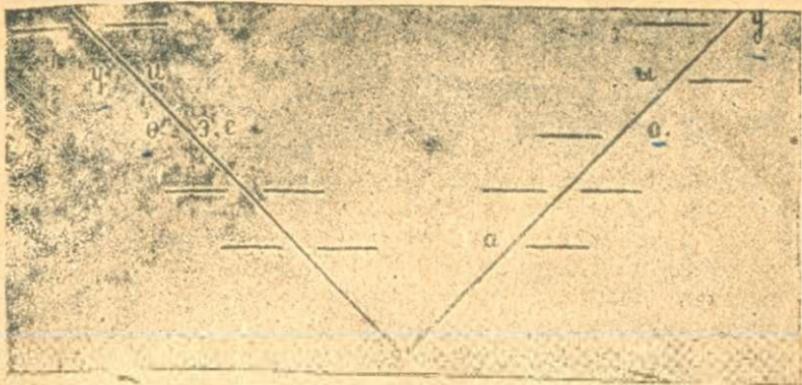
СОСТАВ ГЛАСНЫХ.

§ 7. Система вокализма киргизского литературного языка складывается из взаимодействия четырнадцати гласных фонем, из коих восемь кратких и шесть долгих. В таблице МФА (в переработке Л. В. Щерба)¹⁾ краткие гласные занимают следующее место, отмечаемое темными буквами.

В нашем обозначении, принятом в настоящей работе, это выражено в следующем виде:

¹⁾ Л. В. Щерба. К вопросу о транскрипции. (Изв. отд. р. яз. и сл. РАН 1911, том XVI, кн. 14).

Или, что тоже, по системе классификации гласных, принятой В. Радловым¹⁾.

Остановимся на характеристике кратких гласных.

Негубные гласные заднего ряда.

В составе негубных гласных заднего ряда выделяются 2 кратких гласных: *а* и *ы*.

§ 8. Фонема *а* в киргизском языке относится к наиболее широкому открытому варианту глубокого, заднего по месту об-

¹⁾ Radloff W. Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems (Изв. А. Н., 1901 г. XIV, № 4, стр. 428).

разования гласного, при произношении которого язык с подъязычной костью оттягивается назад так, что кончик языка не соприкасается с нижними альвеолами.

В силу максимально заднего характера произношения этой фонемы, она воспринимается обычно как „теноровый“ звук.

В отличие от киргизского *a*, русское *a* под ударением оказывается более передним, относясь уже к задне-средним по месту образования гласным, а в таких словах, как „дань“, „рать“, уже относится к более средней и более узкой разновидности *a*.

Фонема *a* в киргизском языке, однако, в зависимости от комбинации с др. звуками может иногда реализоваться как среднеязычный гласный.

Так, например, в словах „*ия* (=ийа) — а?“, *актив*, „*акиташ* — известь“, благодаря комбинации со средним по месту образования *к*, *a* приближается к среднеязычной своей разновидности.

Фонема *a* в южных диалектах может реализоваться в виде среднеязычного или у отдельных представителей даже в виде переднеязычного *a* (*a*).

Помимо этого, фонема *a* в аффиксах может комбинаторно реализоваться в виде *e*, *o* или *ө*:

эне + *лар* = *энелер* — матери,
тоо + *лор* = *тоолор* — горы,
төө + *лар* = *төөлөр* — верблюды.

В древнекиргизском лексическом пласте фонема *a*, независимо от прочих условий, может реализоваться в первом слоге: *ат* — конь, *ат* — отец, *бала* — ребенок и т. п.

Во вторых же и последующих слогах эта фонема реализовалась при условии, если ей не предшествовали *э*, *в*, *o*, *ө* или *у*. Таким образом, во вторых и последующих слогах фонема *a* встречается при наличии в первом слоге *а*, *ы* или *у*:

тоо ^а
а,
нагри

аба — дядя,
чыгат — выйдат,
турст — живет,
сууда — в воде и т. п.

§ 9. Фонема *ы*, в киргизском языке относится к числу „задне-средних“ по месту образования и „полуузко-узких“ гласных, отличаясь от русского *ы* более задней артикуляцией и большей степенью раствора.

В силу того, что русский *ы* сравнительно с киргизским оказывается более передним, он ассоциируется у лиц, впервые приступивших к изучению русского языка, с *и*: „рыба“ произносится почти как „*риба*“ (об этом типе и см. в § 11), „тысяча“ произносится почти как „*тисича*“ и т. п.

В древнекиргизском лексическом пласте фонема *ы* во вторых и последующих слогах основ могла употребляться лишь при условии, если в предшествующем слоге были *и* или *ы*.

В прочих случаях, как и в современном киргизском языке, в аффиксах *ы* комбинаторно выступает в виде *ы-и-у-ү*: ✓

ат + *ы* = *аты* — его лошадь,

эт + *ы* = *эти* — его мясо,

тоо + *сы* = *тоосу* — его гора,

төө + *сы* = *төөсү* — его верблюд.

Негубные гласные переднего ряда.

В составе кратких негубных гласных переднего ряда в киргизском языке выделяется две фонемы: *э* (*e*)¹⁾ и *и*.

§ 16. Фонема *э* (*e*) реализуется в качестве переднего по месту образования, а по подъему — средне-верхнего негубного гласного, как в русском слове „сено“ (но без дифтонгоидного оттенка).

В. Радлов выделял в киргизском языке две самостоятельные фонемы, которые он обозначал буквами *e* и *a* — умлаут, из которых первая разновидность (т. е. *e*) могла употребляться только в первых слогах, а вторая (обозначаемая буквой *a* — умлат) встречалась в первом слоге факультативно, а обязательно лишь в последующих слогах.

Ограничение употребления „*э*“ только первыми слогами уже говорит за то, что звук этот определяется комбинаторными условиями.

Но не это главное (могут быть фонемы, употребление которых ограничено позицией в слове, напр., *й* не употреблялась в начале слова): в современном литературном киргизском языке нет противопоставления двух *э*, как и не наблюдаются акустические отличия в произношении *э*, находящихся в различных позициях в слове.

Можно говорить только об акустических отличиях краткого и долгого *э*, из коих долгий является более передним.

Таким образом, хотя, как это установил Фой, в турецком языке *э* и *е* являются самостоятельными фонемами, что устанавливает и Н. К. Дмитриев для карамалицкого языка²⁾, для киргизского языка это положение не имеет никакого значения, мы не находим в киргизском языке ни одной пары слов, той бы противопоставлялись разновидности *э*, как средумантического различения³⁾.

1) Фонема *э* после согласных в новом киргизском алфавите пишется *е*.

2) Н. К. Дмитриев. Фонетика карамалицкого языка. Записки Коллежского университета, стр. 439, 440.

3) В этом отношении не может быть принято во внимание и высказывание Н. И. Ильминского относительно двух *е*:

1) „Умеренно протяжного“, напр., в слове *бер* — дай и 2) „краткого“, как в слове „*бер* — один“ (Н. И. Ильминский. Материалы к изучению киргизского языка, стр. 6), т. е., во-первых, речь там идет не о киргизском, а казахском произношении, и, во-вторых, в слове „*бер* — один“ мы имеем не разновидности *е*, а разновидности *и*.

Звук э в аффиксах может выступать в качестве комбинаторной разновидности фонемы а, следуя после слогов, в состав которых входят э (е) или и:

*энэ-лар=эне-лер—матери (мн. ч.),
киши+лар=киши-лер—люди и т. п.*

§ 11. Фонема и реализуется как негубной звук верхнего подъёма, а по месту—переднеязычный с задним уклоном. Сравнительно с русским и, по реализации своей киргизск. и оказывается более задним, занимая промежуточное положение между э и и.

Благодаря такой близости и к среднеязычному *ы*, русские, впервые приступающие к изучению киргизского языка, воспринимают фонему и (особенно в конце слова) как краткую разновидность *ы*, чему способствует и отличие в произношении словосочетаний, входящих в один слог с и:

„келди—он пришел“ воспринимается как „кельды“

„киши—человек“ воспринимается как „кишы“ и т. п.

Звук и может употребляться во вторых и последующих слогах в словах, созданных в дооктябрьский период, в том случае, когда в предшествующем слоге имеется э или и.

В аффиксах звук и может выступать на правах комбинаторной разновидности фонемы *ы*:

эне+сы=энеси—его мать,

бир+ынчы=биринчи—первый и т. п.

Губные гласные заднего ряда.

В числе кратких губных гласных заднего ряда в кирг. языке выделяется также две фонемы: о и у.

§ 12. Фонема о реализуется в киргизском языке как задний звук среднего подъёма, при отодвинутой назад подязычной артикуляции.

В одесных словах русский „у“ ассоциируется киргизами с фонемой о:

суд=сот,

сутки=сотке,

туфли=топли и т. п.

Звук о может выступать в качестве комбинаторного варианта фонемы а, когда в предшествующем слоге имеется о¹):

Однако в аффиксах, где употребляются долгие *оо* или *уу*, они сочетаются не только с губными гласными: *алты+оо=алтоо—шестеро, жазуу—лето*.

кол+лар=колдор—руки

орок+лар=ороктор—серпы и т. п.

Кроме того, *о* может возникать из *а* в заимствованных словах при наличии губного согласного *в* → *б*:

через узб. *havoz* → *авоз* → *обоз*—голос, → *аво* → *обо*—погода и т. п. *у* *э* *и*

§ 13. Фонема *у* реализуется в киргизском языке как губной звук заднего ряда, верхнего подъема, в общем, совмещающийся по способу образования с русским "у" (но более задний).

Фонема эта в дооктябрьском лексическом пласте во вторых и последующих слогах могла встречаться, если в предыдущем слоге были *о* или *у*.

Звук *у* может выступать в аффиксах в качестве комбинаторной разновидности *ы*:

тоо+ны=тоону—гору,

орок+ны=орокту—серп (винительный падеж).

Губные гласные переднего ряда.

В числе кратких губных гласных переднего ряда в киргизском языке выделяется две фонемы: *ө* и *ү*.

§ 14. Фонема *ө* реализуется в киргизском языке как передний губной гласный среднего подъема.

Язык при произношении этой фонемы находится в положении *э* с добавлением активной работы суженных с округлой щелью губ, выдвинутых вперед.

Во вторых и последующих слогах в дооктябрьском лексическом пласте эта фонема могла употребляться в основах при условии, если в предшествующем слоге были *ө* или *ү*¹⁾.

Звук *ө* может выступать в качестве комбинаторной разновидности фонемы *а*:

төө+лар=төөлөр—верблюды,

тулку+лар=тулкулөр—лисицы и т. п.

§ 15. Фонема *ү*, в отличие от полуузкого *ө*, реализуется как передний губной гласный верхнего подъема, по работе языка соответствующий передней разновидности *и* с добавлением работы более выдвинутых вперед и суженных с плоской (а не округленной) щелью губ, с меньшим отверстием, нежели при произношении *ө*.

Как и *ө*, фонема *ү* во вторых и последующих слогах в дооктябрьском лексическом пласте встречается лишь в том случае, когда в предшествующем слоге были *ө* или *ү*²⁾.

¹⁾ См. подстрочн. примечание на предыдущей странице.

²⁾ Но в аффиксах *-оо* | *-өө* (для образования собирательн. числительн. для образования инфинитива) долгий гласный *өө* может употребляться после любого переднего гласного: *эки+өө=экөө* (вкөө)—двое, *иште+өө=иштөө*—работать.

Звук у может выступать в качестве комбинаторного варианта фонемы ы:

төө+ны=төөнү—верблюда,

тулку+ны=тулкуну—лисицу и т. п.

§ 16. Пользуясь тройной классификацией гласных, с выделением дополнительно внутри каждого ряда по две градации, соотношение между гласными киргизского и русского языков можно представить в следующем виде:

1. Негубные.

По месту		Передние	Средние	Задние
По степени подъёма	Верхние (узкие)	и	и	ы
	Средние (полуузкие)	э	ө	ы
	Нижние (широкие)			а

Примечание: Киргизские гласные отмечены заглавными буквами.

II. Губные.

По месту		Передние	Средние	Задние
По степени подъёма	Верхние (узкие)	ү		у
	Средние (полуузкие)	ө		о
	Нижние (широкие)			о

Общие замечания к составу кратких гласных киргизского языка.

§ 17. Система кратких гласных киргизского языка складывается из 8 фонем, вопреки положению В. Радлова, по мнению которого система вокализма киргизского языка складывалась из девяти фонем за счет различия двух разновидностей *э*¹⁾.

В действительности же в современном киргизском языке фонематического различия двух вариантов *э* не наблюдается.

§ 18. Система гласных киргизского языка размещается по степени подъема по трем группам:

а) широкие—*а*.

б) полуузкие—*э, о, ө*.

в) узкие—*ы, и, у, ү*.

Фонематически же эти восемь гласных распадаются на два ряда, условно называемых широким (*а, э, о, ө*) и узким (*ы, и, у, ү*).

Все комбинаторные изменения гласных возможны лишь в пределах одного только ряда и, следовательно, невозможны комбинаторные изменения „широких“ гласных в „узкие“ и наоборот.

§ 19. Кроме противопоставления по степени подъема, для киргизского языка имеет принципиальное значение противопоставление задних (*а, ы, о, у*) гласных передним (*э, и, ө, ү*) и, кроме того, негубных (*а, ы, э, и*) губным (*о, у, ө, ү*).

§ 20. Тройное деление гласных, окончательно введенное в тюркологическую литературу еще В. Радловым²⁾, имеет принципиальное значение для объяснения комбинаторных изменений гласных.

§ 21. В отдельных случаях в давнобытующих словах киргизского языка возможны следующие колебания гласных, дающие либо дублетные разновидности одних и тех же слов, либо вносящие новые оттенки в их значения.

а) *о=у*:

молтоңдоо=мултуңдоо—уподобляться в своих движениях обрубку,

чолу=чулу—крепкий (человек),

оочу=уучу—охотник.

б) *уу=үү*:

дуулдоо=дүүлдөө—гудеть.

в) *а=ы*:

даңкылдоо=дыңкылдоо—звенеть, издавать протяжн. звуки.

алапай=ылапай—(усилительн. слово).

¹⁾ „Фонетика“, § 16, стр. 10.

²⁾ „Фонетика“, стр. 3—4. Радлов, по опыту своих предшественников, выделяет такие противопоставляемые категории: гуттуральные ∞ палатальные (г. е. задние ∞ передние), дентальные ∞ лабиальные (негубные ∞ губные) и широкие ∞ узкие.

- г) а=ү:
дабырт==дүбүрт—топот
- д) а=е:
дарт==дерт—горе, печаль.
дарек==дерек—весть.
- е) е=и:
даттекем==даттикем—игра в кости.
- ж) ө=ү:
сүрөк==сурук—срок.
- з) ы=у:
ылоо==улоо—животные или инвентарь, предназна-
чавшиеся для общественной повинности
мыт==тут—тутовое дерево.

* * *

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ.

§ 22. В литературном киргизском языке, как и в подавляющем большинстве его северных диалектов, выделяется шесть долгих гласных фонем: *аа, ээ, оо, өө, уу, үү* (или в латинизированной графикае: *аа, ее, оо, өө, ии, уу*).

Долгие же гласные *ы* и *и* в киргизском языке отсутствуют. Употребление двух разновидностей (по долготе) гласных соответственно изменяет семантику звукосочетаний. Иными словами, долгота гласных в киргизском языке фонематична.

Так, например, имеем:

„мал—скот“ и „маал—время“,
 „эр—муж“ и „ээр—седло“,
 „болук—полный, и „боолук—связло
 толстый, вязка
 пухленький, петля,
 „көр—пов. ф. от гла- и көөр—перл
 гола видеть.
 „бу—это“ и „буу—пар“ и т. п.

Надо заметить, однако, что вопреки принятому положению усматривать долгий „а“ в графическом сочетании „аа“ в середине слова, мы на наш слух в словах по формуле *СааС'* (т. е. в таких, например, словах, как *маал*—время, момент, *шаар*—город, *саат*—час и т. п.) воспринимаем два самостоятельных гласных с знянием, т. е. с прерывистой долготой, резко распадается по ударению на две части, а подобные основы отнесим не к односложным, а двусложным.

Это положение имеет и историческую мотивировку: все слова подобного типа вошли в киргизский язык из языков, где, как

1) Условно знаком „С“ обозначен здесь любой согласный, а знаком „а“ — гласный а.

общее правило, между гласными „а“ имеется г или h, отсутствующий в кирг. лит. языке (как и в подавляющей массе диалектов) гортанный спирант. В позиции между гласными а эти согласные были утрачены.

+ Действительно, *шаар* — „город“ восходит к персидскому *шаһар*, вошедшему в кирг. язык через посредство узбекского, *саат* — „час“ из *сагат* и т. п.

Мало того, в живой речи, в отдельных, правда, еще словах, имеется 2 варианта произношения; напр., *саат* — „час“ и *сагат* и т. п.

Это говорит за то, что в момент заимствования слов типа „СагаС“ или СаһаС“, само слово воспринималось как двухсложное, а согласный г или h в середине слова утрачивался, в силу чего и создавалось зьяние между гласными „а“. В стихах, однако, „аа“ иногда рифмуется с краткими гласными, соответствующими одному слогу.

Двойная буква аа может употребляться в двух значениях:

а) для обозначения долготы (как это и имеет место в большинстве случаев), напр., в словах „талаа—поле“, „аары—оса. пчела“ и т. п.;

б) для обозначения двух самостоятельных гласных, напр., в слове „Саар“ (геогр.) и др.

— Рассмотренные долгие гласные в отдельных диалектах киргизского языка, например, в таласско-чаткальском и в ряде южных диалектов, отсутствуют, либо количество долгих гласных фонем в них сокращается. Долгим гласным в этих диалектах соответствуют дифтонги (вм. лит. „суу—вода“ имеем „суу“; вм. „тоо—гора“ имеем „тов“ и т. п.).

§ 23. По месту и способу образования киргизские долгие гласные совпадают с соответствующими (парными) им краткими¹⁾, отличия сводятся лишь к противопоставлению длительности экспирации при произношении кратких и долгих.

Другой отличительной чертой долгих гласных кирг. языка, уже сравнительно с долгими гласными в некоторых других тюркских языках, является сохранение одной степени подъема в течение всего времени произношения данного долгого гласного. Наоборот, в туркменском, например, языке долгие гласные имеют тенденцию к сужению величины раствора органов речи и по своей структуре приближаются к дифтонгам, в силу чего графически в туркменской латинице долгий „уу“ передавался через „ив“ (язуу—писать=язув и т. п.), „үү“—в виде „уј“ („сујт—молоко“) и т. п.²⁾

Таким образом, каждый из киргизских долгих гласных можно характеризовать как единообразный (по степени подъема), „ровный“.

¹⁾ В отношении долгого ээ нужно отметить, что он реализуется в большей своей разнородности, нежели краткий э.

²⁾ А. П. Поцелуевский. Фонетика туркменского языка. Ашгабад, 1936, стр. 30.

ный" звук, тогда как в туркм. языке долгие гласные будут уже звуками нисходящего типа.

Определяя на слух количественное соотношение между русскими ударенными гласными, киргизскими краткими и киргизскимими долгими, три этих категории в своем соотношении воспринимались нами как $1:2\frac{2}{3}:1\frac{1}{2}$, принимая долготу русских ударенных гласных за единицу.

Таким соотношением и объясняется то обстоятельство, что русские, впервые приступающие к изучению киргизского языка, во-первых, воспринимают яснее в слове согласные и, во-вторых, на первых этапах обучения затрудняются в различении долгих и кратких гласных, т. е. киргизские долгие не укладываются в привычные количественные нормы произношения русских гласных. Иными словами, они не относятся между собой как $1:2$, как это мы имеем в соотношении между русскими обычными и двойными гласными, например, в таких словах как „сооружение“ и т. п.

А так как долгие гласные киргизского языка занимают в рассмотренной пропорции совершенно непривычное для русского языка промежуточное положение между простым (одинарным) и двойным (с зиянием) гласным, то они и не осознаются сначала как самостоятельные фонемы.

С другой стороны, более интенсивное слуховое восприятие согласных объяснимо беглостью (т. е. относительной краткостью) киргизских гласных (сравнительно с русскими).

Надо заметить, что внутри кратких гласных фонем имеются внутренние, чисто акустические (не фонематичные) отличия по долготе произношения, идущие по двум признакам:

1) по соотношению продолжительности произношения различных гласных;

2) по изменению долготы произношения одной и той же фонемы в зависимости от соседства с другими звуками.

По соотношению продолжительности произношения кратких гласных могут быть выделены такие градации:

1) максимально краткие—*ы, и, у, ү*;

б) краткий—*э*;

в) протяжные—*а, о, ө¹*).

¹)Различная степень протяжения гласных, в частности максимальная краткость „у“ и „ү“ сравнительно с более протяжными о и ө отмечены для киргизского языка Н. И. Ильминским в его работе „Материалы к изучению киргизского наречия“ (Казань, 186. на стр. 7—8.) Такое же соотношение между о, ө и у, ү отмечено для алтайского языка на стр. 2 в „Грамматике алтайского языка, составленной членами Алтайской миссии“ (Казань, 1869).

В. Радлов в своей работе—*Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems* (Изв. А. Н., 1901 г., т. XIV, № 4, стр. 437) отмечает три степени протяжения каждого краткого гласного в зависимости от слогового состава слова и состава однословных основ. Так, в словах—*бир*—один, *тиш*—зуб обнаруживаются гласные минимальной долготы, в слове *көл*, сравнительно с предыдущим, протяжение будет в 1 $\frac{1}{2}$ раза больше; в слове же *көлгө* протяжение составляет, по наблюдениям Радлова, 1 $\frac{1}{4}$ протяжения гласных с словах *бир, тиш* и т. п.

Следующей ступенью являются уже долгие гласные.

По изменению долготы произношения одной и той же фонемы, как будет указано при рассмотрении комбинаторных изменений гласных, одна и та же краткая гласная фонема, в зависимости от соседства с другими звуками, может еще редуцироваться, становясь как бы сверхкраткой, что мы имеем в таких, например, словах, как „тушту—слез“, „киши—человек“ и т. п., где узкий гласный *у*, *и* в позиции между смычным и проточным согласными неударенного слога редуцируется, а слова эти произносятся почти как *тшту*, *киши* и т. п.

Точно также имеются некоторые отличия по долготе произношения одной и той же фонемы в открытом и закрытом слоге или в зависимости от позиции слога и т. п. Кроме того, возможно появление долготы эмфатического порядка в зависимости от контекста речи и эмоционального насыщения её.

Различное отношение по долготе внутри категории кратких гласных фонем киргизского языка находит себе аналогию и в других языках. Так, например, по наблюдениям проф. А. П. Поцелуевского, в туркменском языке выделяется „не менее 3-х степеней долготы: мы имеем здесь — 1) гласные обыкновенной долготы, или краткие (напр., в словах *бер*, *язар*, *муна* и т. п.) 2) гласные долгие (напр., „а“ в слове *сары*, „и“ в слове „гир-мек“, „у“ в слове „дурын“ и т. п.) и 3) гласные сверхкраткие, беглые или иррациональные (напр., „и“ в словах *бир*, *бит*, *билен* и т. д.). Кроме того, в отдельных случаях иногда замечаются также гласные полудолгие (напр., „е“ в словах: „дер“ и „дери“¹⁾...

Подобно тому как краткие гласные киргизского языка не имеют устойчивой количественной характеристики, так и долгие гласные, хотя и продолжают осознаваться как самостоятельные фонемы, противопоставляемые кратким, в ряде случаев они могут произноситься с такой же степенью протяжения, что и обычные краткие.

Это явление сокращения (с чисто акустической стороны) долгих гласных мы наблюдаем, как общее правило, в том случае если долгий гласный находится в конце слова, а в начале следующего за ним слова имеется гласный:

Вместо ожидаемого—	Произносится:
суу акты—вода текла	су акты
төө алды—взял верблюда	тө алды

§ 24. Различение долгих и кратких гласных фонем обнаруживается не только в киргизском, но и в ряде других тюркских языков.

¹⁾ А. П. Поцелуевский. Фонетика туркменского языка, стр. 29 (транскрипция заменена).

Из среднеазиатских тюркских языков фонематичное различие долгих и кратких гласных наблюдается в киргизском, туркменском, уйгурском языках, в южно-хорезмских, в иканском и карабулакском говорах узбекского языка¹.

Из других тюркских языков долгие гласные обнаруживаются в якутском, тувинском, ойротском, карагасском и в некоторых диалектах турецкого языка. В мертвых же языках долготы различались в языке орхонских надписей и в древнеуйгурском, как это было отмечено в словаре Махмуда Кашгарского.

В одних языках долготы являются отражением древнетюркских долгот, которые могли существовать в доисторической период развития некоторых из тюркских языков. Эти долготы встречаются в таком лексическом пласте, который повторяется в значительной части тюркских языков и который мы условимся называть общетюркским лексическим пластом.

В ряде тюркских языков древнее различие долгих и кратких гласных либо отсутствовало, либо было постепенно утрачено, и лишь в туркменском, якутском и некоторых других тюркских языках сохранились в ограниченной группе основ древнетюркские долготы; в части языков (как в тувинском) произошло перемещение долгот. В значительной же части случаев долготы в тюркских языках суть явление вторичного порядка, создавшееся в связи с утратой согласных в определенных позициях.

Надо сказать, что понятие "древнетюркские" долготы, или, как это мы имеем в работах Владимирцова, Богородицкого и др. "общетюркские" долготы и т. п., в высшей степени условно, т. к. во-первых, отнюдь не установлен период возникновения этих долгот и ничем неподтверждена давность возникновения их сравнительно с заместительными долготами; во-вторых, отнюдь не установлено, что долготы этого типа были присущи предшественникам всех нынешних тюркских языков, не говоря уже о том, что и причины или условия возникновения этих долгот не установлены, как и не доказана изначальность их существования.

Термин "древнетюркские долготы" мы принимаем условно для обозначения всех долгот туркменского, якутского и некоторых других тюркских языков, которые, во-первых, пока что не могли быть разъяснены как заместительные и, во-вторых, встречаются в общетюркском лексическом пласте.

Т. к. долгие гласные этого типа встречаются преимущественно в односложных словах (или в первых слогах многосложных слов) это и даст основание условно пока считать их более древними.

¹) Комбинаторное появление долгих (не фонематичных) гласных в ташкентском говоре узбекского языка в расчет нами не принимается, хотя акустически там, как отметил П. Е. Кузнецов, можно выделить четыре типа (долгие, подолгие, короткие и иррациональные), зависящих от позиции фонемы в слове (роль сонорных в части удлинения гласных) и от места слова в предложении. См. П. Е. Кузнецов. Продолжительность гласных в живом узбекском языке. Сборник в честь В. В. Бартольда).

нежели заместительные долготы, не ограничиваемые позицией слога в слове.

§ 25. По использованию различных типов долгот тюркские языки могут быть разбиты на такие группы:

1) Языки, сохраняющие различие древнетюркских долгих и кратких гласных.

2) Языки, в которых произошло перемещение долгих и кратких гласных.

3) Языки, в которых долготы были заменены качественно отличными гласными.

4) Языки, в которых либо конвергировались долгие и краткие гласные, либо вообще отсутствовало различие долгих и кратких гласных.

5) Языки, в которых появились заместительные долгие гласные.

Остановимся на рассмотрении каждой из этих категорий отдельно.

К числу языков, сохранивших различие древнетюркских долгих и кратких гласных, могут быть отнесены туркменский, якутский, южно-хорезмские, кара-булакский и иканский говоры узбекского языка.

Надо, однако, стговориться, что сохранившиеся древнетюркские долготы в туркменском и тюркском языках обнаруживаются в ограниченной группе основ; в других же основах там имеются уже заместительные долготы.

В качестве примеров сохранения древнетюркских долгот приведем следующие:

*aad || туркм. *aad* || якут. *aam* — имя,
*йааз || туркм. *йааз* || якут. *саас* — лето,
*баар || туркм. *баар* || якут. *баар* — есть, имеется.

В кара-булакском диалекте соответственно обнаружены: *aam* — имя, *оот* — огонь, *кыыз* — девочка и т. п.¹⁾

Наряду с подобным сохранением долгот, в перечисленной группе языков обнаруживается утрата в отдельных словах древнетюркских долгих гласных; например, в якутском языке эти долготы в ряде случаев превращаются в полифтонги:

+ **йоол* || якут. *суол* — путь,
*бээш || якут. *биес* — пять,
*оот || якут. *уот* — огонь,
*көөк || якут. *күөк* — синий.

Примечание. Наличие древнетюркских долгот в перечисленной группе языков не устраняет появления в них и заместительных долгот.

¹⁾ К. К. Юдахин. Некоторые особенности кара-булакского говора (Сборник в честь В. В. Баргольда, стр. 405).

Так, например, в кара-булакском говоре, наряду с долготами древнего происхождения, имеются, по наблюдениям К. К. Юдахина, и долготы позднейшего образования вследствие стяжения дифтонгов или утраты гласных:

† *таук → тоок — курица,
*табыл → таап — найдя¹⁾

Само собою разумеется, что в туркменском языке долготы в ряде слов являются либо заместительными, либо создались на почве стяжения гласных (напр., бала + а = балаа — ребенку), либо, наконец, к ряду заимствованных слов, не относящихся к периоду формирования древнетюркских долгот, прилагались действовавшие в туркменском языке нормы использования долгот или передачи гласных, в силу чего и появились долгие гласные в словах наан — хлеб, заал — зал, тыйаатыр — театр и др., явно вошедших в туркменский язык недавно и не заключавших долгот в своей заимствуемой форме.

В якутском языке также не все долготы приходится возводить к древнетюркским.

Так, В. В. Радлов в своей „Фонетике“ (§ 106) и в своей работе — „Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen“ (Спб., 1908) разъяснил якутские долготы как заместительные.

Вопрос о происхождении древнетюркских долгот, к сожалению, не получил еще своего полного разрешения.

Весьма возможно, что и древнетюркские долготы в весьма отдаленный период развития тюркских языков возникли на базе утраты согласных. Вместе с этим, весьма возможно, что в образовании долгот мог играть роль звуковой состав слога: как отметил для кара-булакского говора К. К. Юдахин, древнетюркские долготы в кара-булакском говоре сохраняются обычно в позиции перед звонким согласным или глухим согласным, который в известных позициях озвончается (напр., аат + ы = аады — его имя). Это положение находит себе подтверждение и в значительной части случаев сохранения долгот в туркменском и якутском языках.

Соотношение долгих гласных и звонких согласных отмечено (в рёнбехом¹⁾), который считает, что древние долготы озвончали согласный: якутск. аас || турецк. адж — „голод“.

Возможно также, подобно образованию долгот в рюкюском или дунганском (где нет еще фонематических долгот, а акустически они уже ясно выражены) языках, что древнетюркские долготы создались на базе тонального словоразличения (о чем было изложено в моей „Грамматике киргизского языка“, вып. I). Но

¹⁾ К. К. Юдахин. Некоторые особенности кара-булакского говора, стр. 435, 4.

²⁾ V. Grönbech. Fo.studier til tyrk. Lydhistorie, стр. 76.

повторяем, все эти положения остаются пока лишь гипотезами и нуждаются в особом изучении.

II. Из числа языков, в которых произошло перемещение долгих и кратких гласных, отмечается тувинский язык. Однако и в нем долгие гласные имеют различное происхождение:

1) В отдельных случаях сохранились древнетюркские долготы: *саал*—плот (ср. якутск. *аал*).

2. В других случаях долготы являются результатом исчезновения согласного, который, пройдя стадию спиранта и вокализовавшись, удлинил гласный; причем, во многих случаях произошло также стяжение двух гласных в один долгий, по исчезновении находившегося между ними согласного (ср., например, *оол*←*огул-сын*^а).

Такое же объяснение происхождения ряда долгих гласных для тувинского (=урянхайского, по старой терминологии) дает вслед за В. Радловым и Катанов в своем „Опыте исследования урянхайского языка. (Записки Казанск. ун-та, 1899, кн. 72, § 28):

аа←*айа, ыйа, агы*:
чаа→тат. *джэйэ*—лук || *аал*→кирг. *айыл*→тур. *агыл*—деревня.
пээ→кирг. *бээ*—кобыла || *аар*→азерб. *аар*→кирг. *оор*—болен и т.п.
оо←*ога, үйү*:

чоон→узб. *йоган*—толщина; *өөр*→кирг. *үйүр*—косяк, стадо, табуи.
(Транскрипция упрощена нами. И. Б.)

3. Далее, в ряде случаев древнетюркские долготы в тувинском сократились:

†
*каар→*хар*—снег,
*кааз→*гас*—гусь,
*көөк→*көк*—синий,
*бээш→*беш*—пять,
*оот→*от*—огонь и т. п.

Но вместе с этим, вместо общетюркских кратких гласных, в тувинском возникли долгие:

†
*эт→*ээт*—мясо.
*ок→*оок*—стрела,
*от→*оот*—трава,
*баи→*бааш*—голова,
*өл→*өөл*—умри и т. п.

III. В числе языков, в которых древнетюркским долготам соответствуют качественно отличные гласные, отмечается чувашский язык.

В чувашском языке, например, у или о возникают на месте долгого древнетюркск. *а*, а краткий „а“ реализуется как „ы“.

*баар→чув. *пур, пор*—есть, имеется;

*бар→чув. *пыр*—иди.

Долгий о конвергируется (через дифтонг в некотор. позициях) с кратким „о“ с рефлексом в виде „у“.

† *ood = чув. *вут* — огонь
† *om = чув. *удэ* — трава и т. п.

Изменение долготы (но уже в обратном направлении: кратк. — долгий) в связи с передвижением гласных отмечено также В. А. Богородицким в статье — „О долгом и недолгом У в западно-сибирских диалектах и сродных явлениях в других языках“ (ДАН, В. 1927 г., стр. 75—78); где долгий *үү* восходит к *е, а кратк. *у* к *у: ишимск. *үүл* ← *өл — умри, ишимск. *кус* ← *көз — глаз (но ишимск. *туш* ← *туш — спуститься) и т. п. Аналогичное перемещение обнаруживается и в истории русского вокализма: *а → современное *о*, *а → совр. *а* и т. п.

IV. В значительной части тюркских языков древнетюркские долготы конвергируются с краткими гласными¹⁾. Так, например, в киргизском или казахском языках имеем:

† *(барXбаар) — бар — 1) иди 2) есть, имеется,
(кыызXкыз) → кыз — девочка, девушка,
(аадXат) → ат — имя и т. п.

V. В киргизском языке, как и наряду с пережиточными древнетюркскими долгими гласными в якутском языке и в отдельных словах в ташкентском и самаркандском диалектах узбекского языка, долгие гласные возникли уже на почве разложения дифтонгов или на почве утраты согласных.

Это так называемые заместительные долготы, уже возникшие либо после совпадения древнетюркских долгих и кратких гласных, либо на базе кратких гласных.

В работах Радлова мы не находим указания на существование древнетюркских долгот. Вслед за Бётлингом, долготы в современных Радлову тюркских языках разъяснились им и Ф. Коршем как заместительные, какими в действительности и являются долготы в рассматриваемой нами группе языков. Вопрос о древнетюркских долготах был поставлен лишь в аспекте сравнительного изучения тюркских и монгольских языков Владимирцовым и др. (ср., напр., работу Б. Я. Владимирцова „Сравнительная грамматика монгольск. письменного языка и халхасского наречия“, Лгр., 1929 и ряд др. работ), базировавшихся на неправильном признании существования тюрко-монгольского праязыка и полагавших, что древнетюркские долготы были обще тюркским явлением. И сколько не имеется конкретных доказательств, говорящих в пользу признания факта существования общетюркских долгот, мы это положение не принимаем в расчет для выяснения вопроса о долгих гласных в киргизском языке. Да и вопрос о том, возникли ли древнетюркские долготы раньше заместительных, был ли на прежних этапах развития киргизского языка эти дол-

¹⁾ По вопросу о соотношении долгих и кратких гласных использована работа И. Ильминского „Материалы к изучению кирг. наречия“, Казань, 1861 г.

готы или нет, практического значения не имеет для решения вопроса о происхождении современных долгих гласных киргизского языка, т. к. так называемые древнетюркские долготы в современном киргизском языке отражаются в виде кратких гласных, на базе которых и создались заместительные долготы позднейшего типа.

Т. о. отправным моментом для выяснения истории долгот в киргизском языке является замечаемая нами стадия (IV-ая), индифферентная к различению долгих и кратких гласных.

Как уже указывалось, Бётлингк¹⁾, а за ним на конкретном языковом материале В. В. Радлов в своей „Фонетике“ (§ 98—108), киргизские, абаканские, алтайские, якутские и др. долготы разъяснил на базе утраты согласного, — выделяя два таких основных случая:

А. Происхождение долгих гласных, благодаря вокализации и слиянию согласных с гласными, как, напр.: *сөз—ле→сөйлө²⁾* (киргизск.)—*сөөлө* (абаканск.)—говори, *сеу←сеу* (каз.)—*суу* (алтайск.)—люби (§ 99); *агс→ауэ→оос* (кирг.)—рот, *огл→вул* (кирг., телеут.)—сын (§ 100).

Б. Происхождение долгих гласных, благодаря слиянию гласных соседних слогов:

~~† ка:ан→каан—хан
мага→маа—мне (стр. 74).~~

Таким же образом объясняется и происхождение якутских долгот: *лаа←кал* „мешок“, *саа←йай* „лето“ и т. в.

Суммируя положение В. В. Радлова и его предшественников относительно происхождения долгот на современной Радлову стадии изучения тюркских языков, Ф. Корш указывал:

„Радлов высказал мнение, что она (долгота) не первоначальна, а возникла из стяжения. И точно: во всех тех случаях, которые мы можем объяснить этимологически, долгота оказывается последствием слияния двух гласных, обыкновенно по выпадении некогда их разделявшего согласного звука, если не так называемым вознаградительным протяжением, развивающимся при утрате долготы позиционной вследствие исчезновения согласного или полугласного звука перед другим согласным или в конце слова, как в кумыцком *туура*—„прямо“ из „*товра*“, или в турецком *даа*—„гора“ из *даг*, или служащим к восстановлению первоначальной длительности слова, нарушенной сокращением последующего слога³⁾).

Это положение в полной мере относится и к киргизскому языку. Для иллюстрации рассмотрим условия возникновения таких долгих гласных:

¹⁾ См. его *Ueber die Sprache der Jakuten*, 1851.

²⁾ В современном кирг. языке: *сүйлө*.

³⁾ Ф. Е. Корш. Слово „*блгдак*“ и долгота гласных в турецких языках („Жизнь старина“, 1909, кн. 70—71, стр. 756—764). Транскрипция замечена И. Б.

1. Широких „аа“ и „ээ“.

2. Широкого „оо“ (с комбинаторн. разновидностью „өө“).

3. Узкого „уу“ (с комбинаторн. разновидностью „үү“).

В части происхождения долгих „аа“ и „ээ“ выявляется два случая: 1) стяжение гласных, при утрате согласного и 2) утрата конечного г (в конце слога).

Явление стяжения одинаковых гласных, при выпадении находившегося между ними согласного г, й или һ (при заимствовании слов через узбекский язык), обнаруживается еще и на сегодняшний день на фактах пржевальского и таласско-чаткальского диалектов.

Так, например, в пржевальском диалекте вариант дательного падежа—аа происходит из сочетания=ага в литературном кирг. языке и в ряде северных диалектов:

лит. <i>мага</i>	—	пржевальск. <i>маа</i>	—	мне
<i>сага</i>		„		<i>саа</i> —тебе,
<i>ага</i>		„		<i>аа</i> —ему,

Этот вариант (*маа, саа, аа*) отмечен В. Радловым (в его „Образцах“. Напр.: *бугунгу алган саа йакшы*—взятое сегодня для тебя хорошо, *бергени маа йакшы*—данное мне (для меня)—хорошо (стр. 30, стих 829—83), *аа чыгын келди дейт*—„к нему выходил“, говорит (стр. 49, стих 1450) и т. п.¹⁾

Наряду с этим мы имеем в киргизском языке и такой частный случай, как *дагы*→*даа*—„еще“.

Здесь, при выпадении г, гласный *ы* ассимилировался с *а*, и после этого уже произошло стяжение их в один долгий *аа*.

В качестве другого примера появления стяженных долгих можно привести образование на—*ын* от глаголов, оканчивающихся на широкий гласный плюс—„н“:

<i>тап</i> + <i>ын</i>	=	<i>таап</i>	—	найдя
<i>өлп</i> + <i>ын</i>	=	<i>өөп</i>	—	поцеловавши и т. п.

При заимствовании из других языков сочетания—*аһа*, *ла* замещаются долгим *аа*:

	<i>баһа</i>	→	<i>баа</i>	—	цена,
+	<i>каһарман</i>	→	<i>каарман</i>	—	богатырь, герой,
	<i>багадур</i>	→	<i>баатыр</i>	—	герой и т. п.

Арабизмы, включающие сочетание *а* с айном, также приобретают долготу *а*: *маалым*—известный; *маани*—смысл; *таалим*—обучение и т. п.

На пути к стяжению гласного в долгий стоят такие слова как *саат*—час, *шаар*—город²⁾, *жаал* (*джаал*)—злой и др. (по формуле *СааС*), которые заимствованы киргизским языком

¹⁾ Транскрипция заменена. И. Б.

²⁾ Т. е. *сага т* → *саат*, *шаһар* → *шаар*—и и. п.

бо через татарский, либо через узбекский язык, где между гласными оказывается *g* или *h*.

В заимствованном виде подобные слова уже утратили согласный в середине слова, но процесс стяжения гласного в них ещё не закончен. Подобно этому, *йаг* → каз. *жау* → кирг. *жаа* — итти (о дожде, о снеге¹) и т. п.

Сочетание — *ah* в ауслaute дает *aa*: перс. *шаһ* → кирг. *шаа* (= *шах*).

В единичных лишь случаях — *ай* в конце слова дает *aa* и в современном киргизском языке дублируется, например, *тай* и *таа* — „родство (по материнской линии)“ или *мытайым* || *мытаам* — жулик; но в ряде слов сохраняется: *ай* — месяц, *сай* — русло ручья, *май* — жир, масло и т. п.

Происхождение долгого *ээ* также объясняется утратой согласного *й* или *g* в сочетаниях — *ейе*, *-ейи*, *-еге* или *ийе*, *-ей* в отдельных словах:

таласск. *эгер*, *эйер* = лит. *ээр* — седло²)

таласск. *эге* = узб. *эгэ* = лит. кирг. *ээ* — хозяин.

В ряде диалектов: *тейлөө* = *тээлөө* — закончить, приводить в порядок, *зейин* = *зээн* — способность, *дестиер* = *тестээр* — помощник.

Происхождение долгого *оо* может быть установлено из сопоставления фактов киргизского, узбекского и казахского языков, как и при учете особенностей таласско-чаткальского диалекта киргизского языка.

Начнем с примера, фигурирующего в схемах классификации тюркских языков, а именно проследим модификацию слова *тоо-гора*³):

Шорск. *таг* = узб. *тог* = уйг. *таг* = каз. *тау* = кирг. таласск. диалект. *тоу* = кирг. лит. *тоо*.

Точно также *сауда*, *саудо*, при заимствовании через узбекский язык, превратилось в киргизском в *соода* — торговля, *һавал* → *авал* → *оол* — положение, состояние. На этом же основании русское „самовар“ (произносится: „самавар“) превратилось в киргизском в „самоор“, где „ова“ превратилось в долгий *оо*. Параллельно с этим, сочетание *ав*, или в отдельных словах сочетания передних губных с *й*, дают на киргизской почве *өө*:

Узб. *дәүләт* = кирг. *дөөлөт* — богатство.

Узб. *нәvbät* = кирг. *дөөмөт* — черед.

1) К. К. Юдахин. Киргизско русский словарь, стр. 57б.

2) Аналогичные причины возникновения долгого *ээ* отмечаются и в ойротском языке; ср. *ээв* = *эзер* — седло, *ичээн* — *ичеген* — нора и т. п. (Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка, стр. 24).

3) Фонетические варианты этого слова — *таг*, *тау* — применялись, напр., в Боршем в его „Классификации тюркских племен по языкам“ („Этногр. Обзорен.“, 1910, кн. 84—85) в качестве одного из классификационных признаков. Проникли в последующие системы классификации тюркских языков. Этот признак был известен и средневековым мусульманским филологам.

Казахск. *түйә* = кирг. *төө* — верблюд.
 Кирг. *сүйөнүү* || *сөөкүү* — опираться.
 Кирг. *сөпүлжан* || *сөөлжан* — дождевой червь.
 Кирг. *чөйчөк* || *чөөчөк* — маленькая чашка.
 Кирг. *өйдө* || *өөдө* — подъем, верх и т. п.

Из сопоставления этих примеров не трудно убедиться в том, что превращение *ä* → *oo* происходит при образовании долгого *oo* под влиянием *ʋ* (входящего в один слог с *ä*), т. к. эта *ʋ* обнаруживается в цепи превращений *ä* → *oo* и *ä* → *өө*¹)

Таким образом, таласский диалект киргизского языка сохраняет факты промежуточной стадии, на базе которой и развились явления остальных сев. диалектов и лит. киргизского языка.

Следовательно, ступени развития долгого *oo* (или при переднерядных основах — *өө*) могут быть представлены схематично по составу слога так:

$ag \rightarrow av \rightarrow ov \rightarrow oo.$

Превращения *av* → *ov* здесь могут быть объяснены явлением регрессивной ассимиляции, т. е. влиянием билабиального *ʋ* на *a*, что и дало уже лабиализованный вариант сочетания, т. е. *ov*, превратившееся в нисходящий дифтонг, а потом и в долгий гласный.

В качестве подтверждения такого положения, указывающего на наличие на предшествующих этапах развития киргизского языка не долгих гласных, а сочетаний дифтонгов или сочетаний гласного и согласного, может служить следующий факт, отмечаемый К. К. Юдахиным: „Влияние долгого *o* (*oo*) на соседний слог не устойчиво. Можно слышать и *тоолор* и *тоолар*, *тоодо* и *тоода* и т. д. В арабско-персидских заимствованиях долгий *o*, как правило, на соседний слог влияния не оказывает: *соода*²) (а не *соодо*), *оопа*³) (а не *оопо*)“.

Из этого следует, что в подобных сочетаниях аффиксальному „*a*“ раньше предшествовало *av*, а не *oo*.

Как уже было указано, — *ag* в конце слога реализуется на киргизской почве либо в виде долгого „*aa*“, либо в виде долгого „*oo*“.

Пока еще не удастся выявить закономерности таких различных вариантов реализации; можно лишь предполагать, что два этих варианта суть разные хронологические напластования, из коих более древним является вариант с долгим *aa* (*caa* — доить).

¹) В отдельных случаях сочетания *VbV*, при ослаблении *b*, также могут давать долгий гласный:

чыбар — *чаар* — пестрый, чубарый,
мубарек — *маарек* — благословенный,
тоботуу — *тоотуу* — заставить обратить внимание.

²) = торговля.

³) = вежливость (К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 5. Транскрипция заменена И. Б.)

жаа — итти дождю, снегу и т. п.), т. к. слова с *aa* встречаются как общее правило, в лексическом пласте примитивного кочевого быта и могли проникать в киргизский язык еще до стадии *ag* → *av*. Иными словами, в конце слога *g* тогда превращался в нуль, а гласный удлинялся.

Либо, наконец, подобного рода основы входили в киргизский язык, имея долгий гласный еще в источнике заимствования. Так, например, весьма вероятно, что „*саа*—донить“ было заимствовано из монгольского языка уже в период, когда там закончился процесс трансформации *сага* → *саа*.

Как указывает Владимирцов при рассмотрении вопроса о судьбах сочетаний *V+g+V*, исчезновение *g* между гласными произошло „в очень раннюю эпоху, во всяком случае до возникновения монгольского государства при Чингис-хане“¹⁾, т. е., добавим мы, в один из ранних этапов развития киргизского языка, до прихода киргизов на Тянь-Шань.

В значительной части слов, явно заимствованных киргизами уже в период после прихода их на Тянь-Шань (фарсизмы, арабизмы), мы уже имеем иную реализацию: *ag* → *av* → *ov* → *oo*.

Происхождение долгого „*уу*“ также разъясняется утратой согласного „*g*“ или разложением дифтонга „*уv*“.

Для примера возьмем фонетич. вариации слова „*суу*—вода“ в различных языках:

Орхонск. *суб* = др. уйг. *суп* = узб., каз. *суб* = кирг. *суу*.

Другие примеры:

Уйг. *бугдай* = кирг. *буудай* — пшеница; †

Уйг. *тогра* = каз. *туура* = кирг. *туура* — прямо, правильно.
Уйг. *огул* = кирг. *уул*²⁾ — сын; факультативно: чагат. *туг*³⁾ = кирг. *туу* — знамя.

Таким образом, слоговое сочетание *уг* → *ув* → *уу*, или, факультативно, *ук* → *уу*.

Такова же, в общем, и история долгого *үү*, который возникает либо благодаря утрате конечного *g* (ср. чагат. *эллүг* = кирг. *элүү* — пятьдесят), либо *й*:

Кирг. *чүйлү* || *чүүлү* — ястреб тетеревятник.

Кирг. *күүлөө* || *көөн* — настраивать муз. инструмент.

Помимо рассмотренных случаев возникновения долгот, можно отметить также появление в отдельных лишь словах долгот на базе утраты *н*:

Кирг. *дүң* || *дүү* — слава, известность.

Кирг. *көңүл* || *көөн* — сердце, желание и т. п.

1) Б. Я. Владимирцов. Сравн. грамматика монг. письм. языка и калхас. наречия, стр. 193. Пример *сага* → *саа* дан на стр. 194.

2) Сужение „о“ первого слога здесь объясняется явлением регрессив. ассимиляции, т. к. последний (ударенный) „у“ является здесь более стойким.

3) П. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, стр. 087.

Возникновение долгих гласных на почве утраты согласного находит себе аналогию и в других тюркских языках.

Так, например, в гагаузском языке долгие *aa*, *oo* возникают благодаря утрате *z*:

йазмага → *йазаа* — чтобы писать,
бойа агаджи → *бойа ааджи* — красильное дерево,
+ *огул* → *оолу* — сын¹).

Аналогичные явления обнаруживаются в стамбульском диалекте турецкого языка (где, напр., *диг* → *даа* — гора).

Долгий гласный появляется в современном уйгурском языке на почве утраты „*r*“ (в конце слова и перед согласным): вм. *бар* имеем — *баа* — „есть, имеется“; вм. *базар* имеем *базаа* — „базар“ и т. п.

В ташкентском говоре узбекского языка заместительная долгота гласного также появляется в связи с утратой *ç* или *p*²) (в ауслауте). Например, вместо *келіңләр* имеем *келійлә* — „приходите“, вм. *олиңлар* имеем *олийлә* — „берите“ и т. п. При заимствовании из арабского и персидского, в некот. словах *айн* реализовался на почве ташкентского и самаркандского говоров как стяженный гласный с соседним *a*: в словах „бәэзі — некоторый“ или „йәэні — то-есть“ мы имеем долгий гласный (пишется „ба’зи“, „я’ни“).

В монгольском языке долгие гласные, как и в киргизском, возникли на базе утраты согласного; формула образования долгот здесь имеет такой вид:

$V + z + V = VV$ или $V + v \parallel b + V = VV$

Напр., монг. письм. *имаган* = халх. *имаа* — козел, коза.

өбер = *оорі* — свой

ирелуге = *ірлээ* — уже пришел,

+ *тогуну* = *тооно* — дымное отверстие,

эгүр = *уур* — гнездо, логовище³) и т. п.

§ 26. В заключение, касаясь вопроса о преемственной связи между древнетюркскими долготами и заместительными долготами в киргизском языке, нужно отметить, что на основании имеющегося материала по киргизскому языку не представляется еще возможным установить наличие древнетюркских долгот в киргизском языке на предыдущих этапах его развития: следов этих древнетюркских долгот в киргизском языке мы почти не

1) Примеры с анализом их почерпнуты из работы Н. К. Дмитриева „Гагаузские этюды“ (Ученые записки ЛГУ, № 20, вып. 1, 1939 г.), стр. 3—27). Транскрипция замснена. И. Б.

2) Ср. у Радлова в „Фонетике“, § 101 о возникновении заместительной долготы при утрате „*r*“ в таранчинском диалекте.

3) Материал почерпнут из работы Б. Я. Владимирцова — „Сравнительная грамматика монг. письменного языка и халхаского наречия“, Лгр., 1929, стр. 192—196. Транскрипция замснена.

находим¹⁾. Следовательно, отправным моментом в исследовании вопроса о долготах в киргизском языке остается пласт, в котором, сравнительно с туркменским, чувашским и, частично, якутским и некотор. диалектами узбекского языка, долгие и краткие древнетюркские гласные не дифференцировались.

Сравнительно с этим, заместительные долготы могут рассматриваться как более позднее напластование в киргизском языке.

Но, вместе с этим, поскольку мы не располагаем фактами, относящимися к ранним этапам развития киргизского языка, возможно и иное чисто априорное и пока бездоказательное предположение о том, что в древнекиргизском языке существовало различие долгих и кратких гласных, но в плане корнеслов, которым в языках, обладавших различием древнетюркских долгот, соответствовали краткие гласные.

Последующие лексические напластования, в которых были непривычные для тогдашнего киргизского языка звуко сочетания в слове (*аг, ав* и т. п.), видоизменялись и преобразовывались в долготы.

Этого типа корнеслова (с заместительными долготами) приобретали все больший и больший удельный вес в составе киргизского языка.

Долгие гласные в киргизском языке встречаются как в основах, так и в ограниченной группе аффиксов.

В соответствии с нормами действующей сейчас системы орфографии киргизского языка долгота гласных графически отражается в следующих пяти аффиксах:

1) В аффиксе для образования прилагательных обладания -луу || -лүү || -дуу || -дүү || -туу || -туу (напр., *балалуу*—имеющий детей, *ар түрдүү*—различный, *таштуу*—каменистый, избылиющий камнями).

Аффикс этот представляет из себя вариацию аффикса -лык || лыг, где конечный г дал заместительную долготу предшествующего гласного.

Аффикс -лык мог проникнуть в киргизский язык значительно позже (допустим, в период стыков киргизов и уйгуров или огузов) и уже с сохранением конечного к, г.

2) В аффиксе для образования отглагольных имен и инфинитива -уу || үү || -оо || -өө (напр., *жазуу*—писать, *келүү*—приходить, *баштоо*—начинать, *иштөө*—работать). Аффикс этот, очевидно, восходит к—ыг.

3) В аффиксе для образования собирательных числительных -оо || -өө²⁾ (напр., *экөө, өкөө*—двое, *алтоо*—шестеро).

4) В аффиксе для образования усилительной степени—раак ||

1) Древнетюркские долготы могут быть вскрыты лишь на единичных (и редких) примерах в кирг. языке: *тааны* и некот. др.

2) Ср. с казахск. „-ав“ = „-ев“.

-рөөк | -роок || -рөөк (напр., суулуураак—водный, из суулуу—водянистый; макшыраак—получше и др.).

5) В аффиксе, -дооч (из -да +гыч): чаардооч—инструмент для выделывания ранта, баяндооч—сказуемое и т. п.

Кроме того, долгие гласные встречаются в произношении аффиксов -а.ан (алаган=ал. аган—часто берущий, жадный), -агыч (көрөгөч=көрөөгөч—зоркий, прозорливый), -чик (оюнчак=оюнчаик—игривый), -уул (ч.буул—атака, скачки, быстрая езда). Факкультативно долгий эмфатический гласный может возникать и в образовании на -ар, если оно оказывается в позиции сказуемого¹⁾ (в произношении: кат жазаармыч—я, может быть, напишу письмо).

В ряде случаев в киргизском языке встречаются дублетные варианты с долгим и кратким гласным в отдельных словах; примеры:

тооба и тобо—раскаяние,
тебээле и теб.ле—топтать,
тиажы и тажы—корона,
чогоол и чо ол—назв. колючего растения,
чолоо и чоло—досуг,
дыаар и дыдар—физиономия, вид лица,
мөөрө и мөрө—мычать и т. п.

Свидетельствует это, очевидно, о потенциальной тенденции к сокращению долгих гласных перед сонорными и некоторыми звонкими согласными, преимущественно в заимствованных словах.

* *
*

§ 27. Резюмируя изложенное, следует повторить, что долгие гласные в киргизском языке возникли, во-первых, благодаря стяжению гласных соседних слогов, при утрате находившегося между ними согласного *г*, *н*, а иногда *б* и *й*²⁾, как это мы имеем в примерах: *сигат*=*салт*—час, *шаар*=*шаһар*—город, *ээ* из *эйе*—хозяин, *доол* из *добул*—град; во-вторых, благодаря утраты *г* или *в*, замыкавших слог: *буудай* из *бугдий*—пшеница, *боо* из *оаг*—сног.

¹⁾ Отмечено К. К. Юдахиним.

²⁾ Не следует, однако, думать, что в киргизском языке сочетание *VgV* или *VñV* и т. п. всегда дает долготу: эта долгота создавалась лишь в определенный период освоения слов, и в таких основах, в которых постоянны линии слогораздела. В словах же позднейшего происхождения, как и в древних словах с переменной линией слогораздела, *г* и *й* между гласными вполне возможны, о чем см. в разделе о консонантизме.

§ 28. Сопоставляя словарный состав киргизского языка с словарным составом тех языков, с которыми киргизский язык имел связи, можно выделять ряд словарных пластов (иногда весьма незначительных в количественном отношении), общих киргизскому и одному или нескольким другим языкам.

В хронологической последовательности пока можно заметить такие общие пласты.

1. Пласт слов, прослеживаемых в общей массе тюркских языков, отличающихся лишь фонетическими разновидностями. Этот пласт сложился в относительно отдаленный период (до VII века, т. е. еще до появления енисейско-орхонских надписей). Сложился этот пласт в процессе интенсивного скрещивания разноязычных племенных образований. Пласт этот условимся называть „общетюркским“

Примеры: *ат*—конь, лошадь.
                  кел—приходи,
                  ал—бери,
                  ат—стреляй и др.

2. Один из древних пластов. Это ряд слов, общих монгольскому и одновременно ряду тюркских языков. Условимся называть его монголо-тюркским лексическим пластом, создавшимся в процессе связей тюркоязычных и монголоязычных коллективов.

Таковы, например, слова: *эртең*—завтра, *эл*—народ и т. д.

3. Пласт слов арабского и иранского происхождения, вошедший в киргизский язык, очевидно, уже после прихода киргизов на Тянь-Шань и при посредстве узбекского, таджикского и татарского языков. Эти словарные элементы (в соответствии с фонетическими особенностями киргизского языка того периода) подверглись в киргизском языке значительным фонетическим (а иногда и смысловым) изменениям.

Таковы, например, слова:

китеп—книга,
дептер—тетрадь,
илим—наука,
шаар—город и т. п.

4. Пласт слов, вошедших в киргизский язык из русского в колонизационный период и подвергавшихся сильным фонетическим изменениям, применительно к таким типам фонемосочетаний, которые были присущи киргизскому языку в тот период. Пласт этот условимся называть дооктябрьским русско-киргизским пластом. Сюда могут быть отнесены такие слова, как:

самоор—самовар,
ашмушкө—осьмушка,
устөл—стол,
картошкө—картошка и некоторые др.

Сами эти слова в живой речи также последовательно изменяются теперь, перестраиваясь применительно к русскому произношению; *устөл* уже в ряде случаев перестраивается в *стол* и т. п.

5. Пласт слов, вошедших и созданных в процессе скрещивания киргизского языка с русским после Октябрьской революции. На первых этапах скрещивания многие слова подверглись фонетическим изменениям, но вслед за изменением количественного состава словарного запаса шло и изменение фонетической системы киргизского языка.

Благодаря этому, те фонетические законы, которые действовали в первые годы после Октябрьской революции, в ряде случаев в устах киргизов, владеющих русским языком, утрачивают уже свое значение. Одни и те же слова в первые годы после Октябрьской революции и сейчас звучат различно. Сравним, например, различные варианты произношения слова „колхоз“: *калкос*—*к алкос*—*калхоз*—*колхоз*. Весь этот пласт слов условимся называть послеоctябрьским пластом, выделяя в нем две разновидности по орфографическому оформлению:

а) двадцатых годов (этого столетия),— с консервативной фонетической системой, успевшей, однако, сразу же, после победы социализма, резко перестроиться и обогатиться новыми типами звуко сочетаний;

б) тридцатых годов,— с нормами русской графической передачи новых слов: произношение последовательно приближается к русскому написанию советских и интернациональных слов (ср. современные *конституция*, *совет* и т. п.)

Таковы главные типы лексических пластов в киргизском языке. Помимо этих пяти типов, имеются, разумеется, и другие элементы (китайские, палеоазиатские и т. п.), но в данной работе мы не останавливаемся на их характеристике.

Не следует думать, что современный лексический запас киргизского языка есть продукт механического наслоения различных типов пластов. **Пласты** эти оказывали влияние друг на друга. Одни из элементов в окостеневшем виде дошли до нас, другие подвергались значительным изменениям. Вместе с этим, стили киргизского языка с **другими языками** происходили в различные исторические эпохи. Поэтому, например, в монголо-тюркской лексике возможны сочетания различных фонетических особенностей.

Наконец, следует помнить, что состав современной киргизской лексики, помимо сочетания отдельных пластов, сформировался и благодаря влиянию на них некой ведущей системы,

которая, впитав в себя иноязычные элементы, сохранила те специфические черты, которые отличают киргизский язык от других (казахского, узбекского и т. д.) языков.

Фонетические изменения шли двумя путями, как и развитие языка в целом: путем развития внутренних противоречий ведущей системы и путем усвоения иноязычных элементов, которые, в свою очередь, оказывали влияние на развитие внутренних противоречий и сами включались в них.

§ 29. Остановимся теперь на беглой характеристике соотношения некоторых отдельных гласных киргизского и других языков в различных пластах.

1. В лексике монголо-тюркского пласта можно отметить такие современные соответствия¹⁾:

а) тюркскому *a* первых слогов соответствует монгольский *i*.

кирг. *сары* (желтый) = монг. *сiра*,
кирг. *кар* (снег) = монг. *кирмаг* — мелк. снег (иней);

б) общетюркскому *ы* в непервых слогах соответствует монгольск. *a*:

кирг. *алтын* = др. турецкое и карлукское *алтун* (золото) = монг. *алтан*,

кирг. *катык* (окрепнуть) = монг. *катагу* (жесткий) и т. п.

в) губные первых слогов в ряде случаев совпадают:

кирг. *ордо* — ставка, лагерь = монг. *орду*,
кирг. *төрт* — четыре = монг. *дөрбөн*,
кирг. *түр* — вид = уйг. *туз* = монг. *дүри*

Во вторых слогах киргизским губным могут не соответствовать губные в монгольском, так как закон лабиально-сингармонистического чередования там не действует:

кирг. *түмөн* — множество, десять тысяч = монг. *түмен*.

г) Кирг. *e* в первых слогах в монгольском, обычно, соответствует *e*:

кирг. *бел* — поясница = монг. *бел*,

кирг. *эл* — народ = монг. *эл* (в слове *элчин* — посол, гонец народа).

2. В общетюркском пласте, по примерам современной стадии, можно дать такие соответствия:

а) Киргизскому *э* (*e*) в татарском языке в ряде слов (но не во всех) соответствует *и*, а киргизскому *и* — татарское *э* (*e*):

кирг. *ким* — кто = тат. *кел*,
кирг. *бел* — поясница = тат. *бил*.

Киргизским же *ы*, *и* в узбекском и уйгурском, где они кон-

1) См. Б. Я. Владимирцов. Сравнит. грамматика монг. письменного языка и халхаск. наречия, стр. 13—176.

2) В монгольском языке *ы* и *и* конвергировались с рефлексом *i*.

вергировались с рефлексом *i*, соответствует *i*: узб. *qiz* = кирг. *кыз* — девушка; узб. *биз* = кирг. *биз* — мы и т. п.

б) Киргизскому *э* (*e*) в языках, где имеется различие *a* и *э*, может соответствовать в одних случаях *э* (*e*), в других — *э* (преимущественно в словах арабского и персидского происхождения):

кирг. *мектеп* — школа = узб. *мактаб*, но
кирг. *кел* — приходи = узб. *кел* и т. п.

г) Киргизскому *a* в тюркских языках, где есть различие *a* и *э*, соответствуют *a* и *э* (не во всех, однако, словах, ибо соотношение соответствий менялось в зависимости от источника и даты вхождения новых лексических элементов в кирг. язык):

кирг. *шаар* — город = узб. (в сингармонистических диалектах) *шаһар*,

кирг. *аял* — женщина = казахск. *эйэл*.

Таким образом, реализация *э* в киргизском языке относительно узбекского и казахского идет либо путем *э* → *a*, либо путем *э* → *e*, *э*; причем, закономерности этих переходов в зависимости от состава слога (кроме наличия разных типов *к*, *г*) или слогового состава слова выявить пока не представляется возможным:

каз. *ак* = кирг. *аки* — извьсть,
каз. *балекет* = кирг. *балекет* — бедовый,
каз. *кэсип* = кирг. *кесип*¹⁾ — профессия,
каз. *тэн* = кирг. *тен* — тело,
узб. *дэрэхт* = кирг. *дарак* — дерево,
узб. *дафтэр* = кирг. *дептер* — тетрадь,
узб. *дэм* = кирг. *дем* — дыхание²⁾.

г) Киргизскому долготому широкому гласному соответствует в казахском дифтонг *ав*, а в узбекском, уйгурском, туркменском — сочетание *аг* (узб. *ог*):

кирг. *тоо* — гора = каз. *тав* = уйг. *таг* = туркм. *даг* = узб. *тог*.

Долготому *уу* в казахском и узбекском, в общем, соответствуют дифтонги:

кирг. *суу* — вода = каз., узб. *сув*.

Киргизскому *уу* может соответствовать в ряде случаев узбекский и уйгурск. *ик* из *иг*:

кирг. *элүү* — пятьдесят = узб. *элли* = уйг. *эллик*.

В связи с конвенгерцией *o* и *ө* или *y* и *ү* в ряде узбекских диалектов, киргизским *o* и *ө* или *y* и *ү* в узбекском соответствуют *ò* или *ü* (средние по месту образования):

кирг. *кун* = узб. *кун* (*ь*) — день,
кирг. *көл* = узб. *кòл* (*ь*) — озеро,
кирг. *кол* = узб. *кòл* — рука.

1) Здесь *кэсип* *кь* определяет собой *э* → *e*.

2) Почерпнуто из „Киргизско-русского словаря“ К. К. Юдахина, стр. 575, 576.

д) Подмена гласных в разлчных языках идет в соответствии с количественным составом гласных. Дадим перечень кратких гласных некоторых тюркских языков:

Я з ы к и	Г л а с н ы е
1. Киргизский	а э о ё ы и у ү
2. Узбекский (ташкентский говор)	э э́ о́ и́ ү́
3. Узбекский (катаганский говор) .	а э́ э́о́ ё́ ы́ и́ у́ ү́
4. Уйгурский	а э́ э́о́ ё́ и́ у́ ү́
5. Казахский	а э́ э́о́ ё́ ы́ и́ у́ ү́
9. Каракалпакский	а э́ э́о́ ё́ ы́ и́ у́ ү́
7. Туркменский	а э́ э́о́ ё́ ы́ и́ у́ ү́

Примечания: 1. В таблицу не включен перечень долгих гласных киргизского и туркменского языков, а также не отражены восходящие дифтонги *иэ=е, уо, үө* казахско-го и каракалпакского языков, как и нисходящие дифтонги *уө, үө* (или *үө*), наличные во всех перечисленных языках, кроме киргизского.

2. При установлении соответствий следует принять во внимание их частоту в первых слогах. В последующих слогах в языках, где лабиализация гласных в основах утрачена в большей мере, чем в киргизском, киргизскому лабиальному гласному может соответствовать нелабиальный: кирг. „*тулку*—лицца“=каз. *тулки*. Соответствие остается лишь в пределах различения широких (*а--э--о--ө*) или узких (*ы--и--у--ү*): если в другом языке был узкий, то и в киргизском остается узкий гласный, но качество его может изменяться.

3. Из фонетических соответствий гласных в киргизском и русском языках в послеоктябрьском пласте выделим соответствия периода двадцатых годов:

а) русскому безударному *о* соответствовал кирг. *а*:

колхоз передавалось в виде *калкос, калкоз,*
союз передавалось в виде *саюс, саюз.*

б) Окончанию фамилий на *-ов* (с ударением на предшествующем слоге) соответствовало окончание *-уп*: *Манилов* передавалось в виде *Манилуп.*

в) Русские йотированные *я, е, ю, ё* в начале слова передавались через *дж (ж)* и последующий гласный:

Ялта передавалось в виде *Жалта* [Джалта];
Егор " " *Жегор* [Джегор],
Юрий " " *Жүри* (й) [Джүри (й)]

г) Заимствуемые элементы в графике подвергались изменениям применительно к особенностям первого (а не последнего) слога основы по степени палатализации: „комитет“ превращался в „комыта“ и т. п.¹⁾ Кроме того, перестраивались и типы слогов, путем введения гласных между начальным глухим смычным и последующим плавным согласным:

трактор передавалось в виде *тырактыр*.

В тех случаях, когда в начале слова сочетались проточный со смычным согласным, представлялся *ы* или *и*:

стакан передавалось в виде *ыстакан*,
станция „ „ „ *ыстанса*.

В тридцатых годах (XX века) у киргизов, владеющих русским языком, мы уже обнаруживаем иные нормы соответствий гласных в русском и киргизском языках, что видно, например, из правил графической передачи русских гласных букв в своде орфографических правил 1938 г.

II. Графическая передача русских гласных в киргизском латинизированном алфавите предстает в следующем виде:

- 1) *а* во всех позициях передавался через *а*: *анкета*==*anketa*.
- 2) *е* в начале слога, после гласных и после разделительных (ъ, ь) знаков передавался через *je*:

Европа==*Jevropa*.

Съезд==*sjezd* (раньше *syjaz*).

После согласных *е* передавался через *е*: *комитет*==*komitet* (раньше—*qomyta, kemitet*);

- 3) *ё* во всех случаях передавался через *jo*:

ёлка = *jolka*,

слёт = *sljot*;

- 4) *э* во всех случаях передавался через *е*:

экипаж = *ekipaz*;

- 5) *о* передавался через *о*:

совет = *sovet*;

- 6) *ы* передавался через *ь*:

рыцарь = *rytsar*;

- 7) *и* передавался через *i*;

Максим = *Maksim*;

- 8) *у* передавался через *и*:

институт = *institut*;

- 9) *ю* во всех случаях передавался через *ju*:

Юрий = *Jurij*,

бюро = *vjuro*;

¹⁾ Когда освоение шло не по линии письменных источников, а через канал устного общения, то встречалось и „кемитет“, иногда отражавшееся и в письме.

10) я во всех случаях передавался через *ja*:

январь — janvar,
октябрь — oktjabr.

III. В новом киргизском алфавите, построенном на основе русской графики, русские гласные передаются по тем же правилам, что и в русской графике, а для специфических гласных фонем киргизского языка добавляются знаки *ө, ү*.

Таким образом, в современном киргизском алфавите имеется, в общей сложности, двенадцать букв для передачи гласных: а, е, э, о, ө, у, ү, ы, и, я, ё, ю¹⁾.

Употребление их подчиняется следующим правилам:

1. Буква *а* употребляется на общих основаниях.

2. Буква *е* употребляется, как и в русской графике, в двух значениях:

а) для передачи сочетания *йэ* в начале слова, после гласных и после разделительных знаков (*ь, ъ*).

Например: *Европа, Киев, съезд, киебиз*—мы оденем и т. п.

б) Для передачи *э* после согласных:

терек—тополь,
деди—сказал и т. п.

3. Буква *э* употребляется в начале слова и после гласных²⁾ для передачи нейотированного переднего по месту образования „э“.

экен—кажется,
эки—два,
аэроплан и т. п.

4. Буквы *о, у, ы, и* соответствуют буквам *о, и, ъ, і* латинизированного алфавита:

отуз—тридцать,
кыз—девушка,
киши—человек и т. п.

Буквы *ө* и *ү* соответствуют буквам *ө* и *у* латинизированного алфавита:

өтүк—сапог и т. п.

6. Буквы *я, ё, ю* употребляются (как и *е*) в соответствии с особенностями употребления их в русской орфографии:

а) в начале слова, после гласных и после разделительных знаков передают сочетание *йэ* с *а, о, у*:

аяк—ноги,
коёт—кладет,
тоют—корм и т. п.

1) Кратких же гласных фонем в киргизском языке имеется восемь: *а, э, о, ө, ы, и, у, ү*.

2) В киргизских словах *э* после гласных не встречается.

б) после согласных они употребляются для смягчения согласных и передачи *а, о, у*: *Брянск, слёт, бюро* и т. п.

В этом случае буквы *я, ё, ю* употребляются в словах, вошедших в киргизский язык из русского.

7. Для передачи долгих гласных употребляются двойные сочетания *аа, ээ, оо, өө, уу, үү*:

аары—оса,
ээр—седло,
тоо—гора,
ар түрдүү—разный и т. п.

Сочетание *й* с долгим *оо, уу* передается в виде *ёо, юу*: *боёо* (бойоо)—красить, *коюу* (койуу)—класть.

Наоборот, сочетание *й* с долгими *өө* или *үү* передается тремя буквами: *йөө* или *йүү*. Например, *сүйөө*—прислонять, *кийүү*—одевать.

АКЦЕНТУАЦИЯ.

§ 30. В киргизском языке, как и в ряде других языков, в составе двух-и более сложных слов один из гласных противопоставляется всем остальным гласным данного слова по силе экспирации, или ударения.

Как известно, звуковая речь располагает двумя типами ударения:

1) экспираторным, построенным на модификации силы выдоха при произношении гласных (силовое или экспираторное ударение);

2) музыкальным, построенным на модификации высоты голосового тона слогового комплекса.

Экспираторное ударение, входя в фонетическое представление слова, в различных языках выполняет, в общем, две функции: словоразличительную и словоразделительную.

1) Словоразличительное ударение в данных случаях определяет морфологическое значение слова¹⁾ (напр., ср. русск. „ра-са“²⁾ и „раса“), или в других случаях выступает в качестве одного из средств семантического членения. Так, например, при помощи ударения различаются в русском языке такие парные слова, как „замок“ и „за́мок“, „мука“ и „му́ка“ и т. п.

В языках, располагающих экспираторным словоразличительным ударением, оно не имеет одного постоянного места во всех словах.

1) Вайдрис. Язык (Русск. перевод). Москва, 1937, стр. 80.

2) Пишется „роса“.

2) Словоразделительное ударение, как общее правило, имеющее для каждого конкретного языка во всей массе слов одно постоянное место (т. е. падает либо только на первый слог, либо на последний, либо на средний), служит для определения границы слова, в предложении¹⁾.

К числу таких языков, использующих ударение как средство членения предложения, относятся тюркские языки (с ударением на последнем слоге. Впрочем, в отдельных случаях, о чем речь будет идти особо, обнаруживается в тюркских языках и явление депласации ударения), монгольские языки (с ударением на первом слоге), французский язык с ударением на последнем слоге, чешский (на первом), польский (на предпоследнем), финские языки, ряд кавказских языков (напр., чеченский с ударением на 1-м слоге) и некоторые другие.

К числу языков с мелодической акцентуацией, т. е. использующих музыкальное слогуударение, относятся: тибето-китайские, японский, малайские, ряд языков Океании и некоторые другие.

Мелодическая акцентуация была присуща ведическому и древнегреческому языкам²⁾. В них „тон на равных правах с суффиксами и окончаниями характеризует слово“ (Вандриес, Язык, стр. 80).

Само явление использования средств музыкального порядка оказывается, очевидно, одним из ранних средств звуковой речи.

По этому поводу в работах Н. Я. Марра мы находим следующее разъяснение:

„Работе над осознанием звуков, как самостоятельных величин, предшествует работа над отличением гласного от согласного усилением гласного и согласного путем удлинения (долгота гласных, так наз. удвоение согласных) и ударения, повышения голоса, повторения целого звукового комплекса, т. е. путем явлений музыкального порядка, получивших свое выражение, как это выясняется, в процессе развития пения и музыки, независимо от звуковой речи, до ее возникновения. В построении звуковой речи человечество использовало все эти достижения музыкального порядка в произнесении звуков для ее оформления сначала в деле развития и уточнения значимости слов, а затем и созидания форм и их развития, создания различных морфологических типов звуковой речи“ (Избр. работы, т. II, стр. 92). И далее: „Новые технические средства, сравнительно с кинетической речью, у звуковой речи многочисленны.

„В первую очередь использование звуковых оттенков музы-

1) Наряду с ощущением отдельного слова, слову присущи часто, но отнюдь не постоянно, и некоторые внешние фонетические характеристики. Главнейшей такой характеристикой служит ударение“ (Сепир. Язык, стр. 28).

Помимо ударения, в качестве признаков слова в тюркских языках могут рассматриваться также и явления сингармонизма, оглушение конечных звонких согласных, явления регрессивной ассимиляции согласных и т. п. (об этом см. в примечаниях к стр. 28 книги Сепира „Язык“ на стр. 185).

2) Ср. Р. Брандт. Начертание славянской акцентологии, Спб., 1880.

кального порядка (тональности, ударения, долготы и т. п.), а затем и отдельных звуков для получения разновидностей слов в целях сигнализировать оттенки значений..." (Избр. работы, т. II, стр. 93).

В тюркских языках, как общее правило, используется словоразделительное экспираторное ударение, и лишь в отдельных случаях обнаруживается музыкальное ударение, в первую очередь во фразовой мелодии; во-вторых, как явление, сопутствующее собой экспираторное ударение во многосложных словах.

Как отмечает Н. К. Дмитриев, почти до начала XX столетия в тюркологической литературе господствовало представление о стабильном ударении на конечном слоге (исключение составляли энклитические формы и некоторые аффиксы).

О. Бётлингк отмечал, что в тюркских языках „ударение делается на последнем слоге“ (О языке якутов, стр. 413).

В. Радлов в своей „Фонетике“, а за ним Мелиоранский и др., выделяет с точки зрения различных степеней силы экспирации три типа слоговых гласных¹⁾:

- 1) Имеющих полное ударение,
- 2) имеющих полуударение,
- 3) безударные слоговые гласные. Соответственно обозначает

их знаками „[•]“, „[˘]“, „^ˉ“.

Например, в сочетании основы „*ат*“ с различными аффиксами картина соотношения этих типов ударения представлена В. Радловым в следующем виде:

ат—*тар* [˘] [˘]

ат—*тар*—*га* [˘] [˘] [˘]

ат—*тар*—*ы*—*ма* [˘] [˘] [˘] [˘] и т. п. (§ 136).

Как отмечает Н. К. Дмитриев, „новые работы по этому вопросу (Прёле, Ниельсен, Ракетт), а также исследования монголистов на своем материале (Рамстедт, ак. Владимирцов и др.) поколебали это старое представление об ударении в тюркских языках. Ныне почти всеми признаётся, что кроме экспираторного ударения (на форманте), в турецком языке наблюдается музыкальное (на последнем слоге неразложимого корня), например „*баш*—*ли*—*чâ*—*главный*“¹⁾.

Устанавливая в халхаском языке наличие двух типов ударения—главного и второстепенного, ак. Владимирцов считает, что „это второстепенное ударение бывает одновременно экспираторным и музыкальным“²⁾.

¹⁾ Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка, стр. 75.

Вопрос о передвижении главного ударения в связи с энклитичностью некоторых аффиксов дополнительно рассмотрен Радловым в § 138 его „Фонетике“.

²⁾ Б. Я. Владимирцов. Сравни. грамм. монг. письм. языка и халх. наречия, стр. 97 (§ 34).

Это положение о связи между музыкальным и экспираторным ударением находит себе, между прочим, подтверждение и в истории других языков. Так, например, „ударение новогреческого языка обычно занимает место древнегреческого тона; так и ударение литовского, русского, сербского и др. языков доныне занимает место тона, наличествовавшего в общеславянском и общеславянском“¹⁾.

Сопоставляя факты тюркских языков и монгольского, ак. Владимирцов находит, что в тюркских языках на ранних этапах их развития ударение, как и в монгольском, падало не на последний, а на первый слог (в связи с этим должна быть учтена и зависимость музыкального и экспираторного ударения, а наличие во многосложных словах музыкального ударения в тюркских языках может служить одним из подтверждений положения Владимирцова о древнетюркском ударении на первом слоге).

Гармония гласных, как и возможность переноса ударения при эмплазисе, рассматриваются Владимирцовым как одно из подтверждений бывшего наличия ударения на первых слогах.

Между прочим, в качестве следов ударения на первом слоге Ф. Корш усматривал явление редукции узких гласных во вторых (закрытых) слогах при наслоении аффиксальных гласных (*агыз-агзы, боюн-бойну*, и т. п.).

„Такие стяжения, как щорское и абаканское *аас* из *агыз-агзы*—рот, по мнению Корша,—могли произойти только при ударении на первом слоге“²⁾

§ 31. Переходя к вопросу об особенностях употребления ударения в киргизском языке, можно повторить те положения, которые относятся и к другим тюркским языкам, с учетом лишь некоторых частных для киргизского языка.

Экспираторное ударение в киргизском языке в значительной части основ и производных образований падает на последний слог.

Ударение в киргизском языке не зависит от долготы гласного („суулар“—воды, „тоолор“—горы, „окуучулар“—учащиеся и т. п.). Стремление же у некоторых индивидов передать русские ударенные гласные через долготы (напр., *вата*—через *ваата* и т. п.) объясняется отнюдь не тем, что ударение и долгота гласного в киргизском языке тождественны, а тем, что русские ударенные гласные, сравнительно с неударенными, оказываются более протяжными³⁾, а потому и киргизами в отдельных случаях могут восприниматься как долготы.

Точно также и русские, впервые приступающие к изучению

¹⁾ А. Мейе. Введение в сравнит. изучение индоевр. языков, стр. 162.

²⁾ Ф. Корш. Слово „балдак“ и долгота гласных в турецких языках. („Жив. старина“, кн. 70—71, стр. 161).

³⁾ Ср. Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении.

киргизского языка, отождествляют часто на первых порах долготу и ударение¹⁾.

В киргизском языке нет зависимости между долготой гласного и экспираторным ударением, подобно тому как и в турецком языке, где „не наблюдается той резкой редукции безударных гласных, как, например, в русском языке“²⁾.

Ильминский в ряде работ по казахскому языку также отмечал, что ударение не нарушает природной долготы или краткости гласных.

При анализе вопроса об ударении в киргизском языке нужно выделить три вопроса: во-первых, вопрос об ударении в основах; во-вторых, вопрос об ударении в аффиксах; в третьих, вопрос об ударении во многосложных сочетаниях основ и аффиксов.

В основах (двух-и более сложных) дооктябрьского языкового пласта ударение в киргизском языке падает на последний слог: „китѣп“—книга, „ата“—отец, „сагызган“—сорока и т. п.

В словарном пласте послеоктябрьского периода уже имеется ряд отступлений от предыдущих норм постановки экспираторного ударения. Объясняется это тем, что послеоктябрьский лексический пласт пополняется за счет скрещивания с русским языком, где действуют иные акцентуационные нормы. Сначала наиболее передовой частью интеллигенции, а затем последовательно (в зависимости от частоты массового употребления данного слова) и всей массой киргизского населения новые слова усваиваются в полном соответствии с ударением в источнике заимствования.

В числе таких слов, где ударение не падает на последний слог, выделяется 4 группы:

1. Общеизвестно-политические термины и широко бытующие слова; например: „конституция, председатель, диктатура, инструктор, газета, эпос, опера и т. д. и т. п.

2. Географические имена; например: Харьков, Киев, Азия и т. п.

3. Собственные имена, заимствованные через посредство русского языка; например: Жданов, Пушкин и др.

Киргизские фамилии с окончанием на -ов, -ова; например: Турдыбаев, Асанов, Акылбеков и т. д.

Относительно постановки ударения в аффиксах можно сказать следующее.

Значительная часть аффиксов киргизского языка принимает на себя экспираторное ударение, оказываясь в конце слова:

жолдош—товарищ,

жолдоштор—товарищи,

жолдоштордо—у товарищей,

1) О. Бетлинк в своей работе „О языке якутов“ (стр. 440), указывая на подобие смешения долготы и ударения в якутском языке многими подготовленными по тому времени исследователями.

2) Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка, стр. 15.

жолдоштордогу—который (находится) у товарищей.

Исключение из этого правила составляют следующие 3 группы аффиксов-энклитик.

1. Пять предикативных аффиксов:

- 1) *-мын* (*жазаймын*—я пишу, *колхозчумун*—я колхозник)
- 2) *-сың* (*жазайсың*—ты пишешь, *колхозчусуң*—ты колхозник)
- 3) *-сыз* (*жазайсыз*—вы пишете, *колхозчуусуз*—вы колхозник)
- 4) *-быз* (*жазайбыз*—мы пишем, *колхозчуубуз*—мы колхозники) ?
- 5) *-ңыз* при повелительной форме (*жазыңыз*—пишите).

Примечание 1. Наоборот, предикативные аффиксы *-ңыз* (при форме на *-ды*), *-сыңар*, *-ңар*, как и сочетания аф. *-ңыз-лар*=*ңыздар* и *-сыз-лар*=*сыздар*, принимают на себя ударение (*жаздыңыз*—Вы писали, *жазасыңар*—Вы пишете, *жаздыңыздар*—Вы (к неск. лицам) писали, *жазасыздар*—Вы (к неск. лицам) пишете. Аффикс *-ңыз* принимает ударение очевидно, как заимствованный, лишь относительно недавно вошедший в число предикативных аффиксов. Остальные же аффиксы имеют ударение на форманте *-лар* на общих основаниях (Аф. *-сыңар*←*сың+лар*).

Примечание II. Аффикс *-ба*, образующий отрицательн. глагольн. основу, в киргизском языке, оказываясь в конце слова и перед энклитиками, принимает на себя ударение:

жазба (не пиши), *келбе* (не приходи),
жазбайт (не пишет), *келбейт* (не придет),
жазбайсың (ты не напишешь) и т. п.

При наложении прочих аффиксов, ударение передвигается: *жазба+ды*=*жазады*—он не писал". Это резко отличает киргизский язык от ойротского, где аф. *-ба* ударенным называется во всех позициях: *албады*—он не брал" и т. п.

II. В аффиксах для образования желательной формы *-айын*, *-алы*, *-алык* конечный слог и аффикс *-чы*, сочетающийся с глагольными основами, также не принимают ударения:

- 1) *жазайын*—напишу-ка я,
- 2) *жазайлык*—напишем-ка мы,
- 3) *жазчы*—напиши-ка.

Примечание: Здесь элементы *-ын* и *-лык* не принимают ударения, очевидно, на том основании, что они осознаются, да и исторически являются, предикативными аффиксами.

III. Два синтаксических аффикса не принимают ударения:

- 1) *-бы*: *ал жаздыбы?*—написал ли он?
- 2) *-го*: *ал жазды-го!*—Он (ведь) написал!

Примечание: Служебные слова „экен“ и „эле“ (имеющие самостоятельное ударение на втором слог), сочетаясь с

вопросительным аффиксом *бы*, или сливаясь с основой знаменательного слова и утрачивая начальный „э“, ударение утрачивают:

бърбы экен—*бър бекен*—есть ли?

бърбы эле—*бър беле*—ну, а есть ли?

В связи с тем, что часть аффиксов в киргизском языке выступает на правах энклитик, ударение в единичных случаях используется и как фактор морфологической дифференциации (при использовании некоторых гомонимичных аффиксов)¹⁾.

В этом отношении известно 5 случаев такой дифференциации²⁾:

1. Притяжат. аффикс I л. мн. ч. и предикативный аффикс I л. мн. ч.:

„балабыз“—наш ребенок,

„балабыз“—мы дети.

2. Отрицательная форма на *-сыз* и предикат. аф. II л. мн. ч.:

„баласыз“—вы ребенок,

„баласыз“—без ребенка.

3. Прит. аф. II л. мн. ч. и личн. окончание повелит. формы того же лица:

„атыңыз“—Ваша лошадь,

„атыңыз“—стреляйте.

4. Форма местн. падежа и союз „да“:

„атада“—у отца.

„ата да“—и отец (также).

Здесь, впрочем, имеется и графическая дифференциация (союз пишется раздельно).

5. Агентивная форма *-чы* и аф. при волунтативе *-чы*:

„атчы“—конюх; человек, досматривающий лошадей.

„атчы“—стреляй-ка.

Во многосложных сочетаниях основ и аффиксов (разумеется, речь идет об аффиксах, принимающих ударение) отмечаются различные степени экспирации гласных. Главное (высшей степени) экспираторное ударение здесь падает на последний слог; в составе же неударенных гласных, противопоставляемых ударенным, выделяются свои (но не фонематичные) градации, из которых мы выделим второстепенное ударение и группу слогов с пониженной экспирацией (различных, в свою очередь, степеней).

Как отмечал Б. Я. Владимирцов для монгольских языков, в киргизском языке второстепенное экспираторное ударение сов-

¹⁾ Сама гомонимичность аффиксов не может быть принята в качестве объяснения такой дифференциации, так как не во всех гомонимичных аффиксах значение их уточняется ударением; напр., „атта“ — в именн. и „атта“—называет и т. п.

²⁾ И. пользование ударения, как средства морфологической дифференциации, отмечено проф. Н. К. Дмитриевым для турецкого языка (см. „Строй турецкого языка“). Там этих случаев несколько больше, чем в киргизском языке.

на свой слух. Надо заметить, что помимо индивидуального характера предлагаемой схемы, в зависимости от звукового состава слова, в зависимости от контекста, соотношение ударений безусловно должно меняться, не говоря уже об особенностях фразовой мелодии.

Предполагаемое нами соотношение экспираторного и музыкального ударений находит себе подтверждение в выводах, сделанных В. А. Богородицким в его работе — „Движение тона в словах двусложных и трехсложных в татарском языке по экспериментальным данным“ (Вестник научн. о-ва Татароведения, 1926, № 4):

1. В двусложных словах обнаруживается нисходящее движение музык. ударения.

2. В трехсложных же словах перед ударным слогом отмечается восходящее движение тона с падением его на ударном слоге.

Отмеченное соотношение основного и второстепенного ударений и высоты тона относится к сочетаниям аффиксов с такими основами, в которых ударение падает на последний слог.

В словах же типа Харьков, директор и др., вошедших в киргизский язык после Октябрьской революции и сохраняющих ударение в соответствии с его местом в данном слове в русском произношении, соотношение несколько меняется при наложении аффиксов: главное ударение мы улавливаем бесспорно на форманте, а второстепенное, резко отличающее данный слог от остальных неударенных, на том же месте, что и в изолированно взятой основе: „Харьковго, операда“ и т. п.

Примечание: Помимо того факта, что музыкальное ударение выступает в киргизском языке как сопутствующий элемент при экспираторном, следует отметить еще роль музыкального ударения, во-первых, как средства интонационного различения гомонимичных междометий (напр., „ах“ с различными интонациями) и, во-вторых, как средство для выражения оттенков: утверждения, вопроса, отрицания, перечисления, присоединения, незаконченности мысли, логического ударения и т. п.

Рассмотрение этих случаев, как и вопрос об эмфатическом ударении, мы опускаем, поскольку они являются предметом особого исследования и, при том, построенного на экспериментальных данных.

КОМБИНАТОРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ.

§ 32. Под комбинаторными изменениями гласных мы будем разуметь все качественные (акустического порядка) изменения гласных фонем, которые происходят в зависимости от комбинации с другими звуками и, при этом, не вносят смысловых изменений в значение всего комплекса—слова.

Таким образом, комбинаторные изменения не могут рассматриваться как фонематические явления.

В числе комбинаторных изменений гласных отметим следующие:

1. Явления сингармонизма.
2. Отпадение, выпадение, вставка гласных.
3. Изменения гласных в зависимости от комбинации их с согласными.

Явления сингармонизма.

§ 33. В киргизском языке в явлениях сингармонизма следует различать три вопроса:

1. Вопрос о созвучии фонем, составляющих слог.
2. Вопрос о созвучии слогов двусложных и многосложных неразложимых корней.
3. Вопрос о созвучии аффиксов и последнего слога корня.

Созвучие фонем, составляющих слог, базируется в киргизском языке на противопоставлении в языковом мышлении всех звуков речи (как гласных, так и согласных звуков) по месту образования: передних—задним, или палатальных—гutturальным (по другой терминологии—нёбных—ненёбным).

Иными словами, слог может состоять либо только из передних, либо только из задних вариантов фонем.

К числу передних (палатальных) гласных относятся:

э (е), ээ, и, ө, өө; ү, үү.

К числу задних (гutturальных) гласных относятся:

а, аа, ы, о, оо, у, уу.

Из согласных почти все в той или иной степени палатализируются (см. ниже).

Например, типы слогов переднего ряда:

*эт—мясо, тулку—лицца,
бөл—дела, китеп—книга,
эне—мать— и т. п.*

Типы слогов заднего ряда:

*ат—лошадь, кыл—делай,
бол—будь, ак—белый,
тоо—гора и т. п.*

Надо отметить, что качество слога определяется здесь не только степенью палатализации и gutтурализации гласного, но и обязательно соответствующей модификацией согласного. В таких парных словах, например, как „бол—будь“ и бөл—дела“, хотя мы в общей сложности имеем четыре фонемы, из комбинации

которых складываются данные слова (т. е. фонемы: *б, л, о, ө*) но каждая из согласных фонем имеет здесь два акустических варианта: в слове „бол“—фонема „б“—гutturального ряда, тогда как в слове—„бөл“ она палатализуется, выступая уже почти в виде „бь“. То же самое можно сказать и о двух вариантах *л* (в слове *бол*) и *ль* (в слове *бөл*)¹⁾.

Степень палатализации согласных в киргизском языке в большинстве случаев гораздо ниже степени палатализации согласных русского языка, где диапазон работы органов речи при произношении парных согласных будет большим (в таких, напр., словах как *угол* и *уголь, жар* и *жарь* и т. п.), чем в киргизском.

Наиболее сильно сказывается палатализация *л* (т. е. амплитуда движения языка при произношении *л* и *ль* будет большей, нежели при произношении других парных согласных).

Несколько меньше сказывается палатализация *т, б, п, д, м, н, р, с, ч, ж* (*дж*), *ш, ц, й*.

Надо отметить, что наличие двух (палатального и gutтурального) вариантов каждого из согласных не может рассматриваться как наличие в киргизском языке парных согласных фонем, противопоставляемых друг другу по степени палатализации, как это мы имеем, например, в русском языке, где (при прочих равных условиях) в таких словах как „угол“ и „уголь“ семантическое противопоставление базируется только на спонтанном различении *л* и *ль*.

В киргизском языке, если не принимать в расчет лишь современное противопоставление *q* и *k*, *qj* и *g*, или особенности *л* (о чем речь будет особо в разделе консонантизма), наличие двух вариантов согласных (палатальных и gutтуральных) есть явление чисто комбинаторное, определяемое качеством гласного, благодаря чему, например, *б* и *бь* или *л* и *ль* в словах *бол* и *бөл* не могут рассматриваться как самостоятельные фонемы.

Поскольку в основном пласте корнеслов киргизского языка совершенно невозможны сочетания *q* и *qj* с передними гласными или *k* и *g* с задними гласными (т. е. невозможны сочетания *qu, qe, qө, qy, qи, qe, qө, qy* или *ky, ku, ko, ka* и т. д.) и т. п., постольку *k* и *q* или *g* и *qj* генетически могут рассматриваться как комбинаторные разновидности одной глухой (*k* и *q*) или звонкой (*g* и *qj*) фонемы.

В словах же, вошедших в киргизский язык через посредство русского, как например, *комитет, газета, конституция* и т. п., в произношении части населения мы еще встречаем *домитет*.

¹⁾ Подробному изложению вопроса о слоговом сингармонизме киргизского языка посвящена статья К. К. Юдахина под заглавием „Нужны ли в новом алфавите буквы *q* и *л*?“ („Газета Советская Киргизия“, 10-V 1940 г.).

В этой статье автор вторично доказал возможность отказаться от самостоятельного обозначения *q* и *qj*.

газета (или кезит), либо в среде интеллигенции, осваивающей русское произношение, в подобных слогах появляется уже *к* или *г* другого качества, нежели *к* или *г* в словах *ким* — кто, *эгер* — если и т. п.

Таким образом, в речи интеллигенции, по существу, различается три варианта *к* или *г* (идя по повышающимся ступеням палатализации): *q*, *к*, *кь*, либо *q*, *г*, *гь*, где *к* и *г* соответствуют русским заднеязычным „*к*“ и „*г*“ в словах „комитет“, „газета“ и т. п.

Устой слогового сингармонизма еще сильны в киргизском языке, и только у незначительного количества представителей киргизского языка начинает вырабатываться в новых словах произношение слов, в которых слог строится из звуков различных рядов (передн. и задн.); слова эти в произношении часто еще изменяются. Так, например, слово „только“ звучит в виде „тольки“. Здесь, благодаря наличию палатального *ль*, весь слог *толь-* палатализуется и превращается в *толь*. „Альбом“ иногда звучит в виде „албом“ (где задний *а* определяя собой задний вариант *л*) и т. п. Точно также в киргизском произношении *Гоголь* превращалось либо в „Гогол“, либо в *Гөгөл*.

Но устойчивого слогового сингармонизма в киргизском языке начинают уже (пока на примерах отдельных случаев) колебаться. В качестве примеров, идущих уже вразрез с изложенными нормами слогового состава киргизского языка, можно назвать три явления:

1. Появление у ограниченного числа населения заднеязычного варианта *к* и *г* (вместо глубоко-заднеязычного *q* или *qj*) в позиции перед задними гласными (слова типа *колхоз*, *газета* и т. п.) в словах послеоктябрьского периода.

2. Единичные случаи освоения слов, входящих в киргизский язык через посредство русского, в которых в одном слоге сочетаются, наряду с задними гласными, передние согласные (*Горький*, *Ольга*, *декабрь*, *Гоголь*, *июль*).

3. Появление сочетаний передн. гласного с *х*: *тарих* — история, но „*тарихы*“ — его история.

В двухсложных и многосложных корнесловах киргизского языка в значительном большинстве его лексических напластований, помимо слогового сингармонизма, имело место и взаимодействие слогов, осуществлявшееся уже не только по степени палатализации, а еще и по степени лабиализации гласных.

В связи с этим, в составе гласных киргизского языка противопоставляются лабиализованные (*о*, *оо*, *өө*, *у*, *уу*, *үү*,) гласные нелабиализованным (*а*, *аа*, *э* (*е*), *ээ*, *ы*, *и*).

Как отмечал Шотт, а за ним Бётлингк¹⁾ и, наконец, — на конкретных фактах не только тюркских языков вообще, а на фак-

1) О. Бётлингк. О языке якутов, стр. 402.

тах киргизского языка,—В. Радлов, в двухсложных и многосложных основах действовали такие нормы взаимодействия гласных: первому слогу основы уподоблялись гласные последующих, слогов по степени палатализации и по степени лабиализации. Иными словами, уклад голосового аппарата при произношении первого слога основы сохранялся в части степени палатализации и степени активности губной работы при произношении последующих слогов. Это может быть представлено в следующей таблице¹⁾:

Гласный первого слога	Гласный последующих слогов	П р и м е р ы
<i>а</i>	<i>а, ы</i>	<i>ата</i> —отец, <i>азыр</i> —сейчас,
<i>э (е)</i>	<i>е, и</i>	<i>эне</i> —мать, <i>эки</i> —два,
<i>о</i>	<i>о, у</i>	<i>болот</i> —сталь, <i>обур</i> —обжора,
<i>ө</i>	<i>ө, ү</i>	<i>өтө</i> —очень, <i>өгүз</i> —бык,
<i>ы</i>	<i>а, ы</i>	<i>ыя (ыйа)</i> —да, <i>ысык</i> —горячий,
<i>и</i>	<i>е, и</i>	<i>ичек</i> —кишки, <i>ийи</i> —да,
<i>у</i>	<i>а, у</i>	<i>уя (уйа)</i> —гнездо, <i>учур</i> —время, момент.
<i>ү</i>	<i>ө, ү</i>	<i>үкөк</i> —сундучок для хранения съестных припасов.
		<i>үгүт</i> —наставление.

Примечание. Этому же принципу подчинялось изменение и долгих гласных.

Здесь при взаимодействии соседних слогов действуют одновременно как небное, так и губное притяжение.

При этом, если возможно только небное притяжение без явлений лабиализации, то явления лабиализации уже включают в себя и модификацию по степени палатализации.

Взаимодействие слогов по направлению бывает двух типов:

✓ а) регрессивная ассимиляция, если предыдущие слоги уподобляются последующим;

✓ б) прогрессивная ассимиляция, если ведущим оказывается предыдущий слог основы, а остальные ассимилируются с ним.

Явление регрессивной ассимиляции гласных отмечены В. Радловым в уйгурском языке, о котором он пишет на стр. III в т. VI своих „Образцов“: „Особенно интересно таранчинское наречие в отношении вокализма. Только в этом наречии я встретил

²⁾ Использована схема В. Радлова, данная им на стр. 10—11 в его „Фонетике“. Примеры почерпнуты из „Словаря“ К. К. Юдахина.

такое сильное развитие обратного влияния узких дентально-палатальных и лабио-палатальных гласных на предыдущие широкие гласные“.

В качестве примера такой ассимиляции для уйгурского языка можно привести:

ат+i=эти—его лошадь,
бала+лар+i=балілірі→баллірі (бэллірі)—его дети,
*хатун→хотун—женщина и т. п.

В киргизском языке на современной стадии его развития явления регрессивной ассимиляции обнаруживаются лишь в единичных случаях:

бирөө || *бурөө*—один, одна штука (орфогр.: *бирөө*),
экөө || *өкөө*—двое, вдвоем (орфогр.: *экөө*);
бүгүн—сегодня (из *бу күн*),
бийыл—этот год (из *бу жыл→бу йыл*),
быяк—эта сторона (из *бу жак*),
бу+дай=мундай, мындай—так, такой,
бу+да=мында—здесь,
бу+дан=мындан—отсюда,
муну+этип=минтип—так,
бутылка=бөтөлкө—бутылка,
бальким=белким—может быть,
пакет=бекет—пакет.

Не следует думать, что обнаруживаемая в этих примерах недопустимость сочетания *у, и, э* первых слогов с *ы, ү, ө* вторых слогов (или *ы, ү, ө* первых слогов с *у, и, э* вторых) или *а* первых слогов с *ө, и, ү, о*—вторых относится ко всем решительно основам киргизского языка. Так, например, имеем: *билүү*—знать, уметь: *жыюу*—собирать, *баптоо*—начинать и т.п. вместо **бүлүү, *жуюу, *боптоо*.

Имеем: *адет*—обычай, *абоз*—обоз, *бедөө*—конь („бедуин“), скакун; *бирок*—но, однако; *ылоо*—животное или телега, выставленная в порядке общественной повинности; *бийлөө*—танец, *кыноо*—цена и некоторые другие слова позднейшего лексического пласта.

Явления регрессивной ассимиляции гласных обнаруживаются в ограниченной группе основ, во-первых, созданных в процессе уинвербации (сочетания „бу“ или *б* с последующими негубными слоговыми гласными), во-вторых,—в словах, созданных в процессе сочетания основ с аффиксами, содержащими губной гласный (всего знаем два слова¹⁾ и, в-третьих, в заимствованных словах, уклонявшихся от общих норм сочетаний гласных в соседних слогах; в одних случаях во многосложных словах влия-

¹⁾ *бирөө=бурөө*—один и *экөө=өкөө*—двое.

ние доминирующего согласного (обычно, последнего слога) простирается до начального слога включительно: *бутылка* → (*бутылке*) → *бөтөлкө*, где обнаруживается одновременно два явления: 1) прогрессивная ассимиляция по признаку лабиализации, по начальному „у“, который лабиализовал все последующие слоги и 2) регрессивная ассимиляция по степени палатализации и по степени раствора, когда конечный *e*!) палатализовал все гласные предшествующих слогов и превратил их из узких в широкие; в других случаях влияние гласного простирается лишь на соседний слог: *подарок* → *бадерке*. В двухсложных словах, следовательно, возможно полное созвучие двух слогов (*инсан* → *ынсан* — человек).

Наконец, повторяем, конечный согласный в значительной части слов не имеет доминирующего значения (напр., *обоз* → *абос* — обоз, где конечный гласный оказался нейтральным).

Судя по ограниченному числу примеров регрессивной ассимиляции гласных, судя по тому, что эти примеры включают в себя слова дооктябрьского языкового пласта, тогда как в большинстве слов послеоктябрьского языкового пласта явление регрессивной ассимиляции гласных уступило свое место явлению прогрессивной ассимиляции²⁾, можно думать, что явление регрессивной ассимиляции гласных в киргизском языке носит архаичный, пережиточный характер, на предыдущих этапах развития киргизского языка имевший более широкое распространение.

Это положение может быть подтверждено такими двумя группами фактов:

1. В словосочетаниях, где в конце первого слова и в начале следующего за ним встречаются гласные, доминирующим является гласный второго слова, а в первом апокопируется: *балыйлады* — „ребенок плакал“, произн.: *балыйлады*, *алты ай* — „шесть месяцев“ произн.: *алтай* и т. п.

2. Явление регрессивной ассимиляции согласных все еще продолжает действовать в киргизском языке в некоторых словах, преимущественно дооктябрьского языкового пласта.

1) Здесь он возник из *a*, следующим за *k*, который воспринимается как палатальный (мягкий).

2) Из этого положения составляли закономерное исключение слова дооктябрьского пласта и слова, получившие оформление в первые годы после Октябрьской революции, если в начале их сочетались смычный и проточный согласный, а за ними шел губной гласный, напр.: *Фрунзе* → *Пурунза*, *прокурор* → *буркурор* и т. п. Строго говоря, здесь решающим является не закон регрессивной ассимиляции: сочетания *фр*, *бр*, необычные для киргизского языка первых годов после Октябрьской революции, осознавались как самостоятельные слоги, а слово *Фрунзе* рассматривалось, как трехсложное. Наличие же „у“ во втором слоге этого слова, в свою очередь, рассматривалось, как результат влияния на него предыдущего губного гласного, который и восстанавливался в виде „у“ (*фр* → *пур*). Конечный же гласный „e“, наоборот, уже под влиянием закона прогрессивной ассимиляции, заменился гуттуральным „a“, поскольку все слово относилось к гуттуральному ряду. В позднейших напластованиях вводились и негубные гласные: *пиртөкөл* — протокол и т. п.

В качестве примера приведем изменение „б“ в местоимении „бу“:

бу + нын = мунун — этого (род. пад.)
бу — ны = муну — это (вин. пад.)
бу — га = буга — этому,
бу — да = мунда — у этого,
бу — дан = мундан — от этого.

Надо заметить, что в киргизской лексике, собранной в „Словаре“ К. К. Юдахина, за исключением слов *бунт*), *бункут* — пункт, на букву „б“ нет ни одного сочетания на *бун* (они все в ходе развития кирг. языка превратились в *мун*, *мун*, *мын*, как и „мен“ ← турецк. *бен* — „я“).

Т. к. основ, отражающих явление регр. ассимиляции гласных, в киргизском языке мы имеем ограниченное и весьма незначительное число, то можем предполагать, следовательно, что явление это уже утрачено в отношении гласных на современном этапе развития киргизского языка, тогда как в отношении согласных оно в отдельных случаях продолжает еще действовать.

Явления прогрессивной ассимиляции гласных в двухсложных и многосложных корнях были широко распространены в дооктябрьском пласте корнеслов киргизского языка и сохранились во всех корнесловах этого пласта, употребляющихся и сейчас.

По вопросу о преемственной зависимости явлений лингвально-сингармонистического и лабиально-сингармонистического чередования гласных имеется две точки зрения:

1. В. Радлов в своих работах лабиально-сингармонистическое чередование гласных считал столь же изначальным, что и лингвально-сингармонистическое.

И отмечал, что явление лабиального притяжения идет в тюркских языках на убыль.

2. О. Бётлингк рассматривал явление лабиально-сингармонистического чередования как явление более позднее²⁾.

В отношении киргизского языка нам представляется более правильной точка зрения В. Радлова, т. к. явление лабиально-сингармонистического чередования гласных в корнесловах киргизского языка обнаруживается в гораздо большей степени в общетюркском пласте. В позднейших же напластованиях, в арабо-персидских заимствованиях, в большей степени уже играет роль явление палатально-сингармонистического чередования, тогда как в них, например, долгий *oo*, как правило, на соседний слог влияния не оказывает: *соода* (а не *соодо*), *жоомарт* (а не *жоо-морт*), *оопа* (а не *оопо*) и т. п.³⁾

1) Имеет и парный вариант: „*мунт*“.

2) Ср. у В. Радлова в его „Фонетике“. §§ 32—80. На стр. 51 излагается и мнение Бётлингка.

3) К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 5.

Во многосложных словах в современной живой речи явление лабиализации часто уже ограничивается лишь двумя-тремя слогами: вместо *үйлөрүбүздө* или *болгондо* часто слышим *үйлөрүбүзде*, *болгонда* и т. п.

Ход развития явлений сингармонизма протекал в киргизском языке в такой последовательности:

1. На одном из ранних этапов (но, может быть, не изначальных!) развития киргизского языка явления лабиально-сингармонистического и лингвально-сингармонистического чередований в одинаковой мере имели место во всех слогах основы. В качестве примеров таких основ можно привести *ата*—отец, *эне*—мать, *эки*—два, *тулку*—лисица, *бөрү*—волк, где в одинаковой мере в соседних слогах обнаруживается сингармонистическое чередование гласных.

Группа слов такого рода составляет один из основных пластов киргизской лексики, дошедшей до наших дней.

2. В дооктябрьский период развития киргизского языка, в связи с вхождением в киргизский язык (через посредство узбекского и татарского) арабо-иранских элементов, в них уже в соседних слогах утрачивалось сингармонистическое чередование гласных, в результате чего стали допустимы такие, например, сочетания как *маселе* — „вопрос“, *адеп* — „воспитанность“, *адис* — „тактика, метод“, *бали* — „правильно, bravo“, *далил* — „доказательство“, *дарек* — „весть“, *мардек* — „кукурузный кочан“, *мейман* — „гость“, в которых в соседних слогах сочетаются гласные разных рядов.

Как отметил К. К. Юдахин, в арабизмах и фарсизмах долгий *oo* не оказывает влияния на последующие гласные: „*оомат* — благо, добро“, *оокам* — время, момент“, *оокат* — пища, „*оолак* — дальний“ и т. п. Это явление имеет мотивировку, относящуюся к происхождению в киргизском языке *oo* из *au*, благодаря чему в сочетаниях типа „*тоо+да* — на горе“, „*тоо+лар* — горы“, и т. п. сохраняется архаичная разновидность аффиксального гласного (не лабиализованного) в виде *тоода*, *тоолар*¹⁾, и, следовательно, принципиально допускается сочетание в соседних слогах долгого *oo* и последующего *a*. Наоборот, влияние долгого *oo* оказывается доминирующим: *төөлөр* (а не *төөлер!*) — „верблюды“.

В некоторых случаях влияние и краткого *o* не распространяется на соседний слог: *опаа* — верность (после *o* во втором слоге долгий *aa*), *опат* — кончина и т. п., но *оромол* — платок, *төштү* — попугай и т. п.

Краткие же *o*, *y* оказывали влияние на последующие слоги: *окул* — доверенный, представитель (из *o'akil* — в узбекской вариации), *окум* — решение, *өшөр* — ливень, *үмүт* — надежда и т. п.

Таким образом, в этом пласте киргизской лексики более ус-

¹⁾ Пишется: *тоодо*, *тоолор*.

тичными оказались нормы лабально-сингармонистического чередования.

3. В предоктябрьский период развития киргизской лексики и в первые годы после Октябрьской революции новые лексические элементы, входившие в киргизский язык из русского, подчинялись существовавшим в то время нормам взаимодействия гласных в соседних слогах. В силу этого *вм. печать* говорили *бечет*, вместо *тема*—*теме*, *вм. папироса*—*бонурос*, *вм. сутки*—*сотике*, *сөткө* (здесь под влиянием закона регрессивной ассимиляции *o*→*ө*; оно, в свою очередь, оказало влияние на слог *ке*, который→*кө*), *целковый*—*сөлкөбай* (здесь сыграл доминирующую роль ударенный *o* в слове—*ко*, который, благодаря наличию в нем русского *к*, был воспринят как переднерядный. По закону регрессивной ассимиляции *цел*→*сөл*).

Впоследствии, в связи с усилением скрещивания с русским языком, подобного рода заимствования уклонялись от норм сингармонистического чередования: *жаркое*→*жаркөп*, *махорка*→*макорке*, *картошка*→*картөшкө*, *шапка*→*шапке* и т. п.

4. В послеоктябрьский период, благодаря тому, что скрещивание киргизского языка с русским происходило в процессе живого устного общения представителей того и другого языков, новые слова, воспринимавшиеся из русского языка, сначала частично подвергались фонетическим изменениям, а потом по своему звуковому составу все ближе и ближе становились к русским. Так, например:

комитет→*комыта*→*комитет*,
милиция→*милыйса*→*милиция*,
партия→*партыя*→*партия*,
машина→*машыйне*→*машина*.

Такое же изменение претерпевали и слова, заимствованные из русского языка в предоктябрьский период.

Из так называемых давнобытующих слов, вроде *устөл*—*стол*, *самоор*—*самовар*, *бөтөлкө*—*бутылка*, *сот*—*суд*, *чайнек*—*чайник* и т. п., часть имеет уже парные варианты произношения: вместо *устөл* говорят *стол*, вместо *сот*—*суд* и т. п. (у лиц, овладевших русским языком).

Вопрос о правописании „давнобытующих“ слов долгое время являлся предметом дебатов при обсуждении вопросов киргизской орфографии.

Сторонники архаичных написаний (в виде *устөл* и т. п.) не видели сдвигов в живом киргизском языке и исходили из дореволюционных норм произношения. Современная орфография киргизского языка¹⁾ допускает два варианта написания этих слов.

В ходе развития языка, следовательно, эти „давнобытующие слова“, как и недавние заимствования, с фонетической стороны

¹⁾ Новый алфавит и орфография киргизского языка, г. Фрунзе, 1940 г., § 9.

вследствие видоизмениться, и нормы сингармонистического чередования гласных в соседних слогах неразложимых основ перестали уже быть обязательными для более поздних лексических напластований в киргизском языке; наиболее же давние напластования, дошедшие до наших дней, в общем, сохраняют в себе и прежние нормы чередований гласных в соседних слогах.

Таким образом, законы сингармонизма слова (а не слога) утрачивают для киргизского языка свою обязательную силу.

Но не следует думать, что устои сингармонизма были порваны в киргизском языке исключительно под влиянием скрещивания с языками, где нет сингармонистического чередования в основах. В действительности, кроме момента скрещивания, в подрыве устоев сингармонизма играли роль и внутренние процессы, происходившие в киргизском языке независимо от его взаимоотношений с другими языками.

Решающую в этом отношении роль сыграло явление унiverбации основ различных рядов (по месту образования).

Так, например, „*каны этип* → *кантип* — как“, „*муну этип* → *минтип* — так“, „*бар+бы экен* → *барбекен* — имелся ли“; „*тайке* → *таяке* — дедушка (со стороны матери)“; „*чү кою* → *чугою* — понукать“¹⁾.

В южных диалектах киргизского языка процесс десингармонизации происходит и благодаря сокращению количества гласных (при совпадении *ы* и *и*, *о* и *ө* и т. п.), подобно тому как этот процесс протекал в монгольском языке:

„Стройная система гласных древнего монгольского письменного языка, с правильным делением на два ряда:

1° задний: *а, о, у, ы,*

2° передний: *э, ө, ү, и,*

просуществовала сравнительно недолго. Залог ее разложения лежал в ней самой.

„По этой системе два гласных, чрезвычайно близких друг к другу, *ы* и *и*, относились к двум различным рядам.

„В монг. письм. языке еще в очень раннее время произошло сближение этих двух фонем, выразившееся в том, что *ы* перестал отличаться от *и*. На месте двух гласных оказался один: стройная система деления на два ряда была нарушена. Повидимому, уже в половине XIII в. монголы перестали отличать *ы* от *и*“²⁾

¹⁾ В отдельных, однако, случаях в процессе унiverбации, наоборот, явление лабиализации и палатализации простирается на соседние слова: *түн ичинде* — превращается часто в *түн үчүнде* — ночью.

²⁾ В. Я. Владимиров. Сравнит. грам. монг. письм. языка и халх. паречия, стр. 119—120. Транскрипция заменена. И. В.

На современной стадии развития киргизского языка явления сингармонизма являются правилом лишь при сочетании значительной части аффиксов с основой¹⁾; при чем, доминирующим является уже последний (а не первый, как это было на ранних этапах развития киргизского языка) слог основы.

Возьмем для примера сочетания аффикса локатива— „да“ с „ломаными“ основами:

адеп+*да*=*адепте*—(в учтивости),
агент+*да*=*агентте*—(у агента),
кино+*да*=*кинодо*—(в кино),
комиссия+*да*=*комиссияда*—(в комиссии).

Таким образом, для киргизского языка применимо положение, высказанное В. Богородицким, определяющее сущность сингармонизма в современных тюркских языках тем, что „гласные корня видоизменяют определенным образом вид вокализма суффиксов и флексийных окончаний“²⁾. Оставляя в стороне вопрос об отсутствии в формулировке указания на влияние гласных на согласные (сингармонизм слога), как вопрос о терминологии (суффиксы и флексийные окончания), формулировку В. Богородицкого следует признать именно отражающей современное состояние тюркских языков, где можно говорить не о сингармонизме слова, а о сингармонизме слога или сингармонизме аффиксов, тогда как в формулировках Бётлингга и В. Радлова сингармонизм рассматривается как явление, присущее всему слову—в целом. Так, например, В. Радлов в своей „Фонетике“ в классификации языков по ступеням сингармонистических чередований относит монгольские и тюркские языки к группе III. Эта группа охватывает „языки, у которых в корнях (курсив наш И. Б.) и окончаниях отмечается *строгое* соблюдение правил гармонии гласных“ (стр. 55, 59³⁾.

Эта формулировка была применима в прошлом столетии; за последние же 50 лет, после написания Радловым „Фонетики“, она уже не отражает сдвигов в современных тюркских языках.

Подавляющее большинство аффиксов киргизского языка подчиняется одновременно двум законам: лингвально-сингармонистического и лабиально-сингармонистического чередования. Для пояснения этого возьмем сочетание аффиксов *-лар* (мн. ч.) и *-ны* (вин. пад.⁴⁾ со следующими основами:

1) О десингармонизованных аффиксах речь будет идти особо.

2) В. Богородицкий. Законы сингармонизма в тюркских языках, стр. 33 (Вести. научн. о-ва Татароведения, 1927 г., № 6, Казань).

3) Кроме того, это положение практически отражено В. Радловым во всей III главе „Фонетики“, посвященной изложению вопросов сингармонизма.

4) При изложении фактов, касающихся аффиксов, основными вариантами аффиксов, как это делал В. Радлов, мы будем условно считать их задние разновидности с *a* и *y*. В этой части в тюркологической литературе имеются расхождения; так, напр., Деши в своей „Grammaire de la langue turque“, на стр. 116, условно принял варианты с „e“ и „i“ за основные.

ата—отец, жакшы—хороший,
эне—мать, киши—человек
тоо—гора, туу—знамя,
төө—верблюды, түлкү—лисица.

Схема сочетаний выразится в следующем виде:

аталар,	жакшылар	атаны,	жакшыны
энелер,	кишилер	энени,	кишини
тоолор,		тоону,	
төөлөр,	түлкүлөр	төөнү,	түлкүнү
туулар,		тууну,	

Аффиксальный широкий гласный *а* изменяется следующим образом:

а) после задних *а, ы, у* остается без изменений (*аталар, жакшылар, туулар*).

б) после передних *э (е), и* палатализуется и переходит в *е (энелер, кишилер)*.

в) после заднего лабиализованного *о* лабиализуется, переходя в *о (тоолор)*.

г) после передних лабиализованных *ө, ү* палатализуется и лабиализуется, переходя в *ө (төөлөр, түлкүлөр)*.

Иными словами, при всех сочетаниях *а* изменяется лишь в пределах вариаций широких гласных (т. е. *а—э (е)—о—ө*).

Аффиксальный узкий гласный *ы* изменяется следующим образом:

а) после задних *а, ы* остается без изменений (*атаны, жакшыны*);

б) после передних *э (е), и* палатализуется и переходит в *и (энени, кишини)*;

в) после задних лабиализованных *о, у* лабиализуется, переходя в *у (тоону, тууну)*;

г) после передних лабиализованных *ө, ү* палатализуется и лабиализуется, переходя в *ү (төөнү, түлкүнү)*.

Изменения узкого аффиксального гласного происходят, следовательно, лишь в пределах ряда узких гласных, т. е. *ы—и—у—ү*.

Сохранение степени подъема (или величины челюстного угла), т. е. возможность изменяться в аффиксах либо только в пределах узких, либо только широких гласных, является обязательным правилом для киргизского языка и не находит себе аналогий в фактах уйгурского языка, где аффиксальный широкий гласный, при известных условиях, может переходить в узкий (*баллар+i=баллірі=баллірі*—его дети).

В каждом из четырех возможных вариантов изменений аффиксальных гласных¹⁾, по существу, мы имеем исторически не четыре самостоятельных фонемы, а лишь по четыре комбинаторных варианта либо „широкого“, либо „узкого“ гласного, которые выступали, очевидно, на предыдущих этапах развития киргизского языка как минимальные фонемы. Впоследствии дифференцировавшиеся эти две (широкая и узкая) фонемы выступали в своей индивидуальности лишь в корнесловах.

Лишь корневому гласному принадлежит семасеологическая устойчивость²⁾, а в аффиксах же выступают акустические (комбинаторные) варианты фонем.

Как указывает В. Богородицкий, теперь гармония гласных в аффиксах есть лишь привычка к ассоциации известных отношений между аффиксами и корневыми гласными. Это уже не современное изменение, а унаследованное чередование гласных³⁾. Благодаря этому, исторически комбинаторные варианты минимальных (широкой и узкой) фонем ассоциируются с наличными в киргизском языке фонемами, хотя в действительности, как это отмечает Н. К. Дмитриев (Строй турецкого языка, стр. 8), „каждый аффикс представляет собою теоретическое единство нескольких вариантов и конкретизируется только в каждом отдельном слове“.

На учете явлений лабиализации широких и узких гласных построена также статья В. Богородицкого — „Законы сингармонизма в тюркских языках“⁴⁾, в которой автор распределяет тюркские языки между одиннадцатью группами по убывающим ступеням лабиализации. Явления палатализации, как сопутствующие, в расчет не приняты. Киргизский язык в этой шкале отнесен к первой, максимально сингармонизованной группе.

В статье, однако, имеется несколько неточностей, касающихся особенностей киргизского языка. Автор считает, что в киргизском языке „а“ факультативно лабиализуется после „у“ (Это положение не подтверждается наблюдавшимися нами случаями); автор считает закономерным заглушение з в конце слова (это имеется лишь в части диалектов); отмечает комбинаторные изменения *м*, *б* и *п* в предикативных аффиксах (это явление наблюдается в казахском языке, а в современном киргизском не находит себе подтверждения).

1) Т. е. -лар -лер -лор -лөр или -ны -ни -ну -нү; в действительности, ряд аффиксов в киргиз. яз. может иметь по 12 вариантов, т. е. аффиксальный согласный также может изменяться, например, в пределах *л-д-т* или *н-д-т*.

2) В. Богородицкий. Характеристика звукового состава в казанском говоре (Изв. Академии Наук, 1919 г., стр. 879).

3) В. Богородицкий. Характеристика звукового состава в казанском говоре, стр. 878—880.

4) В „Вестнике научн. о-ва Татароведения“, 1927, № 6.

Ограничение в ряде тюркских языков изменений аффиксальных гласных лишь в пределах только широкого или узкого рядов и, с другой стороны, явления сингармонизма, послужили причиной создания В. Радловым тройной классификации гласных: широкие ∞ узкие, дентальные ∞ лабиальные (т. е. негубные ∞ губные), гуттуральные ∞ палатальные (ненёбные ∞ нёбные¹).

С точки зрения диапазона комбинаторных изменений аффиксов киргизского языка их можно разбить на три группы:

I группа: аффиксы, имеющие по четыре комбинаторных варианта гласных, т. е. подчиняющиеся как закону лингвально-сингармонистического, так и лабиально-сингармонистического чередования.

Комбинаторные варианты этих аффиксов приводятся к двум родовым категориям: к аффиксальному *a* (с разновидностями *e*, *o*) или к аффиксальному *ы* (с разновидностями *и*, *у*, *ү*).

I группа эта охватывает значительную часть киргизских аффиксов, напр., все падежные, предикативные, притяжательные и словообразовательные аффиксы, не заключающие в себе долгих лабиализованных гласных (*оо, уу, өө, үү*).

II группа: три аффикса, сохраняющие долгие лабиализованные гласные и изменяющиеся, следовательно, только в пределах переднего и заднего рядов:

а) аффикс для образования отглагольн. имен и инфинитива: *-уу, -үү*—при основах, оканчивающихся на согласный или узкий гласный (*жазуу*—писание, писать; *келүү*—приход, приходить, *ташуу*—таскание, таскать); *-оо, -өө*—при основах, оканчивающихся на широкий гласный (*башта+оо=байтоо*—начинание, начинать, *иште+оо=иштөө*—работание, работать);

б) аффикс для образования прилагательных: *-луу, -лүү* (с разновидностями по согласным *-дуу, -дүү, -туу, -түү*), напр., *суулуу*—водянистый, *үлгүлүү*—образцовый, *жандуу*—оживленный, *аттуу*—конный и т. п.;

в) аффикс для образования собирательных числительных *-оо, -өө*:

бир+оо=бирөө (бүрөө)—один, один раз,
эки+оо=экөө (өкөө)—двое, вдвое,
алты+оо=алтоо—шестеро и т. п.

III группа: 15 десингармонизованных аффиксов *-ке, -кей, -ке, -тай* (ласкательн. и уменьшительные).

-сыра, -сымал, -чалыш, -сөрөй—(аф. подобия),
-мат, -кеч, -кор, -гер, -кер—(агентивные),

-ий (форма прилагательных в окостеневших образованиях арабского происхождения), *-стан* (для назв. стран).

¹) „Фонетика“, стр. 3 и 4.

Примеры:

атаке—папочка, *кишисымал*—человекоподобный,
коёнек—зайчик, *адабий*—литературный,
соодагер—торговец и. т. п.

Изменение аффиков I и II групп можно представить в следующей таблице:

Гласный послед- него слога основы	Аффиксальные гласные			
	I-й группы		II-й группы	
<i>a, ы</i>	<i>a</i>	<i>ы</i>	<i>oo</i>	<i>уу</i>
<i>э (e), и</i>	<i>e</i>	<i>и</i>	<i>өө</i>	<i>үү</i>
<i>o</i>	<i>o</i>	<i>y</i>	<i>oo</i>	<i>уу</i>
<i>y</i>	<i>a</i>	<i>y</i>	—	<i>уу</i>
<i>ө, ү</i>	<i>ө</i>	<i>ү</i>	<i>өө</i>	<i>үү</i>

Если стать на точку зрения В. Радлова, рассматривавшего явление лабиально-сингармонистического чередования как изначальные и последовательно идущие на убыль, процесс изменения явлений сингармонизма в аффиксах может быть представлен в следующем виде:

1. Один из древнейших этапов — полная ассимиляция гласных, с изменением степени раствора ротовой полости, т. е. изменение широких гласных в узкие и наоборот.

Примером подобного типа изменений может считаться изменение узких аффиксальных гласных в широкие в якутском языке, отмеченные В. Радловым:

кел+ди+м=келдим—я пришел,
но *кел+ди=келле*—он пришел¹⁾;
или *төйдүм*—я оглох,
но *төйдө*—он оглох²⁾.

2. Возникает противопоставление широких аффиксальных гласных узким (возможны изменения лишь в пределах *a—e—o—ө* или лишь *ы—и—у—ү*, как это мы имеем в киргизском языке). При этом, ограличение полной ассимиляции гласных начинается сначала в закрытых слогах, а потом уже распространяется и на открытые (Ср. якутск. *төйдө*, но *төйдүм*).

¹⁾ См. у В. Радлова в его „Die jakutische Sprache...“

²⁾ С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Учпедгиз. Москва, 1938 стр. 130.

Аналогичное явление обнаруживается и в ряде узбекских диалектов (см. ниже).

3. Утрачиваются лабиализованные варианты широких гласных, но явление лабиально-сингармонистического чередования распространяется еще на узкие гласные (например, в турецком и азербайджанском языках, где имеем $ол+ан=олан$ (а не *олон*)— „сущий“, но $ол+ды=олду$ — „он был“.

В отдельных лишь тюркских языках, наоборот, более стойкими оказываются широкие гласные. Так, например, в современном ойротском языке широкие гласные продолжают лабиализоваться в основах и аффиксах после широких губных, тогда как после узких не лабиализуются.

4. Утрачивается явление лабиализации узких гласных:

а) сначала в открытых слогах. Например, в средне-хорезмских говорах узбекского языка имеем *турди*, но *турдум* (—я жил).

б) утрачивается лабиализация узких гласных в любом типе слогов, как в лит. казахском языке (*турды*, *турдым* и т. п.).

5. Утрачиваются явления лингвально-сингармонистического чередования гласных, благодаря конвергенции гласных противоположных по месту образования рядов, как это имеет место в несингармонистических говорах узбекского языка, где „ы“ и „и“, „у“ и „ү“ или „о“ и „ө“ не различаются, а поэтому имеем *этэлэр*, *кишилэр* (в ташк. говоре, при наличии 6 гласных: э, э (е) э, і, ү, ö), а не *эталар*, *кишилэр*, как это обнаруживается в сорайском говоре узб. языка, располагающем десятью гласными фонемами (а, э, э, э, о, ө, ы, и, у, ү).

Апокопия, синкопия, протеза и др. изменения гласных.

§ 34. В числе комбинаторных количественных и качественных изменений основы в киргизском языке отмечаются следующие: апокопия, синкопия, эпентезис и парагогия.

1. Явление апокопии обнаруживается в киргизском разговорном языке в трех случаях:

а) в небольшом числе основ, заимствованных из русского языка и имеющих оконч. женского рода на —а.

+ Напр., *квартира* → *квартир*,
минута → *минут*,
секунда → *секунт*.

В настоящее время эти слова осваиваются в соответствии с русским произношением.

б) В сочетаниях аффикса *-кы* с небольшим числом основ, оканчивающихся на узкий гласный:

эми+*ки*=*эмки*—теперешний,
жогору+*ку*=*жогорку*—верхний.

в) Как общее правило, при сочетании основ, оканчив. на гласный, с аффиксами, начинающимися на гласный:

эки+*оо*=*экөө*—двое, вдвоем,
алты+*оо*=*алтоо*—шестеро, вшестером,
башта+*оо*=*баштоо*—начинание, начинать,
оку+*уу*=*окуу* (а не *окууу*)—учеба, учиться; чтение, читать и т. п.

2. Явление синкопии вполне закономерно относительно узких гласных конечного закрытого слога двухсложной именной основы, т. е. в словах по формуле: (C)VCuC.

Примеры:

айыл+*ы*=*айлы*—его аул,
кийим+*ы*=*кийми*—его одежда.

В орфографии, однако, допускается два варианта написания таких слов: фонетический (айлы) и морфологический (айылы).

В тех случаях, когда конечный закрытый слог начинается на „р“ и замыкается согласным н, при синкопии узкого гласного, н→д:

эрин+*ы*=*эрди*—его губы,
мурун+*ы*=*мурду*—его нос,
карын+*ы*=*карды*—его желудок и т. п.

3. Протеза, эпентезис и парагогия в заимствованных словах с целью уподобления заимствования своим стандартным типам слогов и слогосочетаний отходит уже в область истории: „недопустимых“ звукосочетаний для современного киргизского языка становится все меньше и меньше. Если раньше сочетание смычного и проточного согласных в начале слова были недопустимы, и „трактор“, как и „станция“ превращались в *тырактыр* и *ыстанса*, то на современной стадии развития литературного киргизского языка вполне возможно сочетание двух согласных, как в начале, так и в конце слова.

При сочетании же трех согласных в конце слова и при наслоении аффиксов, начинающихся на согласный, наблюдается еще явление парагогии, отмечаемое орфографически:

Омск+*га*=*Омскиге*—в Омск,
Архангельск+*га*=*Архангельскиге*—в Архангельск.

В связи с тем, что в начале слова в киргизском языке дооктябрьского периода и в первые годы после Октябрьской революции не употреблялись „р“ и „л“, все заимствования в тот период протезировались узким гласным:

ар. *рахмат*→*ырахмат*—спасибо,
ар. *лазым*→*ылазым*—нужно,

русск. *рапорт* → кирг. *ырапырт* (теперь: *рапорт*),
русск. *район* → кирг. *ырайон* (теперь: *район*)
русск. *роль* → кирг. *урол* (теперь: *рол, роль*)

Лишь в отдельных словах протезируется *о*: „*орус*—русский“. В современном киргизском языке в советских и интернациональных словах внедряются в живой речи „*р*“ и „*л*“ в начале слова.

Очевидно, связующий узкий гласный, наличный в сочетаниях именных основ (с согласным в конце) с притяжательными аффиксами, как и в сочетаниях глагольных основ с некоторыми словообразовательными аффиксами, также эпентетического происхождения:

$ат + м = атым$ — моя лошадь,
 $ат + быз = атыбыз$ — наша лошадь,
 $ор + м = орум$ — жатва и т. п.

Примечание. Следует отличать две разновидности аффикса *-быз*, сочетающегося с именными основами, оканчивающимися на согласный: притяжат. аффикс, эпентезируемый (т. е. *адамыбыз* — наш человек), и предиктивный аффикс, не эпентезируемый (*адамбыз* — мы люди).

Предиктивные аффиксы не эпентезируются, тогда как притяжательные и ряд приглагольных аффиксов эпентезируются. Это явление вызвано тем обстоятельством, что, как правило, в предикативных аффиксах имеется гласный *и*, следовательно, стяжение нескольких согласных в таком случае невозможно, тем более, что предикативные аффиксы всегда оказываются в конце слова, а прочие аффиксы после них уже не наслаиваются. Наоборот, после притяжательных аффиксов и ряда приглагольных вполне обычно наслаивается ряд аффиксов (напр., падежных), начинающихся на согласный; в целях устранения стяжения нескольких согласных, рассматриваемые аффиксы эпентезировались.

4. В синтаксических сочетаниях краткий гласный основы, находящийся в конце слова, апокопируется, а долгий гласный сокращается, если в начале последующего слова имеется гласный:

алты ай произносится *алтай* — шесть месяцев,
суу акты „ *суакты* — вода текла и т. п.

Изменения гласных в зависимости от комбинации их с согласными.

§ 35. Влияние согласных на гласные в киргизском языке очень незначительно и встречается в ограниченном числе случаев. В этом отношении мы пока насчитываем четыре случая:

1. Влияние среднеязычного *к* на *а*, варьируемое в зависимости от позиции *к* относительно гласного. А именно:

а) в начале слова, под влиянием среднеязычного *к* у некоторых индивидов *а* становится среднеязычным, как это обнаруживается в таких словах:

акитаи—известь
актив—актив
акбар—величайший,
акимдик—властвование и т. п.

При этом, *а* становится более продвинутым вперед в тех случаях, когда в последующем слоге есть передний гласный, при наличии одного начинающего слог согласного, тогда как *а* становится средним в том случае, если в последующем слоге имеется задний гласный (*акбар*, или если после *а* следует три согласных: *актсыз*—без акта).

б) В конце слова после среднеязычного *к* обычно *а* → *е* у лиц, не овладевших литературным произношением заимствований из русского языка:

справка → *ыспырапке*,
пачка → *пачке*,
посылка → *пасылке*, *басылке* и т. п.

2. У представителей диалектов, в которых *л* и *ль* не различаются, после такого *л* гласный *а* становится среднеязычным, как в словах:

баЛа—ребенок,
аЛа—пестрый,
жаЛа—клевета и т. п.

3. На предыдущих этапах развития киргизского языка губные согласные *б*, *п*, *м* лабиализовали последующие узкие гласные. Отмечается это на примерах отдельных лишь слов, пережито точно сохранивших рассматриваемое соотношение звуков.

Примеры:

былкак, *булкак*—вид ведра из сырой кожи,
былдыра, *булдура*—быть неясным (о звуке),
былгоо, *булгоо*—вращать,
мабу, *мобу*—вот этот.

Но вместе с ними существуют основы (очевидно, более позднего пласта), не имеющие парных вариантов с лабиализованным гласным:

быйыл—этот год,
бычак—нож,
бышык—крепкий и т. п.

5. Узкие гласные редуцируются в первых закрытых слогах двух- и более- сложных слов, если слог начинается глухим смычным и замыкается глухим согласным:

тушту произносится почти как *тшту*—он слез,
тытты как *тыты*—внешний, *бычак* как *бчак*—нож и т. п.

Основной причиной, которой можно объяснить способность именно узких, а не широких, гласных редуцироваться, является та, что узкие гласные *ы, и, у, ү* относительно широких по степени раствора оказываются ближе к согласным и, следовательно, легче сливаются с ними, стремясь к нулю.

1928. 9. 2.
1928. 7.

Ступеньков
1912. и. 17. арестован
сестра
Поручик
2. 1911.

Воскресенье

Самый лучший
1. 1911.

Узнаем
6/11/202
Александр

Камилл

КОНСОНАНТИЗМ

СОСТАВ СОГЛАСНЫХ СОВРЕМЕННОГО КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА

§ 36. Система консонантизма современного литературного киргизского языка складывается из следующих фонем:

По способу образования		По действующему органу		Губные		Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные	Фарингальные	Гортанные
		губно-губные	губно-зубные	губно-губные	губно-зубные						
Смычные	шумные веносовые	б	(в)	д	г	(г)					
	сонорные носовые	п	(ф)	т	к	(к)	к=q				
Щелевые (шоточные)	шумные	однофокусные	с плоск. щелью	(у)		й		г=q			
			с кругл. щелью	(й)			(х)				
	двухфокусные				з						
				(ж-з)		с					
					м						
сопоровые	боковые			л							
	дрожящие			р							
Аффрикаты				ж-ç							
						ч				(х)	

В скобках отмечены факультативные варианты и внедряющиеся фонемы.

Остановимся на характеристике каждой из перечисленных фонем.

Губно-губные (билабиальные) согласные.

§ 37. В составе губно-губных согласных киргизского языка в основном лексическом пласте выделяются, во-первых, два смычных носовых *б* и *п*, во-вторых, носовой сонорный *м*, в-третьих, в новых словах, освоенных после Октябрьской революции, на первых этапах освоения возникал губно-губной проточный $v = \text{в}$; кроме того, в южных диалектах существует этот же губно-губной проточный *v* как самостоятельная фонема.

§ 38. Фонема *б* реализуется как губно-губной, смычный, носовый, звонкий, эксплозивный согласный с окраской узкого редуцированного гласного.

Фонема эта имеет несколько комбинаторных вариантов, реализуясь следующим образом:

1. В начале слова сохраняет свою общую акустическую характеристику:

бала—ребенок,
беш—пять и т. п.

2. В середине слова, в интервокальной позиции, между широкими гласными, или в начале слова, если предшествующее слово оканчивается на гласный, фонема *б* произносится с неполной смычной. В нашем обозначении этот акустический вариант предстает в виде *Б*.

Примеры:

мага бер произн. *мааБер*—дай мне и т. п.¹⁾

В отдельных диалектах в начале аффиксов, присоединяемых к основам, оканчивающимся на гласный, фонема *б* также реализуется в виде *Б*. Напр., таласск. *бараБыс* (лит.: *барасыр*—мы пойдем).

3. В начале слова, если предшествующее слово оканчивается на глухой согласный, фонема *б* реализуется в виде *п*:

кап бар произн. *кап пар*—есть мешок,
анда таш бар—*анда таш пар*—там есть камни и т. п.

Аналогичное явление закономерно и в аффиксах, сочетающихся с основами на глухой согласный: *кет+ба=кетте*—не уходи, *таш+!-бы=ташы?*—камень ли? и т. п. (подробнее см. в главе об ассимиляции согласных).

4 В конце слов фонема *б* реализуется в произношении в виде *п*.

При чем, в соответствии с графической передачей следует считать этот вариант *п* в дооктябрьском лексическом пласте уже

¹⁾ Ср. *аба* (в южных диалектах даже *ава*)—воздух, погода. В орфографии: *ава*.

как самостоятельную фонему, а не вариант *б*. Надо полагать, что в языковом мышлении в слове *китеп* (происходящем из *китаб*—книга) в конце осознается *п*, исходя из нормы произношения этого слова и из графических норм его передачи, закрепленной уже традицией как в латинизированном, так и в новом, построенном на основе русской графики, алфавите. Сложнее обстоит дело со словами типа *клуб* и т. п., в которых конечный *б* произносится в виде *п*. Что же здесь, в конце слова, осознается в качестве фонемы: *б* или *п*? На этот вопрос трудно без массового обследования дать точный ответ, но мы условно приняли бы здесь *б*, исходя из таких соображений:

1) нормы графической передачи в значительной мере оказывают влияние на звуковое восприятие этих слов;

2) по нашим наблюдениям, в ряде случаев под влиянием графики пробуждается тенденция (неправильная с точки зрения русской орфоэпии) произносить новые слова так, как они пишутся, а не так, как они воспринимаются на слух (отсюда и слово „колхоз“, которое по-русски произносится в виде „калхоз“, в вырабатываемом киргизском произношении чаще уже звучит в виде „колхоз“).

Надо, однако, отметить, что такое решение вопроса о фонеме *б* или ее вариантах исключительно условно, о чем будет сказано несколько ниже.

Фонема *п*, оказываясь в интервокальной позиции, озвончается и выступает в виде своего комбинаторного варианта *б*: *китеп*+*ы*==*китеби*—его книга.

Вместе с этим, в новых словах, хотя вместо „*б*“ в конце слова и произносится „*п*“, под влиянием графики звук „*п*“, в общем, переосознается как фонема „*б*“, (в словах „*клуб*“ и т. п.).

Таким образом, в конце слова грань между фонемами „*б*“ и „*п*“ в высшей степени условна.

Помимо рассмотренных трех комбинаторных вариантов фонемы „*б*“ (т. е. *б*, *Б*, *п*), сна, под влиянием закона регрессивной ассимиляции согласных, назализуется, если в последующем слого встречается назализованный согласный, и предстает комбинаторно в виде *м*:

бу+*нын*==*мунун*—этого (родительн. падеж)

бу+*н*+*да*==*мында*—здесь,

бунт==*мунт*—бунт

банк==*баңке*==*маңке*—банк и т. п.

В отдельных словах, независимо от позиции „*б*“, возможно смещение *б* и *м*:

маркамат==*маркабат*—милость,

де милге==*дебилге*—старание, инициатива и т. п.

Наконец, в отдельных словах возможно в начале слова смещение „*б*“, если второй слог также начинается на „*б*“ или „*п*“ и содержит в себе губной гласный:

бопуза—опуза—запугивание,
бүлбүлдөө—үлпүлдөө—мерцать ¹⁾

§ 39. Фонема „п“, совпадая с „б“ по месту и способу образования, отличается от „б“ отсутствием работы голосовых связок и имеет несколько большую степень воздушного давления, нежели „б“. Эту особенность „п“ в тюркских языках, между прочим, Араб-филолог отметил, как „утолщенное б, которое как бы выдувается изнаружи губ“ ²⁾.

На одном из предшествовавших этапов развития киргизского языка согласный „п“ не употреблялся в начале слова, а соответственно возмещался звонким „б“ или сонорным „м“, как это мы имеем еще и теперь в таких, например, словах, как „пайда—байда—польза“, „пьяз—мыяз—лук“ и некоторые другие.

Впоследствии, в процессе скрещивания киргизского языка с русским и узбекским, звук „п“ в начале слова был освоен частью языкового субстрата; другая же часть его подменяет звонким „б“ (напр., *бопурос*—*папирос*—папиросы).

Надо заметить, что в литературном киргизском языке и в его северных диалектах пока еще внедрилось весьма мало слов с начальным „п“.

Так, в „Киргизско-русском словаре“ К. К. Юдахина на букву „п“ отмечено всего 275 слов (из числа 25 тысяч слов, собранных в „Словаре“); причём, значительная часть этих слов (напр., *почта*, *педагог*, *плакат* и т. п.) заимствована из русского языка; незначительная лишь часть является одним из составных элементов редупликаций (напр., *паал* из *саал-паал*—чутьочку; *паан* из *саан-паан*—всякого рода скот, даваемый на удой); другая часть имеет дублетные звонкие варианты, напр.: *паана*—*маана*—защита, покровительство, *пара*—*бара*—часть, кусок, осколок.

Наконец, лишь незначительная часть слов с начальным „п“ давно бытует в киргизском языке (*пллоо*—плов, *папик*—кисточка, *пар*—перо, пух, *патынжа*—памидор и т. п.), но и она вошла в киргизский язык из других языков.

Таким образом, только в редупликациях можно усматривать начальный „п“ как явление, присущее киргизскому языку; в остальных же случаях этот „п“ является результатом скрещивания с другими языками.

Несколько раньше, чем в литературном языке и в северных диалектах, начальный „п“, под влиянием узбекского языка, по-

¹⁾ Слов такого типа, т. е. б+губной гласный+б+губной гласный в „Словаре“ К. К. Юдахина отмечено всего восемь: два уже перечисленных нами, три слова, вошедших в киргизский язык из русского (*бобурек*—бобрик, *бопурос*—папирса, *бополон*—пополам) и три слова, дублетные варианты которых нам не известны: *бөбөк*—грудн. младенец, *бубу*—знахарка, *бөлү*—дита, клнч для ловч. птицы.

²⁾ См. Мелиоранский. „Араб-филолог о турецком языке“, 3,14 или 04,11.

являясь в южном наречии киргизского языка, но и то, в общей сложности, он там встречается в 1—2 десятках слов (напр., *пахта*, *пакта*—хлопок, *пада*—корова, рогатый скот, *пайда*—польза, *палек*—лист растения, *парда*—занавеска, *парсы*—персидский, но-персидски, *постек*—подстилка из меха, *пир*—духовн. руководитель).

В словах, заимствованных из русского языка, начальный „п“ возникает либо на месте „ф“ (см. ниже о фонеме „ф“), либо через ступень *п* → *б* → *п* отражает русский „п“. Так, на первых этапах заимствования таких слов как *пакет*, *панка* и др. они сначала реализовались в виде *бакет*, *байке*, а теперь уже в виде *пакет*, *панка* и т. п.

Фонема „п“, следовательно, как правило, употребляется в киргизском языке в конце слога или середине и конце слова. Примеры:

тапанча—пистолет,
эпилдөө—юлить, лебезить,
кап—мешок и т. п.

Причем, в конце слова „п“ часто генетически выступает в качестве комбинаторной разновидности „б“, а в современном киргизском языке при наслоении аффиксальных гласных реализуется уже комбинаторно в виде „б“ или—между широкими гласными—в виде *Б*:

китеп + *ы* = *китеби*—его книга,
тап + *а* + *мын* = *таБамын*¹⁾—найду.

В тех же случаях, когда в конце слова оказываются сонорный плюс „п“, этот последний (при наслоении аффиксальных гласных) не озвончается:

алп + *ы* = *алпы*—его силач,
калп + *ы* = *калпы*—его ложь и т. п.

В отдельных случаях (очевидно, как пережиточное явление) фонема „п“ (как и „б“), если после нее следует носовой согласный, может назализоваться и выступать в виде „м“:

теп + *ын* = *те.м.н*—ударять ногами,
паана = *маана*—защита, покровительство,
төө тапан = *төө таман*—назв. весеннего цветка.
кыпын = *кымын*—пылинка, частичка.

Наконец, в том случае, если глагольная основа, оканчивающаяся на *п*, сочетается с аффиксом—*ып*,—*ип*,—*уп*—*үп*, то происходит поглощение одного из слогов (гаплогия), а гласный основы удлиняется²⁾:

1) Пишется: *табамын*.

2) Удлинение гласного, но при сохранении корневого согласного, обычно при подобных образованиях на-*ып* и от основ, оканчивающихся на *м* (также, как и на *п*): *тэм* + *ып* = *таамп*—каная, *эм* + *ып* = *ээмп*—сося и т. п.

+ тап+ып=таап—найдя,
 чап+ып=чаап—скача,
 теп+ып=тээп—ударяя,
 өп+ып=өөп—поцеловавши.

При рассмотрении фонемы *б* уже указывалось, что она в конце слова реализуется в виде *п* и переосознается как новая фонема *п*.

При рассмотрении же фонемы *п* мы отмечаем, что она может комбинаторно реализоваться в виде *б*. Таким образом, отсутствует резкая грань между употреблением этих фонем в конце слова (и слога).

Действительно, что же мы имеем в конце таких слов, как „кап—мешок“, „көп—много“ и т. п.: комбинаторный вариант *б* или фонему *п*, которая в таких примерах, как „кабы—его мешок“, „көбү—их множество, большинство их“, реализуется комбинаторно в виде „б“?!

Решение такого вопроса в высшей степени условно, т. к. имеет две различных, но одинаково веских аргументации:

1. В русском „сад“ (произн. *сат*)—„сада“ в конце корня фонемой принято считать *д*, хотя она и произносится в виде *т*.

Аналогичное явление можно усматривать и в корреляции *п* ↔ *б* (кап ↔ кабы), как и *к* ↔ *г* (көк—небо, но көгү—его небо).

С этой точки зрения, следовательно в „кап“ конечной фонемой будет „б“, предстоящая в глухой своей разновидности.

2. Если же исходить из принципа не потенциально возможных изменений, а из произношения изолированно взятой основы, то, наоборот, основным будет глухой вариант (в „кап“ конечной фонемой будет *п*, а не *б*).

В нашей трактовке киргизского консонантизма мы условно принимаем за основу принцип изолированного произношения основы и поэтому в словах с конечными *п*, *к*, отраженными и графически, мы усматриваем фонемы *п* и *к*, а не глухие варианты фонем *б* и *г*.

Такая точка зрения может быть аргументирована следующим образом:

1. В ряде тюркских языков (напр., в некотор. диалектах уйгурск. языка) *п*, *к* не озвончаются, а потому принятие их в конце киргизских слов создает единство определения фонематического состава слов общих для киргизского и ряда других языков.

2. В нашем языковом мышлении мы обычно, очевидно по привычке с детства, отправляемся не от словоизменительных форм, а от корней или основ.

3. Поскольку в ряде случаев тюркские языки сохраняют пережитки и аморфно-синтетического строя, постольку и с исторической точки зрения удобнее принимать в расчет произношение изолированно взятого корня или основы.

§ 40. Фонема *м* реализуется как губно-губной, смычный носовой сонорный, употребляющийся в любой позиции в слове:

мен—я,
там—крыша, дом, кровля,
эми—теперь.

Звук же „*м*“ может выступать в качестве комбинаторного варианта трех фонем:

1. В качестве комбинаторного варианта фонемы *п*, если после нее следует носовой согласный (см. выше).

2. В качестве комбинаторного варианта *б* перед носовым согласным (см. выше).

3. В качестве комбинаторного варианта *н* в позиции перед губным *б* (напр., *Асанбай* произн. *Асамбай* и т. п.).

В начале слова сочетание „*ыма*“—дает дублетный вариант *ыйма*:

ымарат=*ыймарат*—строение,
ыман=*ыйман*—совесть.

В середине слова в отдельных словах, при метатезе шумных глухих и *м*, возможен переход *м*→*п*:

кесмен→*кепсен*—подарок стока, даваемый прохожему,
чекмен→*чекпен*—чекмень (в данном случае весьма вероятно допустить в „*чекпен*“ казахизованный вариант, т. к. в казахском языке *к+м* дает *кп*).

Наконец, в отдельных заимствованных словах *м* в конце слова может реализоваться в виде *ң*:

пополам=*бополоң*.

§ 41. Фонема *ч*, реализуемая как губно-губной, проточный, срединный, сонорный в литературном киргизском языке и в подавляющей части северных диалектов отсутствует, являясь, однако, самостоятельной фонемой в южных диалектах, где она появилась под влиянием узбекского языка, и как правило, в начале слов не употребляется.

В словах, вошедших в киргизский язык из узбекского, начальный *ч*, как отмечает К. К. Юдахин¹⁾, реализуется в четырех разновидностях:

- 1) *ч*→*уб*:
чакт→*убакыт*—время,
чада→*убада*—обещание;
- 2) *чэ*→*о*:
чэки'а→*окуя*—событие,
чэфэ→*опаа*—верность;
- 3) *чэ*→*ө*, →*өкул*—представитель;
чэкил

¹⁾ Киргизско-русский словарь, стр. 574.

4) *уу, үү* → *у*

уужут → *ужут* — осуществление,

үүждан → *уждан* — совесть.

В заимствованиях из уйгурского, узбекского и др. тюркских языков в интервокальной позиции *у* реализуется в живой речи чаще как *б* или *Б*:

hava → *аба, аБа, обо* — погода, воздух,

авал → *абал, аБал, обол* — давн. времена и т.п.

В конце слога *у*, утрачиваясь, дает долготу предшествующего гласного:

+ узб. *суу* = кирг. *суу* — вода,
узб. *дэррәу* = кирг. *дароо* — быстро.

Помимо этого, в первые годы после Октябрьской революции в заимствованиях из русского языка *в* через ступень *б* превращался в *у* или (в конце слова) в „п“, о чем будет указано при рассмотрении губно-зубного *в*.

§ 42. В качестве факультативного явления, наблюдаемого в двух известных нам словах, встречается губно-губной, с округленной щелью, проточный, шумной, глухой, однофокусный *f*:

уф (уф) — уф! (междометие, выражающее горестный вздох),

бөф (вөф) — фу! (междометие, выражающее отвращение).

Очевидно, *f* в киргизском языке, выступая в единичных случаях в фонологизованных выдохах, самостоятельной фонемой не является.

Губно-зубные согласные.

§ 43. В дооктябрьском пласте киргизской лексики не обнаруживаются губно-зубные согласные *в* и *ф*. Они появляются лишь после Октябрьской революции в словах, заимствованных из русского языка, и первоначально реализуются как губно-губные *б, Б, в, ф*. Лишь часть населения, освоившая русское произношение слов с фонемами *в* и *ф*, реализует теперь их в качестве губно-зубных.

§ 44. Реализация русского губно-зубного, проточного, шумного, однофокусного (с плоской щелью), звонкого „в“ произошла в первые годы после Октябрьской революции такие ступени:

1. В начале слова закономерно он реализовался почти до 1935 года в виде губ.-губн. смычн. *б*:

Воронеж → *Боронеч* (теперь: Воронеж),

багон → *багон* (теперь: вагон)

вокзал → *багзал* (теперь: вокзал).

В связи с освоением русского языка, в настоящее время *в* реализуется у большинства населения в виде *Б*, реже в виде *в*.

Таким образом, реализация этой фонемы проходит такие этапы:

$v \rightarrow b \rightarrow B \rightarrow v \rightarrow v$

2. Между широкими гласными, почти до последних лет, $v \leftrightarrow B$, и лишь теперь в ограниченной группе часто употребительных слов уже $B \rightarrow v$:

*совет $\rightarrow$ савет $\rightarrow$ совет $\rightarrow$ совет,

*аванс $\rightarrow$ аБансы $\rightarrow$ авансы $\rightarrow$ аванс

Перед согласными же фонема v , а иногда и перед гласными, как общее правило, обращалась в нуль:

август $\rightarrow$ агус (теперь: август),

европеец $\rightarrow$ жаарупалык (с заместительной долгой гласного),

жалованье $\rightarrow$ жалуун.

3. В конце слога фонема v реализовалась в живой речи, в общем, в виде n :

Манилов $\rightarrow$ Манилун (теперь: Манилов),

совхоз $\rightarrow$ сапкос (теперь: совхоз).

Этим обстоятельством и должны быть объяснены частые орфографические ошибки:

пишут: *Ивановко* (вм. *Ивановго*) и т. п.

§ 45. Фонема ϕ , как и v , до последних лет отсутствовала в киргизском языке и появилась в небольшой группе слов, вошедших в киргизский язык из русского.

При этом, на первых этапах освоения фонема эта реализовалась, да и продолжает реализоваться еще у значительной части населения, в виде n : лишь у лиц, освоивших русский язык, и под влиянием графики она может реализоваться в виде f или ϕ ¹⁾:

Фрунзе $\rightarrow$ Пурунза $\rightarrow$ фрунзе $\rightarrow$ Фрунзе,

фронт $\rightarrow$ нурунт $\rightarrow$ фронт $\rightarrow$ фронт,

флот $\rightarrow$ пулот $\rightarrow$ фулот $\rightarrow$ флот,

Африка $\rightarrow$ Апырыйке $\rightarrow$ Африке $\rightarrow$ Африка,

февраль $\rightarrow$ пыйбырал $\rightarrow$ феврал²⁾ $\rightarrow$ февраль.

В киргизский алфавит особые буквы для обозначения v и ϕ введены были лишь в 1930 году для различения таких парных слов как *флот* и *плот*.

В литературном письменном современном киргизском языке едва ли найдется сотня слов, содержащих в себе v или ϕ : они составляют пока еще очень незначительный пласт, а о фонемах v и ϕ , можно сказать, что они пока еще продолжают внедряться, но сам процесс внедрения этих фонем еще не закончился.

¹⁾ Знаком f обозначен здесь губно-губной вариант, тогда как знаком ϕ обозначен губно-зубной.

²⁾ Реализуясь в виде n , фонема эта подвергается таким же комбинаторным изменениям, как и n . Ср.: *фамильный чай* — *намиле чай* (где $\phi \rightarrow n$ и реализовался под влиянием последующего n).

У отдельных представителей южных диалектов, владеющих а узбекским языком, как и у узбеков, приходится еще наблюдать смешение *n* и *ɸ*, *f*, благодаря чему, например, часто „Пушкин“ произн. в веде *Фушкин* или *Фушкин*.

башкирца

Переднеязычные шумные согласные.

§ 46. В составе киргизских переднеязычных шумных согласных выделяются такие фонемы, парные по признаку озвончения:

t ∞ *ɖ*, *s* ∞ *z*, *ʃ* ∞ *ʒ*(—*ʒ*), *ç* ∞ *ʒ*(—*ɖʒ*).

Кроме того, в качестве новшества возникают фонемы *ц* и *щ*.

§ 47. Фонемы *t* и *ɖ* выступают на правах двух самостоятельных разновидностей (глухой и звонкой) переднеязычного, альвеолярного, апикального, смычного, шумного, неносового согласного.

Сравнительно с русскими *t* и *ɖ*, они оказываются, однако, более дорсальными, но апекс при произношении их соприкасается с верхними альвеолами, а потому мы и относим их к категории апикальных (а не дорсальных) согласных.

§ 48. Фонема *t* употребляется в киргизском языке в любой позиции и по степени звонкости комбинаторных вариантов не имеет:

там—дом, кровля,
ат—лошадь,
ата—отец и т. п.

Звук же *t* может появляться в качестве комбинаторных разновидностей *л*, *н*, *ɖ*, о чем речь будет итти особо при рассмотрении комбинаторных изменений согласных.

В отличие от юго-западных тюркских языков, где возможны комбинаторные изменения *t* → *ɖ*, при наложении гласных, и где в начале слога в части общетюркского пласта корнеслов вместе *t* закономерно встречается *ɖ*, в киргизском языке в этих случаях сохраняется *t*:

турецк. *дүн*—кирг. *түн*—ночь,
турецк. *дөрт*—кирг. *төрт*—четыре,
турецк. *дөрдүнчү*—кирг. *төртүнчү*—четвертый.

Это же можно наблюдать и в дооктябрьских заимствованиях из русского языка: удостоверение → *тастаберне*.

Лишь отдельные слова в киргизском языке, очевидно, в качестве диалектных пережитков имеют дублетное произношение:

төбө—*дөбө*—холм,
таяр—*дяр*—готовый,
тажаал—*дажал*—свирепый,
табышмак—*дабышмак*—загадка,

такшалуу = *дагдалуу* — привыкнуть, укрепнуть,
тагдыр = *дагдыр* — судьба, предопределение,
талаа = *дтлаа* — поле,
тарбыз = *дабыз* — арбуз,
текибир = *депкир* — величание,
телеграмма = *дилгирем* = *дилдирем* — телеграмма,
тиңсе = *диңсе* — шишечка на шапке,
тоңкулдак = *доңкулдак* — дятел,
тозок = *дозок* — ад,
төбөл = *дөбөл* — звездочка (на лбу животного);
 верхушка (соц.),
түжүркө = *дүжүркө* — тужурка и в некотор. др.

§ 49. Фонема *д* употребляется в киргизском языке в начале слога; почти всегда в конце слога и, как правило, в конце слова она возмещается фонемой *т*:

*аад → *ат* — имя,
парад произн. *парат*,
Ленинград произн. *Ленинград* и т. п.

Только в словах, заимствованных из русского и осваиваемых теперь киргизским языком, под влиянием графики у отдельных лишь представителей возможно наличие *д* в конце слова: *Ленинград*, *пград* и т. п.

Фонема *д* в аффиксах, сочетающихся с основами, оканчивающимися на глухие согласные, реализуется в виде *т*, и, таким образом, фонема эта имеет два комбинаторных варианта: *д* и *т*.
 Примеры на *д* → *т*:

таш + *да* = *ташта* — на, в камне,
таш + *дан* = *таштан* — с, из камня и т. п.

§ 50. Фонема *ш* реализуется в киргизском языке как переднеязычный, апикальный, двухфокусный, щелевой, шумной, глухой согласный. В отличие от русского апикального *ш*, киргизск. *ш* образуется более передним продвижением апекса, благодаря чему киргизск. *ш* приближается к переднему русскому *ш*, как в слове „меньше“.

Фонема *ш* употребляется в киргизском языке во всех позициях и комбинаторных вариантов по степени звонкости не имеет:

таш — камень,
шаң — величие, важность,
ашык — излишек, лишний.

Звук же *ш* перед переднеязычными глухими согласными может выступать в качестве комбинаторного варианта “.

§ 51. Фонема, соответствующая русскому *ж* (в латинизированной графике передавалась буквой *z*), употребляется в иноязыч-

ных собственных именах и в нескольких нарицательных (*журнал, жюри*), вошедших в киргизский язык через посредство русского.

В обиходной речи она, однако, часто еще реализуется в виде аффрикаты „дж“ (пишется „ж“) и только в среде, знакомой с русским языком, приближается к переднеязычному апикальному (более переднему, чем русск. *ж*), двухфокусному, шумному, щелевому, звонкому своему выражению.

§ 52. Фонемы *з* и *с* реализуются как две (глухая и звонкая) разновидности переднеязычного, апикального, однофокусного, шумного, щелевого (с круглой щелью) согласного.

В отличие от русских „*с*“ и „*з*“, в киргизском произношении щель между передней поверхностью языка и твердым небом, необходимая для образования этих звуков, более широка, а у отдельных индивидов *с*, *з* эволюционирует в сторону интердентальных английских *th*. Это особенно заметно на *с*, и можно объяснить влиянием казахского языка, где случаи *с=th* часты.

Фонемы *с* и *з* употребляются в литературном киргизском языке в любой позиции в слове:

<i>сөз</i> —слово,	<i>зер</i> —крестец лошади,
<i>басык</i> —ход, походка,	<i>казан</i> —котел,
<i>эс</i> —память, ум,	<i>ооз</i> —рот.

Причем, фонема *с* комбинаторных вариантов по составу не имеет, а фонема *з* в определенных позициях в связи с глухими согласными может реализоваться и в виде *с*.

В ряде же диалектов устанавливается обратное соотношение в употреблении *с* и *з*:

лит. <i>кызыл</i> в ряде чуйск. диалектов=	<i>кысыл</i> —красный,	
лит. <i>азыр</i>	— „ — =	<i>асыр</i> —сейчас,
лит. <i>кыз</i>	— „ — =	<i>кыс</i> —девушка
	<i>солдат</i> =	<i>залдат</i> —солдат,
	<i>ы. ык</i> =	<i>ызык</i> —теплый, горячий,
	<i>кес</i> =	<i>кез</i> —режь.

В таласском диалекте, однако, кроме обратного размещения *с* и *з*, нам приходилось наблюдать и *с*→*з* в интервокальной позиции: *ата+сы=атазы*—его отец,

кыс—девушка, но *кызы*—его дочь, девушка.

Это явление находит себе полную аналогию в области консонантизма ойротского языка, где фонема *с* имеет две ступени озвончения (т. е. *с* и *з*):

{	<i>сөс</i> —слово,
	<i>сөзим</i> —мое слово ¹⁾

Как это явление, так и обратное размещение *с* и *з*, очевид-

¹⁾ Н. П. Дырскова, Грамматика ойротского языка, стр. 34.

но, может быть объяснено киргизско-ойротскими связями и борьбой до XVIII в. включительно.

Фонема *з* в начале слова в общей массе случаев встречается в лексическом пласте, сформировавшемся в киргизском языке уже после прихода киргизов на Тянь-Шань, в словах арабского, персидского и русского происхождения; и в отдельных случаях чередуется с *ч* или *жс* (-дж):

забыр = *жабыр* — трудность, мученье, насилие,
зампа = *жампа* — коровий помет,
зынжыр = *чынжыр* — цепь.

Это же явление *з* || *жс* может быть поставлено в связь с чередованием *жс* || *з*, *жс* || *с* в отдельных случаях и в начале слогов:

ырсаюу = *ыржаюу* — ослабиться,
тазым = *таажым* — почтение, уважение.

§ 53. Фонемы *жс* (-дж) и *ч* являются аффрикатами, переднеязычными, альвеолярно-дорсальными, двухфокусными шумными, по структуре своей составляющимися по формулам:

жс = *д* + *з* (звонкий),
ч = *т* + *ш* (глухой)

Фонема *жс* (дж) употребляется в киргизском языке, как общее правило, в начале слога.¹⁾

В начале слова *жс* возмещает собой начальный *й*, наличный в ряде других тюркских языков:

уйг. *ёк* (ёок) = кирг. *жок* — нет,
уйг. *ят* (йат) = кирг. *жат* — лежи и т. п.

Кроме того, имеет спонтанное употребление, напр., в слове „жан — душа“ или в середине таких слов, как

ажар — милость,
бөжөк — зайчонок и т. п.

Как уже указывалось, при рассмотрении фонемы *з* (соотв. русскому *жс*), она в значительной части заимствованных слов также возмещалась в киргизском языке фонемой „дж“ (пишется „ж“)

В конце слога *жс*, за редким исключением²⁾, не встречается и в заимствованных словах, либо эпентезируется гласным, как это мы имеем, например, в слове „тажы ← таж — корона“, либо возмещается фонемой *ч* (*боржс* → *боруч* — „долг“ и т. п.)

Только в нескольких собственных именах, заимствованных через посредство русского языка, сохранялся *джс* в конце сло-

1) Здесь мы не принимаем в расчет возможность сохранения *й* в словах в некот. южных диалектах, о чем будет указано ниже.

2) Напр., *мыктаж* — нуждаемость (из арабск.)

ва, напр.: *Voroneç*—Воронеж, *Paris*—Париж и т. п., возмещающая собою фонему *з*. Однако, в большинстве случаев, вопреки написанию, слова эти произносились в виде *Боронеч, Париц* и т. п. В связи с освоением фонем *в* и *ж* (*з*) и отражением их в киргизском латинизированном алфавите, под влиянием написания в отдельных случаях уже отмечается произношение *Воронез, Париж* и т. п.

В начале слова, если ему предшествует слово, оканчивающееся на гласный, *ж* (*дж*) факультативно реализуется в виде *й*: *жакшы жигит* произн. *жакшы йигит*—добрый молодец,

атасы жетимиш жашта произн.

Атасы етимиш жашта—его отцу 70 лет.

Вместе с этим, в отдельных словах отмечено отпадение начального *ж*: казахск. *жыр, жыйла*—кирг. *ыр, ййла*—^{1) песня, 1)}
^{2) плач, 2)}

Это, очевидно, и дало повод В. Радлову во всех его записях по киргизскому языку фиксировать йоканье в начале слов.

§ 54. Фонема *ч* употребляется во всех позициях:

чач—волосы,

ачык—открытый и т. п.

Перед глухими, шумными, переднеязычными согласными, диссимилируясь, *ч* может реализоваться в виде *ш*:

чачташуу произн. *шашташуу*—драться, таскать друг друга
за волосы и т. п.

Примечание. Хотя в современном киргизском языке и нет еще фонемы *ц*, однако у отдельных индивидов, освоивших русский язык, уже возникает звукопредставление „ц“ в словах, вошедших из русск. языка, тогда как в среде, не освоившей еще русской фонемы *ц*, она еще воспринимается как сочетание двух фонем *тс*, либо как дорсальная разновидность *ч*: церковь—*черкөө*.

Латинизированный алфавит в этом отношении играл в последние уже годы своего применения (1938—1940 г. г.) консервативную роль, т. к. в нем аффриката *ц* передавалась диграммой *ts*:

авиация—*aviatsija*,

акция—*aktsija*.

В связи с принятием буквы „ц“ в новом (построенном на основе русской графики) алфавите процесс освоения „ц“ как фонемы, очевидно, будет ускорен.

Подобный же прогноз может быть высказан относительно

но и *ш*, пока еще сознаваемом как сочетание *шч* (Щедрин—Щедрин¹⁾ и т. п.) или, в отдельных словах, как *ч* (Щипцы—чпычы).

Переднеязычные сонорные

§ 55. В составе переднеязычных сонорных в киргизском языке отмечаются три: *н*, *р*, *л*.

§ 56. Фонема *н* реализуется как переднеязычный, смычный, носовой сонорный и употребляется в древних напластованиях киргизского языка преимущественно в середине и конце слова:

эне—мать,
жун—шерсть,
кун—день и т. п.

В начале слова фонема эта, как общее правило, употребляется в словах, вошедших в киргизский язык либо из арабского (*наалат*—проклятие, *набат*—леденцы, вид сахара, *накыл*—рассказ, *намчс*—честь и т. п.), либо пз персидского (*наабай*—хлебопек, *наадан*—невежда, *найза*—копье, пика, *нооту*—сукно, *ныяз*—милостыня), либо, наконец, из русского (*непит*—нефть, *наркомат* и др.)

В нарынском диалекте и некотор. других начальный *н* в значительной части заимствованных основ утрачивается, и благодаря этому, даже и в литературном языке можно встретить такие колебания:

наристе=*арыста*—юный,
наркы=*аркы*—находящийся по ту сторону,
насаат=*асаат*—совет, наставление,
насыя=*асыя*—кредит, долг,
ноён=*оён*—богатырь, господин,
найза=*айза*—копье, пика,
нукум=*укум*—мера длины (от конца большого пальца до согнутого указательного) и т. п.

Так как в киргизском литературном языке слов с начальным *н* очень немного (250—300), надо полагать, что эта фонема в начале слов и раньше была несвойственна киргизскому языку. И в орхонских надписях, между прочим, согласный „*н*“ встречался в начале лишь немногих слов.²⁾

Фонема *н* может, в зависимости от комбинации с *б* или *г*, реализоваться в виде *м* или *ң*, о чем будет указано при рассмотрении комбинаторных изменений согласных.

§ 57. Фонема *р* реализуется в виде переднеязычного дрожащего (чаще—одноударного и реже двухударного) сонорного.

¹⁾ Пишется: *Щедрин*.

²⁾ Об этом см. у П. Мелиоранского в „Памятнике в честь Кюль-Тегина“, на стр. 34-35.

До последних лет фонема эта употреблялась лишь в середине и конце слова.

Примеры:

жарык—свет,
кир—войди,
ээр—седло и т. п.

В киргизских словах (как и в монгольском языке) *р* в начале слова не употребляется; обычно, все заимствуемые арабо-иранские слова с начальным *р* протезировались узким гласным *ы, у*:

В узбекск. произношении *рухсат*=кирг. *уруксат*—разрешение;

раһмәт=кирг. *ыракмат*—спасибо и т. п.

Только небольшая группа слов, вошедших из русского языка уже в послеоктябрьский период, осваивается с начальным *р*. Таких слов пока набирается едва ли сотня. В качестве примеров их приведем: *радио, радиус, райзо, район, рамке* (рамка), *разряд*=*разрет, редактор, революция*.

Однако в живой речи все же можно встретить:

урол=*рол*=*роль*—роль,
ырайон=*район*—район,
ырапырт=*рапорт*—рапорт,
ырасчәт=*расчот*—расчет и т. п.

§ 58. Фонема *л* реализуется в литературном киргизском языке в качестве переднеязычного, бокового, щелевого сонорного, и у значительной части представителей северных диалектов в двух (передней и задней) комбинаторных разновидностях:

а) в слогах с задними гласными *л* выступает в качестве переднего, дорсального, альвеолярного варианта *ль*:

кел—приходи,
көл—озеро и т. п.

Как уже указывалось при рассмотрении явлений слогового сингармонизма, среди лиц, не владеющих русским языком, совершенно невозможно сочетание в одном слоге переднего варианта *л* (*ль*) с задними гласными. Благодаря этому, произношение таких русских слов, как „уголь“ или „кольцо“ превращается часто в „угол“ или „колицо“ и т. п.

Таким образом, *л* и *ль* не являются самостоятельными фонемами, а лишь комбинаторными вариантами одной фонемы.

Благодаря интенсивному скрещиванию киргизского языка с русским и параллельно с усвоением норм русского произношения, а также под влиянием нового киргизского алфавита, построенного на основе русской графики, можно ожидать в ближайшем будущем появление в киргизском языке двух самостоятельных фонем: *л* и *ль*, как, может быть, и других парных по степени палатализации согласных.

Об этом мы указываем, именно, в связи с рассмотрением фонемы *л*, благодаря тому, что, во-первых, по месту образования *л* и *лъ* так почти отстоят друг от друга как *q* и *к* и имеют диапазон артикуляционных изменений больший, нежели значительная часть других фонем (следовательно, в парах *л* и *лъ*, *q* и *к* резко чувствуется различие по степени палатализации); во-вторых, приблизительный подсчет заимствованных из русского языка слов, имеющих в конце задний гласный плюс передний согласный (графически: согласный с мягким знаком), показывает, что большинство их содержит *лъ*, как *Гоголь*, *эмаль*, *июль* и т. п.; несколько меньше *нь* и *рь* и еще меньше остальные согласных. Таким образом, для появления двух фонем — *л* и *лъ* — имеется большая почва, нежели для остальных парных вариантов согласных.

С акустической стороны киргизские варианты *л* и *лъ* несколько отличаются от русских „*л*“ и „*лъ*“: киргизск. *л*, *лъ* более апикальные, нежели русск. *л*, *лъ*.

У части представителей киргизского языка обнаруживается еще иная разновидность рассматриваемой фонемы, которую мы назовем нейтральным *л*, не имеющим комбинаторных вариантов по степени палатализации, как *л* в несингармонистических диалектах узбекского языка (где нет двух вариантов *л* и *лъ*), и по своему образованию более апикальный и более задний (уже не альвеолярный, а почти переднеязычный), повторяем, не имеющий корреляций по степени палатализации: в словах *бала*, *кел*, *кыл* и т. п. *л* звучит одинаково.

Проследить территориальное распространение этой изоглоссы нам не удалось, однако чаще она встречается у представителей старшего поколения, не говоря о наличии только *л* (а не *л* и *лъ*) в ряде южных диалектов.

Фонема *л* в аффиксах, в зависимости от сочетания с др. согласными, может реализоваться в виде *д* и *т*, о чем подробнее будет указано ниже.

Комбинаторные изменения *л* → *д*, построенные на диссимиляции *л*, обнаруживаются и в единичных случаях при освоении иноязычных основ, содержащих в себе сочетание сонорного плюс *л*, в результате чего *л* → *д*; напр.: *молла* → *молдо* — мулла грамотный, *алла* → *алда* — бог и т. п.

В дооктябрьском лексическом пласте киргизского языка фонема *л*, как и *р*, имела ограниченное употребление:

а) в начале слова она не употреблялась перед *а*, *е*, *и*; при заимствовании слова с начальным *ла*, *ле* обычно протезировалась узким гласным:

лазым → *ылазым* — нужный, нужно,
лайык → *ылайык* — соответствующий,
леп → *илеп* — жар, жара.

Наоборот, как это отметил К. К. Юдахин, вполне обычные сочетания в начале слов *л* с прочими гласными;

локшуу—иметь позыв к рвоте,
лөк—одногорбый верблюдо-самец,
лып-лып—подражание капанью
лыкылдоо—быть во множестве, кишеть.

Отдельные слова более позднего вхождения в киргизский язык сохраняют начальный *л* перед *а*:

лап-лап басуу—ступать грозно и со шлепаньем,
лакыюу—быть высоким и т. п.

После Октябрьской революции в новых словах начальный *л* последовательно осваивается, но в общей сложности в киргизском языке едва ли найдется сотня слов с начальным *л* (из коих, без преувеличения, 75 % составляют заимствования из русского языка, вроде „латиндештирүү—латинизация“, „лейтенант“, „лампа“, „лагерь“, „лекция“, „ленинчил“, „лига“, „лимон“, „логики“ и некот. др.);

б) в конце слова в указательных местоимениях и в отдельных словах *л* также оказывается неустойчивым; имеются дублеты:

бул и *бу*—это
ал и *а*—он, тот,
ушул и *ушу*—вон тот,
ошол и *ошо*—вон тот,
тигил и *тиги*—тот, что подальше,
жоромол и *жоромо*—предположение.

При склонении этих местоимений они утрачивают конечный *л*: *ал*, *анын*, *аны*, *ага* или *аа*, *анда*, *андан* или *анан*; *бул*, *мунун*, *муну*, *буга*, *мундан*, *мунда*; *ушул*, *ушунун*, *ушуну*, *ушуга*, *ушунда* и т. п.

В прочих же основах в конце слова *л* оказывается вполне устойчивым и встречается довольно часто. Ср., например, глаголы *ал*—бери, *бол*—будь, сущ. *мал*—скот и т. п.

в) в середине слова употребление *л* также вполне закономерно. Ср. слова: *ала*—пестрый, *бала*—ребёнок, *болот*—сталь, *калжа*—пустомеля, *салыштыруу*—сравнивать и т. п.

Но все же здесь обнаруживается известная неустойчивость этого звука (не фонемы, а, именно, звука): то он метатезируется (*лаанат* ∞ *наалат*—проклятие, *малакай* ∞ *макалай*—мужск. головной убор и т. п.), то возникает из *р* (*уруксат* ∞ *улуксат*—разрешение, *урпак* ∞ *улпак*—отруби и т. п.).

Точно также и в некоторых основах обнаруживается утрата *л*:

олтур—*отур*—сядь,
кылт—*кыт*—свинец в альчике и др.

Фонема *л* в отдельных словах может чередоваться с *й*, *р*, *н*, *ң* и, обратно, замещать эти фонемы:

ылгаруу = *ыйгаруу* — намекать, предназначать,
даңгыр = *даңгыл* — крепкий, прочный,
мүлүшкер = *мүнүшкөр* — соколятник,
жалгыз = *жаңгыз* — одинокий.

Среднеязычные и заднеязычные согласные

§ 59. В составе этих категорий можно выделить такие фонемы:

среднеязычные *й*, *к* (—*k*), *г* (—*g*), глубокозаднеязычные *к* (—*q*),
г (—*q*), *ң*, *х*.

Т. к. четыре фонемы — *k*, *g*, *q*, *q* — генетически связаны между собой, мы для удобства изложения рассмотрим *k* и *g* вместе с глубокозаднеязычными, а не с *й*.

§ 60. Фонема *й* реализуется в киргизском языке как среднеязычный, щелевой, срединный сонорный, соответствующий более задней разновидности русского *й* (перед задним гласным, как в словах *яр*, *ёлка*, *яд* и др.); при чем, в киргизском языке этот звук произносится более длительно и напряженно, нежели в конце слова в русском языке.

В киргизском языке корреляция *й* по степени палатализации (в зависимости от соседства с передними или задними гласными) равна почти нулю, т. к., например, в словах *киет* — одевает и *коёт* — кладет разница между *й* на слух почти не различается.

В дооктябрьском лексическом пласте подавляющей части диалектов киргизского языка фонема эта в начале слова встречалась в двух словах¹⁾: а) в междометии — *Я!* = *О!* (напр., в выражении *Я, алда!* — *О, боже!*), заимствованном через посредство узбекского языка.

б) в слове *я'ни* — *ягни*²⁾ — то-есть, употреблявшемся дореволюционной интеллигенцией.

В остальных случаях *й* всегда в начале слова возмещался *жс* (дж):

уйг. *як* = кирг. *жак* — сторона, бок,

уйг. *яман* = кирг. *жаман* — плохой и т. п.

Лишь в качестве комбинаторного варианта *жс*, если предшествующее слово оканчивается на-гласный, возможно возникновение *й* в начале слова (см. § 92).

Употребление *й* в середине и конце слова вполне закономерно и очень распространено для киргизского литературного языка. Ср., например: *аял* — женщина, *бая* — на-днях, *чийыр* — тропя, *чиймыт* — козляный альчик, *ай* — месяц, *май* — жир, *сай* — ручей и т. п.

¹⁾ О наличии *й* в начале слова в южных диалектах будет указано особо.

²⁾ Арабского происхождения.

После Октябрьской революции начали осваиваться киргизским языком слова с начальным *й*, напр., *январь*, *якорь* и др., которые на первых этапах освоения прошли также этап *й* → *ж* (*дж*), а потом *ж* → *й*, т. е. первоначально, например, *январь* → *жаныбар* и т. п.

Теперь слов с начальным *й* в киргизском языке наберется, примерно, не более 50.

§ 61. Фонемы *к* и *г* (в латинизир. алфавите *k* и *g*, *q* и *ç*) реализуются в киргизском языке следующим образом: *k* и *g* выступают как две (глухая и звонкая) разновидности среднеязычного, смычного, шумного, носового согласного, употребляющегося лишь в сочетании в одном слого с передними гласными, т. е. в сочетаниях *ке*, *кө*, *ки*, *ку*, *ге*, *гө*, *ги*, *гү* или в слогах *ек*, *өк*, *ик*, *үк*.

Примеры:

<i>кел</i> —приходи,	<i>өтүк</i> —сапог,
<i>көл</i> —озеро,	<i>эгин</i> —посев,
<i>күн</i> —день,	<i>жегич</i> —обжора,
<i>акиташ</i> —известь,	<i>өгүз</i> —вол и т. п.

2) *q* (*к*) реализуется как глубокозаднеязычный (увулярный), смычный, шумной, глухой, носовой согласный и употребляется в сочетании в одном слого только с задними гласными, т. е. в сочетаниях *ка*, *ко*, *кы*, *ку*, *ак*, *ок*, *ык*, *ук*;

<i>кант</i> —сахар,	<i>ак</i> —белый,
<i>кол</i> —рука,	<i>ок</i> —пуля,
<i>кыл</i> —делай,	<i>ук</i> —слушай.
<i>кул</i> —раб,	<i>ык</i> —крепкий, прочный,
<i>акыл</i> —ум и т. п.	

Сочетания *qe* *eq* и т. п. в одном слого совершенно невозможны для киргизского языка.

3) *ç* (*г*) реализуется как глубокозаднеязычный, увулярный, проточный с узкой щелью, шумной, звонкий, носовой согласный, который (как и *q*) сочетается только с задними гласными (*а*, *о*, *у*, *ы*) в одном слого:

<i>дагы</i> —еще,	<i>коргон</i> —крепость, вал,
<i>жыгач</i> —дерево,	<i>согуш</i> —война и т. п.

В позиции между *а* в некоторых диалектах *ç* превращается в нуль; например, в пржевальском диалекте:

+ *маги* = *маа*—мне,
сага = *саа*—тебе,
ага = *аа*—ему.

В конце слога, как общее правило, *ç* также не употребляется и дает заместительную долготу гласного:

+ уйг. *баг* = кирг. *боо*—сноп.
 уйг. *бугдай* = кирг. *буудай*—пшеница и т. п.

В отдельных лишь словах иноязычного происхождения, в некоторых междометиях и в универбационных сочетаниях возможно отступление от этого правила (см. Учение о слоге, § 66).

Примечание. В отдельных диалектах в абсолютном начале слова вместо *k*, *q* возможны их звонкие разновидности *g*, *q̣*, т. е. вм. „*кел*“ имеем „*гел*—приходи“, или вм. „*кайт-ты*“ имеем „*гайтты*—он вернулся“.

В части употребления рассматриваемых фонем следует отметить, что в отдельных словах возможны колебания *k* | *n*, *й*:

өспүрүм = *өскүрүм* — подросток,
ыракым = *ырайым* — милосердие.

Также факультативно возможно отпадение начального *k* в отдельных словах:

кымырылуу = *ымырылуу* — ежится,
касирет = *асирет* — печаль и т. п.

Исторически *q*, *k*, *q̣*, *g* выступают на правах комбинаторных вариантов двух фонем, *k* и *g*, которые реализовались каждая в двух — переднем и заднем — вариантах. Лишь теперь эти варианты воспринимаются в языковом мышлении как самостоятельные фонемы.

Положение о былом единстве *q̣* и *g* или *q* и *k* подтверждается следующими особенностями рассматриваемых фонем.

1. Фонемы *g*-среднеязычн. (*g*) и *g*-увулярн. (*q̣*) имеют совершенно одинаковое употребление в слове:

а) в конце слова в дооктябрьском лексическом пласте киргизского языка фонемы эти не употребляются.

Это же положение, за редким исключением (напр., за исключением таких слов тюрко-монгольского пласта, как *дыгдыюу* — быть очень коренастым, *дегдөө* — сильно жалеть и некот. др.), относится и к слоговому строению кирг. языка, в котором *g*, как правило, в конце слога не употребляется.

За исключением нескольких слов, обе этих фонемы (*g* и *q̣*) в начале слова не употреблялись до Октябрьской революции и в первые годы после нее, и возмещались глухими *k* или *q*. Так, *газета* → *кезит*, *газал* → *казал* — лирический стих и т. п.

Из самостоятельных слов, содержащих в начале *g* (*g*, *q̣*) и употреблявшихся до Октябрьской революции, можно назвать только следующие:

гел = *кел* — приходи,
гевһа = *көөр* — перл,
гилем = *килем* — ковер,,
гүбүр = *күбүр* — шопот,
гүл = *күл* — цветок,
гүрүлдөө = *күрүлдөө* — бушевать (о реке)
гүү = *күү* — мотив, напев,
гүзөр = *күзөр* — квартал,
газал = *казал* — лирич. стих,

гозо—гуза, куст хлопка,
гыйбат=кайбат—сплетни, пересуды,
гылым—наука¹⁾).

Значительная часть из них имеет дублиеты с глухим *к*.

Примечание. В числе служебных слов "г" встречается в начале „гана—только, лишь“.

Только в последние годы началось освоение советских и интернациональных слов с начальным г, напр., *гариж, гектар* и мн. др.

2. Звук *q* выступает на правах комбинаторного варианта фонемы *q*:

арык+ы=арыгы—его арык,
ак+ым=агым—течение и т. п.

Точно так же звук *g* выступает на правах фонемы *k*:

эк+ын=эгин—посев,
өтук+ы=өтугу—его сапог и т. п.

3. В аффиксах *q*, *g*, как и *q*, *k*, выступают лишь на правах комбинаторных вариантов одной фонемы (условно: *g*),

ата+га=атага—отцу,
эне+га=энеге—матери,
ат+га=атка—коню,
өт+га=өткө—желчи и т. п.

Существо же различия в употреблении фонем *q* и *g* сводится только к сочетанию их с гласными различных рядов.

Точно так же и разница в употреблении между *q* и *k* определяется составом гласных слога, в состав которого входит данный согласный.

Наконец, *q* и *k* занимают совершенно одинаковое место в слове, т. е. употребляются в начале, середине и конце слова. В то же время *q* может комбинаторно выступать в виде *q*, а *k* в виде *g*.

Эти факты говорят за то, что исторически такие коррелянты как *q* и *k* или *q* и *g* не были самостоятельными фонемами, о чем указывал еще Отто Бётлингк: „Различие между твердыми (глухими. И. Б.) и мягкими (звонкими. И. Б.) согласными *k* и *g*,... *m* и *д*, *n* и *б*, кажется, не первобытно и, вероятно, имеет только эвфоническое значение“²⁾. Правда, трудно объяснить парность согласных эвфонией (дело здесь, конечно, не в эвфонии, а в семантическом противопоставлении передних гласных задним), но высказанное положение Бётлингка относительно якутских согласных находит себе подтверждение и на фактах киргизского языка.

Мало того, идя дальше, можно привести к одной исходной фонеме и *q*, *q*, *k*, *g*, поскольку использование этих звуков (не

¹⁾ К. К. Юдахин. Кирг.-русс. словарь.

²⁾ О языке якутов. Стр. 412.

фонем!) имеет ряд аналогий. Но поскольку это вопрос уже фонетической палеонтологии, мы не останавливаемся в данной работе на его дальнейшей разработке.

В связи с вопросом о *k* и *q* или *g* и *q* стоят и весьма важные выводы для орфографии как киргизского, так и ряда других тюркских языков.

В самом деле, поскольку фонемы *q* и *q* могут входить в состав лишь „задних“ слогов, а фонемы *k* и *g* в состав лишь „передних“ слогов, то, естественно, для передачи этих четырех фонем может быть и использовано не четыре буквы, а две, но в определенных сочетаниях:

а) *k*, *g* в сочетании с передними гласными соответствует *k*, *g* латинизированного алфавита;

б) *k*, *g* в сочетании с задними гласными соответствует *q* и *q*.

Этот орфографический прием плодотворно использован в туркменской орфографии с 1934 г., а несколько позже, в связи с переходом на новый алфавит, построенный на основе русской графики, в ойротской, татарской и киргизской орфографиях. Этот прием, безусловно, может быть использован с большой пользой и для всех тех тюркских языков, в которых имеется парное различие (передних и задних) гласных, например, и для казахского языка.

Наоборот, для узбекского литературного языка этот прием использован быть не может, т. к. там нет парного различия гласных. В этом отношении еще В. Радлов в своей „Фонетике“, II, на стр. 289—290, говоря о явлениях сингармонизма в „среднеазиатских“ диалектах (т. е. в узбекском и уйгурском языках), отмечал, что *q* и *q* могут сочетаться с передними гласными. В действительности *q* и *q* сочетаются в них не с передними гласными, противопоставляемыми задним, а с непарными, которые относительно сингармонистических языков Ср. Азии являются более задними, т. е. узбекск. *i* (при отсутствии различия *ы* и *и*) по месту образования, конечно, стоит ближе к *ы*, чем к *и*; поэтому В. Радлов несколько неточно расценил это явление для узбекского языка.

Остановимся на анализе тех возражений, которые приводились отдельными лицами против изъятия особых обозначений для фонем *q* и *q* в киргизском алфавите и орфографии.

1. Первое возражение строилось на неправильном представлении о том, что изъятие букв *q* и *q* лишает киргизский язык его специфических особенностей.

Это возражение построено на полном непонимании разницы между звуком и буквой¹⁾. Изъятие, например, буквы *q* совершенно не исключает из киргизского языка соответствующего ей звука:

¹⁾ Такое нелепое возражение равносильно утверждению, что значение аффикса меняется от цвета чернил, которыми написан весь текст.

киргизское слово „кол“, как бы не выдумывали этого противники реформы киргизской орфографии, в силу действующих принципов слогового сингармонизма будет прочитано только в виде *qol*, совершенно независимо от того, какая из двух (*q* или *k*) букв будет написана в начале этого слова.

Изымаются лишь буквы *q* и *qj*, а звуки *q* и *qj* остаются; передаются же они не особыми буквами, а орфографическими приемами (сочетания букв *k* или *g* с гласными различных рядов).

2. Второе возражение строилось на неточном представлении об отличии *k* и *q* в татарском языке и, в частности, в мишарском диалекте: считают, что для татарского языка можно обойтись одной буквой для *k* и *q* на том основании, что в нем фонемы *k* и *q* совпали.

В действительности, в мишарском диалекте различается две фонемы *k* и *q*, но разница относительно других тюркских языков заключается в том, что в мишарском *k* является более задним, а *q* более передним, нежели в ряде других диалектов.

В русском языке также различаются два звука *k*, обозначаемые не особыми буквами, а орфографическими приемами; так сочетания *ка*, *ко*, *ку* передают задний *k* (*кь*), а сочетания *кя*, *ке*, *ки* передают средний *k* (*кь*). Ср. слова „казак“ и „Кяхта“.

Следовательно, опыт передачи двух разновидностей *k* имеется и в русском языке.

3. Третье возражение относилось к вопросу о чтении советских и интернациональных слов, содержащих в себе сочетания *k* или *g* с задними гласными. Прежде всего, обращает на себя внимание неточность примеров при аргументации, которую мы находим по этому поводу как в высказываниях отдельных лиц, так и в объяснительной записке тов. Аманжолова к проекту нового казахского алфавита и орфографии: там неправильно указывается, что такие слова как „агент“ могут читаться в виде *aqent* и т. п. Такое утверждение строится на непонимании как принципа орфографирования *k*, *g*, так и на незнании законов деления слова на слоги. Слово „агент“ состоит из слогов: *a—гент* (а не *аg—ент*), а потому *g* в нем будет читаться в соответствии с соседним *e*, а не *a*.

Для правильного чтения такого слова не нужно знать никаких правил: сама специфика казахского и киргизского языков заставит правильно прочесть это и подобные ему слова.

Но не будем придираться к мелочам, а посмотрим на существо вопроса.

Слова, вошедшие и входящие в киргизский язык из русского и содержащие в себе сочетание *k* или *g* с задними гласными *a*, *o*, *y*, (сочетаний *кы*, *гы* нет), например, *колхоз*, *касса*, *газета* и др., в живой речи в значительной части случаев, несмотря на их орфографию (*kolxoz*, *kassa*, *gazeta*), произносятся в

соответствии с нормами слогового сингармонизма в виде *qolxoz*, *qassa*, *qazeta* или в виде *kolxoz*, *gezit* и т. п. Здесь русский согласный *к* фактически реализуется в виде *q* или *к*.

В качестве подтверждения того, что русские *к* или *г* не находят себе эквивалентов в киргизском языке, можно привести еще такие примеры, как *бөтөлкө*—бутылка, где русск. *к* отождествляется с киргизским *к* (а не *q*).

Это явление находит себе аналогии во всех языках, где есть лингвально-сингармонистическое чередование гласных и, в том числе, в монгольском языке:

„Монголы настолько привыкли ассоциировать *к* и *г* с передним—палатальным рядом, что заимствуя иноязычное слово, производят различные изменения, переголосовки для того, чтобы слово оказалось бы принадлежащим к переднему ряду, если встречаются в заимствуемом иноязычном слове звуки, близкие к монг. *к* и *г*. Напр.:

Перс. *кунжут*—монг. письм. *кунжид*—сезам, кунжут

Перс. *гуугард*—монг. письм. *кукур*

Русск. *Куба*—монг. письм. *Куба*.

(Б. Я. Владимирцов. Ср. гр. монг. письм. яз., стр. 139—140, § 74¹⁾)

Реализация русских *к*, *г* плюс задний гласный, т. е. *кь*, *гь*, в киргизском языке происходит без изменений²⁾ в ограниченном пока еще числе случаев у лиц, освоивших русское произношение.

Таким образом, русский *к* (*кь*) или *г* (*гь*) в рассматриваемых позициях реализуются в трех видах:

а) *к*—в виде *q*, *к* (в латинизир. графике) и реже *кь* (у лиц, владеющих русским произношением).

б) *г*—в виде *q*, *г* и реже—*гь*.

Следовательно, приняв буквы *к* и *г* в латинизированной графике для обозначения *к* (*кь*) и *г* (*гь*) в киргизских словах и *к* (*кь*) и *г* (*гь*) в русских словах, ни одна из действующих систем латинизированных алфавитов тюркских языков не может точно передать звуковые особенности произношения заимствованных слов. Мало того, поскольку часть киргизского языкового субстрата часто еще такие слова как „колхоз“ читает в виде „qolxoz“, то фактически при наличии двух букв—*q* и *к* (или *q* и *г*) буква *к* (латинизир. алфавита) выполняет в ряде слов тройную функцию, обслуживая звуки *q*, *к*, *кь*, тогда как вместе с этой буквой существует еще и буква *q*, которая находит себе узкое применение в словах дооктябрьского языкового пласта.

Таким образом, звук *q* обслуживается при таком положении

¹⁾ Транскрипция заменена. И. Б.

²⁾ Т. е. „олхоз“=колхоз, а не qolxoz.

двумя буквами: *q* и *k*. Естественно, что при таких условиях одна из букв, т. е. *q*, может быть изъята.

То же самое можно сказать и относительно *qf*, *g*, когда буква *qf* передает звук *qf*, а буква *g* передает *gь*, *gъ* и *qf*.

Так в действительности обстоит дело с чтением букв *k* и *g* в советских и интернациональных словах.

И как бы их не писали, правильно они произносятся лишь при усвоении их на-слух, в процессе устного общения с русским языковым субстратом.

Однако в орфографиях киргизской, узбекской к 1934 г., а в казахской несколько позже, все же появилась тенденция ограничить диапазон вариаций произношений *k* и *g* в советских и интернациональных словах, установив правило, по которому буквы *q*, *qf* в советских и интернациональных словах не писались¹⁾. Такое мероприятие не изменило сразу массового произношения советских и интернациональных слов, но создало, во-первых, графическое единство написаний советских и интернациональных слов в ряде языков и, во-вторых, создало базу для перестройки их произношения, приближая их к русскому произношению, которое начало вырабатываться у возрастающей части представителей киргизского языка, как под влиянием живого общения с русским языком, так и под влиянием графики.

Но все же нужно отметить, что довольно значительная часть киргизского языкового субстрата сочетания *ka*, *ko*, *ku* (в латинизир. алфавите) читала чаще в виде *qa*, *qo*, *qu*.

Когда по вопросу о составе киргизского алфавита вносились предложения об изъятии букв *q* и *qf*, противники этого предложения в качестве своего довода указывали, что при этом будет искажаться произношение советских и интернациональных слов.

Но это возражение против изъятия *q* и *qf* из алфавита умалчивало содержание самого правила, по которому „в словах, вошедших в киргизский язык через посредство русского, *g* и *k* перед твердыми гласными (*a*, *o*, *u*) соответствует буквам *k* и *g* латинизированного алфавита“²⁾.

Когда же, наконец, внимание противников изъятия было обращено на указанное правило, ими принципиальные возражения были сведены уже к возражениям методического порядка: „каким образом читающий сможет решить вопрос: является ли данное слово вошедшим в киргизский язык через посредство русского или нет?“.

Ответ на этот вопрос может быть дан в такой форме:

1) Читающий решит вопрос о чтении букв *k* и *g* (в алфавите, построенном на основе русской графики) в советских и ин-

¹⁾ См. Новая орфография киргизского языка. г. Фрунзе. 1938 г., § 14.

²⁾ Новый алфавит и орфография киргизского языка, г. Фрунзе, 1940 г., § 5, пункт 5, стр. 6.

тернациональных словах на таком же основании, на каком он в этих словах не писал *q* и *q'* по правилам орфографии 1938 г.

По существу, правило чтения *к* и *г* (в правилах 1940 г.) не является новым: оно есть лишь перефразировка § 14 правил орфографии 1938 года.

Сравним содержание этих правил.

а) В своде правил орфографии 1938 года читаем: „§ 14. В новых заимствованных словах перед твердыми гласными не пишутся *q* и *q'*, а пишутся *k* и *g*: *kolxoz*, *komitet*, *komsomol* (не пишется: *qolxoz*, *qomitet*, *qomsomol* и т. п.)“.

б) В своде правил нового алфавита и орфографии 1940 года читаем:

„В словах, вошедших в киргизский язык через посредство русского, *к*, *г* перед твердыми гласными (*а*, *о*, *у*) соответствуют буквам *k*, *g* латинизированного алфавита:

колхоз—*kolxoz* (а не *qolxoz*)“ и т. п.

По существу, здесь разницы между этими правилами нет, т. к. в первом случае „*q*, *q'* не пишутся“, а во втором случае „*к*, *г* не читаются“ в виде *q*, *q'* в советских и интернациональных словах.

2. Надо не забывать, что освоение произношения советских и интернациональных слов киргизским языком идет не путем искусственного введения этих слов в язык, а в процессе живого скрещивания с русским языком, с соответствующим освоением и произношением заимствуемых слов.

Советские и интернациональные слова осваиваются, в первую очередь, в процессе живого общения и лишь закрепляются в письме. Соответственно с этим и вырабатывается их правильное произношение и потом уже правильное чтение.

Но нужно не забывать еще одно важное положение: наряду с родным, киргизским, языком, киргизские товарищи овладевают и русским языком, становясь двуязычными (в той или иной мере, в зависимости от степени знания русского языка), а это и является главным залогом того, что произношение советских и интернациональных слов будет правильным.

§ 62. Фонема *ң* реализуется в киргизском языке как заднеязычный, смычный, носовой, сонорный, употребляющийся только в середине и конце слова. Примеры:

аңдуу—изобилующий дичью,

аңгеме—беседа,

таң—заря и т. п.

Звук *ң* может выступать в качестве комбинаторного варианта фонемы *н* в позиции перед *к*, *г*.

§ 63. Фонема *х* совершенно не типична для киргизского языка и появилась лишь недавно в словах, вошедших в киргизский язык из русского. Таких пока слов очень немного, напр.:

хлор, химия, хром, хутор, хирург, хартия и некот. другие (здесь мы даем их орфографическое написание).

До последнего времени эта фонема реализовалась в киргизском языке в виде *к* (*q*):

хан=кан—хан,

узб. *яхши*=кирг. *жакшы*—хороший, хорошо,

пахта=*пакта*=*бакта*—хлопок.

Благодаря этому и до сих пор еще можно наблюдать такие дублеты как *хымыя*=*кымыя* и т. п.

В прессе, благодаря введению в 1930 году в латинизированный алфавит буквы *х*, появилось стремление восстановить написание нескольких заимствованных слов в соответствии с их написанием в других тюркских языках.

Так, наряду с „кан“, „пакта“, культивируется написание — „хан“ (в отличие от „кан—кровь“), „пахта—хлопок“, „тарих—история“ и некот. другие.

Благодаря тому, что фонема *х* идентифицировалась с фонемой *к* (*q*), она и сейчас осознается как задний согласный, в общей массе случаев произношения не имеющий переднего комбинаторного варианта *хь*. Слово „химия“ чаще произносится в виде „хымия“, сочетание „тарих“ плюс притяжательный аффикс *ы* дает „тарихы“ (а не „тарихи“).

Только у незначительного числа представителей киргизского языка, владеющих русским, возможны сочетания по типу *хирург*, *химик*, где *х* сочетается с передним гласным *и*.

В значительной части случаев, когда *х* выделяется на правах самостоятельной фонемы, она реализуется все же не в виде русского заднеязычного, щелевого, шумного, однофокусного (с плоской щелью) согласного, а в виде глубокозаднеязычной, увулярной, глухой аффрикаты „*к*+*х*“=^к*х*.

Только в одном известном нам междометии „ох“, выражающем страдание, давно бытует в киргизском языке спирант близкий *к* *х* и реализуется в качестве щелевого согласного.

Примечание 1. В латинизированном киргизском алфавите в период с 1930 по 1938 год имелась буква *h* для обозначения глухого гортанного спиранта, который ни в литературном киргизском языке, ни в подавляющей массе диалектов не встречается, за исключением двух междометий, а именно: „*төх—ах*“ (выражает сожаление) и „*өх—ох*“ (выражает утомление), — которые, по существу, являются фонологизованными вздохами, а поэтому для киргизского литературного языка *h* самостоятельной фонемой не является.

В заимствованных словах *h* реализуется следующим образом:

а) в начале слова *h* превращается в нуль:

узб. *хайда*=кирг. *айда*—гоня, погоняй (скот),

уйг. *һөл*= „ өл—влажный,

узб. *här*—кирг. *ar*—всякий, каждый;

в) в середине слова *h* утрачивается, превращаясь в нуль между гласными (узб. *shär*—кирг. *шар*—город), или возмещаясь долготой гласного перед согласным:

в узб. *жәһл*—кирг. *жаал*—злоба и т. п.

Лишь у отдельных представителей южных диалектов, подвергшихся влиянию узбекского языка, в отдельных словах возможно сохранение *h*, напр., в слове „*hökümet*—власть“ (лит.: *окумет*) и т. п.

Примечание II. Помимо рассмотренных типов согласных фонем киргизского языка, нужно выделить еще одну реликтовую, реализующуюся в виде инспираторного, взрывного, глухого, бокового *h*, и выражающую отрицание¹⁾.

Общее примечание.

В составе рассмотренных шумных согласных смычные в киргизском языке могут быть дополнительно охарактеризованы как максимально эксплозивные, сравнительно с русскими. Благодаря этому, на первых этапах освоения ряда слов из русского языка сочетания рядом стоящих согласных реализовались в киргизском языке не как отдельные согласные фонемы, а как самостоятельные слоги. Так, например, слова *трактор*, *бригада* и др. превращались в *тырактор*, *биригада*, а начальные *т* и *б* здесь осознавались как слогаобразующие (с гласным) элементы.

СООТВЕТСТВИЯ СОГЛАСНЫХ В ОБЩИХ КОРНЕСЛОВАХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ.

§ 64. Сопоставляя состав согласных киргизского языка с составом согласных в казахском, каракалпакском, ойротском и некоторых других тюркских языках, можно прийти к следующим выводам:

1. По составу дооктябрьского лексического пласта киргизский язык отличается отсутствием фонем *в*, *ф*, *х*, *ж*, *з*, тогда как фонемы *ч* и *ш* типичны для казахского и каракалпакского языков, но отсутствовали и в ойротском языке.

Фонемы *в*, *ф*, *х*, *ж* (*з*) являются для киргизского языка уже вкладом послеоктябрьского периода.

2. Киргизский консонантизм, сравнительно с общими элементами в казахском и каракалпакском языках, сохраняет признаки шипящей группы тюркских языков. Древнетюркск. *ч* в казахском и каракалпакском дал сдвиг → *ш* (*чач* → *шаш*—волосы), и т. к. в рассматриваемых языках вместе с *ч* существовала и

¹⁾ В том же значении употребляется этот звук и в туркменском языке (см. А. П. Поцелуевский. Фонетика туркменского языка, стр. 28, § 15).

самостоятельная фонема *ш* (*шаш*—торопись), то в связи с конвергенцией (*чхш*) → *ш*, произошел сдвиг *ш* → *с* (*шаш* → *сас*—торопись, *таш* → *тас*—камень и т. п.).

Следовательно, казахский язык относится к свистящей группе. Киргизский же язык в этом отношении сохраняет общетюркские *ч, ш, с*:

кирг. *чач*—казахск. *шаш*—волосы,
кирг. *шш*—казахск. *сас*—торопись,
кирг. *бас*—казахск. *бас*—тесны,
кирг. *баш*—казахск. *бас*—голова, начало.

3. Киргизский язык по начальному *й | ж* относится к джокающей разновидности тюркских языков, тогда как узбекский к *й*-окающей, казахский и каракалпакский к жокающей, а ойротский к дэкающей:

кирг. *джок*¹⁾—каз. *жок*²⁾—ойротск. *дѣк*—узб. *йок*⁵⁾—нет;
кирг. *джол*²⁾—каз. *жол*⁴⁾—ойротск. *дѣл*—узб. *йол*⁶⁾—путь
и т. п.

Однако начальный *ж* (-*дж*) в общетюркском размещении сохраняется в киргизском языке:

уйг. *жан*—кирг. *жан*—душа.

в) В отличие от особенностей каракалпакского языка, в котором обнаруживается слабое противопоставление смычных проточным (*п ∞ ф, ч ∞ ш, дж ∞ ж, к ∞ х* и т. п.), в киргизском языке обнаруживается спонтанное противопоставление фонем *ч ∞ ш, к ∞ х*. Исключение составляет в отдельных диалектах лишь *б*, который между гласными спонантизуется через ступени *б → б̄ → в*, что находит себе параллель в каракалпакском, казахском языках и кыпчакских диалектах узбекского языка.

4. Киргизскому *к, г* в ряду общих корнеслов соответствует в чувашском *х*, а киргизскому *з* соответствует в чувашском и монгольском *р*:

кирг. *тогуз*—чув. *тохар*—девять,
кирг. *өгүз*—монг. *өкүр*—вол и т. п.

5. Киргизскому *т, к* в начале слова в туркменском языке (в языках юго-западной группы) соответствуют *д, г*:

кирг., каз., узб. *төрт*—туркм. *дөрд*—четыре,
кирг., каз., узб. *күн*—турк. *гүн*—день.

В киргизском языке, однако, встречаются дублетные разновидности в начале слова: *т | д* (см. о фонемах *т* и *д*).

1) Пишется—*жок*.

2) Пишется—*жол*.

3) Читается—*zоl*.

4) Читается—*zю*.

5) Пишется—*ёк*, читается—*юк*.

6) Пишется—*ёл*.

6. В дооктябрьском лексическом пласте $x \rightarrow k$:

уйг. *яхши* = кирг. *жакшы* — хороший,

уйг. *ахир* = кирг. *акыр* — конец.

7. Сочетание широких гласных плюс g в конце слога, наличное в узбекском, уйгурском языках (как и в языках юго-западной группы), дает в казахском нисходящий дифтонг — *av*, — *ev*, а в киргизском широкий долгий лабиализованный гласный:

уйг. *таг* = каз. *тау* = кирг. *тоо* — гора,

уйг. *баг* = каз. *бау* = кирг. *боо* — сноп.

В отдельных случаях, однако, g в киргизском может давать *y*:

уйгурск. *бундаг* = киргиз. *мындай* — так, такой.

8. В сочетании узкого гласного плюс g в конце слога, характерном для узбекского и уйгурского языков, g обращается в нуль и в отдельных случаях возмещается долготой лабиализованного гласного:

уйг. *сериг* = кирг. *сары* — желтый,

узб. *эллг → *эллг* = кирг. *элүү* — пятьдесят.

9. Киргизскому *ш* в интервокальной позиции в ойротском соответствует *ж* ($ʒ$):

кирг. *киши* = ойр. *кижи* — человек,

кирг. *ташы* = ойр. *тажы* — тащи.

10. Киргизскому *с* соответствует *h* в башкирском в начале слога, а в якутском языке в интервокальной позиции:

кирг. *сиз* = башкирск. *һиз* ¹⁾ — Вы,

кирг. *суу* = башкирск. *һуу* — вода,

кирг. *атасы* = башкирск. *атаһы* — его отец,

кирг. *кыз* = якутск. *кыс*, но кирг. *кызы* =

якутск. *кыһа* — его дочь.

Однако же в более поздних напластованиях в башкирском сохраняется *с* в общетюркском размещении:

сагат — час,

совет — совет.

ГРАФИЧЕСКАЯ ПЕРЕДАЧА РУССКИХ СОГЛАСНЫХ

§ 65. 1. В латинизированном киргизском алфавите русские согласные передавались в следующем виде:

В русской графике	б	в	г	д	ж	з	й	к	л	м	п	р	с	т	ф	х	ц	ч	ш	щ
В латинизиров. кирг. алфавите	в	v	g	d	z	z	j	k	l	m	n	r	s	t	f	x	tsc	ʃ	ʃc	

¹⁾ Здесь „з“ — интердентальный.

Мягкость согласных перед гласными передавалась при помощи *j*, а в конце слов графически не отражалась:

Брянск—*Brjansk*,
Гоголь—*Gogol*.

Разделительное значение знаков *ь*, *ъ* передавалось буквой *j*:

съезд—*sjezd*,
Мольер—*Moljer*

Аффрикаты *щ*, *ц* осваивались и отражались в графике следующим образом:

а) первично *щ* в начале слова реализовался в виде *ч* (лат. *c*):

щипцы=чипчы (лат.: *сърсъ*),
щетка=чотке (*cotke*).

В середине слова в виде *ш*—*ш*:

ящик=жашык=*çatşыq*.
ящик=жашыл=*çaşыq*.

Впоследствии стали осваиваться сочетания *шч*=*шс*, а сейчас уже имеется тенденция к восприятию *щ* как фонемы в словах, вошедших через посредство русского языка.

б) фонема *ц* в отдельных случаях воспринималась как *ч* (лат.: *c*): *церковь*=*чиркөө*=*cirkөө*, а в общей массе случаев в виде *ц*=*s* или *тс*=*ts*:

цирк=*sirk* (впоследствии—*tsirk*),
акция=*aktsije* (впоследствии—*aktsija*).

В настоящее время фонема *ц* уже осваивается киргизским языком в словах, вошедших через посредство русского.

2. В современном киргизском алфавите, построенном на основе русской графики, все буквы русского алфавита используются полностью, а потому и сохраняются в графической передаче слов, заимствованных из русского языка.

Специфические для киргизского языка фонемы передаются следующим образом:

1) *с* передается буквой *ж* (*соq*=*жок*—нет, *есе*=*эже*—ст. сестра и т. п.), с оговоркой, что в отдельных иноязычных словах она может читаться и в виде *ж* (*журнал*, *жюри*, *Жан-Жак Руссо* и т. п.);

2) *ң* передается особой буквой *ң*: *таң*=*таң*—заря, *келиңиз*=*келиңиз*—приходите и т. п.;

3) *q* и *q* передаются буквами *к* и *г* в сочетании в одном слове с задними гласными:

кыз—девушка.
ак—белый,
ага—ст. брат,
карга—ворона.

Исключение. В советских и интернациональных словах *к* и *г* в сочетаниях с задними гласными соответствуют буквам *к* и *g* латинизированного алфавита:

колхоз = *kolxoz*,
гавань = *gavan*.

В сочетании в одном слоге с передними гласными буквы *к* и *г* также соответствует буквам *к* и *g* латинизированного алфавита:

кел = *kel* — приходи,
эгер = *eger* — если.

* *

ПОЗИЦИОННОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ СОГЛАСНЫХ В ОСНОВАХ.

(Вопросы слогового состава и слогосочетаний).

§ 66. По позиции согласных в слове они в киргизском лексическом пласте, возникшем в дооктябрьский период, могут быть разбиты на три группы:

1. Согласные, не имеющие позиционных ограничений, т. е. употребляющиеся в одинаковой мере как в начале, так в середине и конце слова.

К числу этих согласных относятся:

м н з с ш т к

2. Согласные, не употребляющиеся в начале слова:

л, р, й, н, г и п, н — имевшие ограниченное употребление.

3. Согласные, не употреблявшиеся в конце слова и слога; 1)

б, д, г, ж (дж).

Примечание. В расчет не принимаются согласные *ф, в, ж, х*, не имеющие позиционных ограничений и употребляющиеся в словах, возникших в киргизском языке в послеоктябрьский период.

Позиционное употребление согласных в киргизской лексике дооктябрьского периода можно представить в следующей схеме:

Позиция	Согласные			
	м,ч,з,с,ш,т,к	п,л,й,н,р,н	б,ж,д	г
В начале слова	+	—	+	—
В середине слова, в начале слога	+	+	+	+
В конце слога и слова.	+	+	—	—

1) В небольшой группе слов, однако, возможно отступление от этого правила, о чем будет указано особо.

Примечание 1. Знаком плюс (+) отмечается возможность употребления, а знаком минус (—) — невозможность употребления согласного в данной позиции.

Примечание 2. В послеоктябрьском лексическом пласте это соотношение согласных резко изменилось: отпал вопрос о „недопустимых“ сочетаниях или о позиционных ограничениях согласных, в частности отпал вопрос о т. наз. төрчүлдөр, т. е. согласных, которые не употреблялись в конце слога (и слова). Появились слова, в конце которых освоены были звонкие шумные согласные.

Примечание 3. При заимствовании из др. языков слов, начинавшихся на *г, п, л, й, н, р*, эти согласные следующим образом реализовались в киргизском языке в дооктябрьский период:

1) *г* (через посредство узбекского) в начале небольшой группы слов сохранялся:

гана — только,
гылым — наука,
гозо — хлопок.

В других случаях *г* → *к*:

газал → *казал* — лирический. стих,
гыйбат → *кайбат* — сплетни, пересуды и т. п.
узб. *гәп* → кирг. *көп* — разговор.

2) *п* превращался в *б*:

пайда → *байда* — польза.

3) *й* превращался в *ж* (дж):

уйг. *яман* → кирг. *жаман* — плохой.

4) *л, р* протезировались гласным:

рахмат → *ыракмат* — спасибо,
лазым → *ылазым* — нужно.

5) *н* в ряде диалектов обращался в нуль:

найза → *айза* — копье.

Вместо звонких *б, д* в конце слова (и слога, если не принимать в расчет несколько единичных исключений) употреблялись глухие *п* и *т*. Согласные *г* (*ɑ*, *g*) превращались в нуль, возмещаясь долготой гласного ¹⁾. Этимологический согласный *ж*

¹⁾ Графически отражаемые же *б, г, д* в конце слов, начавших бытовать в киргизском языке в послеоктябрьский период, условно рассматриваются нами как фонемы *б* и *г, д*, хотя в ряде случаев и могут произноситься в виде глухих своих разновидностей (т. е. в виде *п, к, т*).

(дж) в одних случаях сохранялся, путем присоединения к нему гласного: арабск. *таж*—кирг. *тажы*—корона; в других случаях *ж* (дж) воспринимался в конце слова в виде *ч* (*борч*—долг).

Реализация согласных в зависимости от позиции в слове может быть иначе представлена в следующем виде:

В начале слова	м	ч	з	с	ш	т	к	д	ж	б	—	—	—	—	—	—	
В середине слова, в начале слога:	м	ч	з	с	ш	т	к	д	ж	б	г	п	л	н	р	й	н
В конце слова и слога:	м	ч	з	с	ш	т	к	—	—	—	—	п	л	н	р	й	н

В связи с вопросом о позиционном размещении согласных стоит группа вопросов о слоговой структуре киргизского языка.

В этом отношении выделяется три группы вопросов:

1. Вопросы строения односложных слов.
2. Вопросы слогового состава двухсложных слов.
3. Вопросы слогового состава многосложных слов.

§ 67. Рассматривая вопрос о слоговом строении киргизского языка, следует учитывать, что слогообразующим элементом (т.е. таким, который может быть продлен без всякого ослабления или усиления) в киргизском слоге всегда является гласный.

В связи с этим, количеством гласных в слове в киргизском языке определяется и количество слогов слова. В свете работы Л. В. Щерба — «Фонетика французского языка» (стр. 74—75), согласные, входящие в состав слога, могут быть размещены между тремя категориями по распределению экспирации в процессе произношения согласного: сильноконечные, сильноначальные и двухвершинные.

Сильноконечными являются такие согласные, конец которых произносится сильнее их начала; такие сильноконечные согласные и образуют начало слога и произносятся с более усиленной экспирацией, нежели конечные согласные слога.

Сильноначальными являются такие согласные, начало которых экспирируется сильнее, нежели их конец. Сами согласные этого типа замыкают слог, и, в целом, произносятся с пониженной экспирацией, сравнительно с произношением согласных, начинающих слог.

Для уяснения разницы между сильноконечными и сильноначальными согласными достаточно прослушать произношение таких слогов, которые открываются и закрываются одинаковыми согласными, напр., в слове „нач—волосы“, где начальный и

произносится энергичнее, нежели конечный. В слове „көк—чабо, синий“ начальный *к* произносится интенсивнее конечного.

Точно также и в слове „кел—приходи“ начальный согласный *к* произносится энергичнее, нежели замыкающий *л*.

Иными словами, в закрытом типе слога согласные произносятся с различной степенью экспирации; причем, при произношении первого согласного экспирация последовательно усиливается (создается сильноконечный согласный), при произношении же конечного согласного экспирация постепенно ослабляется (создается сильноначальный, но слабokonечный звук).

По терминологии Ф. де-Соссюра, сильноконечным согласным соответствуют импловзивные, а сильноначальным экспловзивные.

В тех случаях, когда в речевом потоке встречаются сильноконечный (импловзивный) и сильноначальный (экспловзивный) согласные, образуется линия слогораздела ¹⁾; напр., в слове „аккан—текущий, проточный“.

§ 68. Двухвершинные (двойные) согласные, как правило, в киргизском языке могут встречаться в аффиксальных образованиях или в словосочетаниях при стыке на границе слогораздела одинаковых согласных, напр., в выражении „ат турат—лошадь стоит“, „кан бар (в произношении: кан пар)—есть мешок“ и т. п.

На слогоразделе в дооктябрьской лексике могли образовываться такие двухвершинные согласные (из согласных, которые употребляются как в конце, так и в начале слова, т. е. по двум сторонам слогораздела):

1) ММ: коюм маарады—мой баран блял.

2) ЗЗ (в тех диалектах, где конечный *з* сохраняется в своей звонкой разновидности, напр., в пржевальском диалекте):

кыз зарланды—девушка горько заплакала.

Из ассимилятивного сочетания *с+з*, не отражаемого в письме:

кыз сурады (произн. кыз сурады)—девушка спросила.

3) СС: Манас сыяктуу—подобный Манасу.

4) ЧЧ:

Кылыч чыкты—Кылыч вышел.

5) ШШ (из ассимилятивного сочетания *ч* и *ш*, не отражаемого в письме):

үч шарт (произн. үш шарт)—три условия.

6) ТТ:

ат турат—лошадь стоит.

7) КК:

кызык кыз—забавная девушка.

8) ПП (из ассимилятивного сочетания *п* и *б*, не отражаемого в письме):

1) Ф. де-Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 71.

кап бар (произн. *кап пар*)—есть мешок;
из *n+n*:

көп пар—много пера.

Что же касается сочетаний *л* и *л* или *р* и *р*, то такие комбинации не типичны для дооктябрьских норм киргизского языка, т. к. *л* и *р*, как и *й*, *ң* в начале слова не употреблялись.

В неразложимых основах двухвершинные согласные встречаются лишь в единичных случаях в заимствованных словах.

На пр.: *мукаббат*—любовь,
ылаббай—что прикажете.
ассалом алейким—(приветствие),
дайпар=*даяр*—готовый.

Соворные *л*, *р*, *н*, *ң* двойных согласных не образуют; так, *л.л* → *лд*: *мулла* → *молдо*—мулла, грамотей.

Двухвершинные согласные могут образовываться при сочетании одинаковых согласных основы и аффикса. Из согласных, употребляющихся как в конце слова, так и в начале аффиксов, могут образоваться такие двухвершинные согласные (в произношении):

1) *СС* из *СС*:

эс+сиз=*эссиз*—без памяти.

Из ассимилятивного сочетания *з* и *с*, не отражаемого в письме:

тузсуз (произн. *туссуз*)—без соли.

Из ассимилятивного сочетания *ш* и *с*, не отражаемого в письме:

тушсун (произн. *туссун*)—пусть он слезет.

2) *ТТ*: *атта*—на лошади, у лошади.

3) *КК*: *мыкка*—к гвоздю, на гвоздь,
эбаккы=*эбагы*—давний,

4) *ПП*: *букитеппи?*—книга ли это?

5) В единичных случаях *мм*: *менмин* (произн. *меммин*)—я есть я.

Как видно из этих примеров, двухвершинные согласные образуются здесь, как правило, из шумных глухих согласных.

Что же касается аффиксальных *л* и *н*, то они после *н* и *л* переходят в *д* и потому двухвершинных согласных не образуют:

айыл+лар=*айылдар*—аулы,
эгин+ны=*эгинди*—посев (винит. пад).

§ 69. В дооктябрьском лексическом пласте киргизского языка вскрывается три группы типов слогов односложных слов.

I. Сочетания гласных с согласным или двумя согласными (закрытый слог типа *VC* или *Vct*).

II. Сочетания согласного с гласным и согласным или двумя согласными (закрытый слог типа *CVC* или *CVCC*).

III. Сочетание согласного с гласным (открытый слог типа CV) или один гласный (слог типа V) ¹⁾.

§ 70. В первой группе закрытых слогов типа VC размещается шесть разновидностей слогов, исходя из состава конечных согласных;

1. VC—гласный плюс согласный [т, ч, ш, с], не имеющий корреляции по степени звонкости (сюда, следовательно, относятся все глухие согласные, кроме п и к):

ат—лошадь, *эс*—память, сознание,

ич—пей, *иш*—дело.

2. Vn—гласный плюс п, к (т. е. согласный, имеющий корреляцию по признаку звонкости).

оп—дыхание,

эк—сей (от глагола сеять),

ок—стрела, пуля.

3. Vz—гласный плюс звонкий согласный з (в односложных словах дооктябрьского лексического пласта прочие шумные звонкие согласные в конце слова не употреблялись, а потому и невозможны односложные слова с конечным г, д, б, ж).

Примеры: *аз*—мало,

из—след,

өз—сам и т. п.

В отдельных диалектах киргизского языка конечный з имеет тенденцию к заглушению, а потому в них слова типа Vz → Vc: *аз* → *ас*—мало, *из* → *ис*—след,

өз → *өс*—сам

4. Vl—гласный плюс сонорный [л, р, м, н, й, ң]:

ал—бери, он,

эр—мужчина,

эң—очень,

эм—прививка,

эн—ширина,

ай—месяц и т. п.

5. VlC—гласный плюс сонорный плюс глухой смычный согласный.

В дооктябрьском лексическом пласте едва ли наберется несколько десятков корнеслов подобного типа: сочетания сонорных с шумным в конце слова очень редки для киргизского языка.

Наиболее распространено сочетание р с п, к, т, ч в словах рассматриваемого типа:

арп [арып] уруу—прилагать усилия,

урп—традиция,

¹⁾ Большая работа по выявлению слогового состава и закономерностей размещения согласных в корнесловах ногайского языка проделана Н. А. Баскаковым (см. Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. стр. 29 и стр. 42—45). Опыт этой работы учтен нами при разработке вопроса о слоговом составе односложных слов киргизского языка.

урп—осадок кумыса,
ырп—сила,
арк=*нарк*—строимость,
эрк=*эрик*—воля,
урк этүү—шарахнуться,
арт—перевал; задн. сторона,
өрт—пожар,
бурч—угол,
борч—долг.

Сочетание же *рс* возможно лишь в единичных случаях, имеющих дублетные двухсложные варианты, напр., *арс-арс этүү*—гавкать.

И, подобно этому, заимствованное *арш* (из „*марш*“).

В приведенных примерах почти половина имеет дублетные двухсложные разновидности, что, в свою очередь, говорит за ограниченность сочетаний *р* с шумными глухими согласными в рассматриваемой позиции.

В редких словах возможны также сочетания:

1) *л+n* или *к* (*алп*—богатырь, силач; *алк*—нрав. Слово это арабского происхождения);

2) *н+t*: *ант*—клятва,

3) *й+t*: *айт*—сказать; праздник;

ойт-ойт берүү—шарахнуться от испуга,

4) *м+n*: *эм+ип*=*эмип*—прививая.

Остальные сочетания сонорных с шумными в подобном типе слога-корня не типичны для киргизского языка, как и невозможны сочетания сонорных со звонким шумным согласным в конце слова.

Приводимый в практических руководствах корень „*алд*—перёд“, заключающий в себе конечный звонкий *д*, является лишь теоретизированной основой, которая без притяжательн. аффиксов (т. е. в виде *алд*) не употребляется, а потому и слово это составляет лишь теоретически восстановленное исключение из общего правила.

6. *Уст*—гласный плюс проточный шумной глухой согласный *с* плюс смычный глухой шумной согласный *т* (всего лишь в нескольких словах):

аст—низ,

уст—верх и т. п.

Сочетание же прочих шумных согласных, в частности, смычного согласного со смычным, или проточного с проточным, в конце слога для дооктябрьских фонетических норм киргизского языка не типично; так, слово *акт*, не укладывавшееся в действовавшие нормы слоговой структуры, превращалось в „*акты*“ и т. п. Эти же нормы продолжали действовать и в первые годы после Октября. В заимствуемых словах слоги с двойными однородными согласными в устном восприятии реализовались (и в

значительной части случаев продолжают еще реализоваться) с одинарным согласным. Так, *класс* воспринимается с одним конечным согласным [*клас*]. Редкие исключения из этого положения составляют в дооктябрьской лексике кирг. языка лишь подражательные слова, напр., *ушиш...* (подражание вздоху).

Слова дооктябрьского лексического пласта, в которых сочетались в конце слога два шумных согласных, составляют редкое исключение и обычно имеют дублетный двухсложный вариант, как, например, в слове „*анс=анси*—вожделение“ (слово арабского происхождения).

Не типичны для киргизского языка в конце слога в рассматриваемом типе односложных слов сочетания звонкого и глухого шумного согласного, т. к. конечный глухой согласный влияет соответственно на предшествующий ему согласный.

Предшествующий же шумной согласный в своем теоретически восстанавливаемом звонком варианте не может оказать влияния на конечный, т. к. в киргизском языке в конце слова шумные всегда выступали только в глухой разновидности.

Из всего изложенного следует, что односложные слова первой группы [*VC*] в киргизском языке по фонетическим особенностям позиционного размещения согласных могут быть сведены к 22 типам:

1) <i>Vt</i> : <i>ат</i> —лошадь,	13) <i>Vлд</i> : <i>алд</i> —перед, ¹⁾
2) <i>Vч</i> : <i>уч</i> —три,	14) <i>Vлп</i> : <i>алп</i> —силач,
3) <i>Vс</i> : <i>эс</i> —память,	15) <i>Vлк</i> : <i>алк</i> —нрав,
4) <i>Vш</i> : <i>иш</i> —дело,	16) <i>Vнт</i> : <i>ант</i> —клятва,
5) <i>Vп</i> : <i>оп</i> —дыхание,	17) <i>Vрт</i> : <i>арт</i> —навьючивай,
6) <i>Vк</i> : <i>ак</i> —белый,	18) <i>Vрк</i> : <i>эрк</i> —воля,
7) <i>Vз</i> : <i>аз</i> —мало,	<i>ырк</i> —благоденствие
8) <i>Vл</i> : <i>эл</i> —народ,	19) <i>Vрп</i> : <i>ырп</i> —сила,
9) <i>Vн</i> : <i>он</i> —десять,	20) <i>Vрс</i> : <i>арс-арс</i> —подража-
10) <i>Vм</i> : <i>эм</i> —прививка,	ние лаю,
11) <i>Vң</i> : <i>эң</i> —очень,	21) <i>Vйт</i> : <i>айт</i> —скажи,
12) <i>Vй</i> : <i>ай</i> —месяц,	22) <i>Vст</i> : <i>аст</i> —низ.

Каждый из этих типов может иметь несколько вариантов по разновидностям гласных; например, тип *Vt* может быть представлен словами:

ат—лошадь,
эт—мясо,
от—огонь, трава,
өт—желчь, проходить,
ит—собака,

1) Теоретически допускаемый случай сочетания *лд* в конце слова.

ут—выиграй,

ут—узкое отверстие и т. п., включая для ряда сочетаний и долгие гласные (напр., для типа *Vp: ээр*—седло), хотя генетически она восходит уже к другому типу звуко-сочетаний.

Вместе с этим невозможны типы: *Vg, Vб, Vжс, Vд*. ~~Аб-901~~

С точки зрения учета комбинаторных изменений согласных при наложении аффиксов шесть рассмотренных слоговых разновидностей могут быть объединены в два подкласса:

1. *VC, VлC, Vст, Vл, Vz* (согласные здесь остаются неизменными при наложении аффиксальных гласных):

ат+*ы*=*аты*—его лошадь,
алп+*ы*=*алпы*—его великан,
аст+*ы*=*асты*—его низ,
эр+*ы*=*эри*—ее муж и т. п.

II. *Vп, Vк* (согласные здесь озвончаются при наложении аффиксальных гласных): ¹⁾

ок+*ы*=*огу*—его пуля,
эк+*ын*=*егин*—посев,
оп+*ы*=*обу*—его дыхание.

Исключение составляют лишь междометия и подражательные слова: в них *п* и *к* не озвончаются.

§ 71. Во второй группе закрытых слогов (по сводной условной формуле *CVC*) также размещается шесть типов слогов, которые являются сочетанием согласных *б, м, жс, ч, д, т, з, ш, с, к* с любой из первых пяти разновидностей слогов первого типа ²⁾:

1. *CVC*—согласный плюс гласный плюс шумной глухой согласный, не имеющий корреляции по степени звонкости (т. е. в конце слога в этом типе могут быть *т, ч, с, ш*):

бат—быстрый,
чач—волосы,
кыс—дави,
таш—камень.

¹⁾ Надо заметить, что состав этого типа в ряде других тюркских языков охватывает гораздо больший круг звуковых комбинаций, включая в себя и разновидности *т, с, ш*.²⁾ т. к. в некоторых тюркских языках и согласные *т, с, ш* могут иметь две корреляции по степени звонкости; например, в ойротском языке возможно т—д, с—з, ш—ж:

тиш—зуб, *тижи*—его зуб;
сөс—слово, *сөзим*—мое слово и т. п.

(Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротско-о языка, стр. 34, § 19).

²⁾ Согласные же *г, л, р, й, џ* в начале слова в дооктябрьской лексике не употреблялись, а *п* и *н* имели ограниченное употребление.

II. *CVn*—согласный плюс гласный плюс *n* или *к* (т. е. согласные, имеющие корреляцию по степени звонкости):

жип—шнур,
көк—небо,
бак—смотри.

III. *CVз*—согласный плюс гласный плюс звонкий согласный, т. е. з:

биз—мы,
сиз—Вы.

IV. *CVл*—согласный плюс гласный плюс сонорный *л, м, н, ң, р, й*:

кел—приходи,
бер—дай,
таң—заря,
сай—ручей,
там—крыша, кровля, дом.

V. *CVлС*—согласный плюс гласный плюс сонорный плюс глухой смычный шумной согласный:

калп—ложь,
март—смельчак, молодец.

VI. *CVст* или *CVшт*, напр.:

мушт=*муш*—кулак.

Таковы основные типы закрытых слогов.

Остановимся теперь на характеристике их звукового состава, исходя из начальных согласных для слогов-слов I—IV типов.

В этой части выделяются, по возможным согласным в начале слова, десять разновидностей односложных слов:

1. Слова типа *bVC*.

Корнеслова типа *bVn* очень редки в киргизском языке.

В соответствии с подавляющим числом признаков принято считать, что в нем (как и в ойротском, кумыкском, некоторых диалектах ногайского языка, а также в некоторых др. тюркских языках) действует закон назализации *b[n]* перед последующими носовыми согласными.

Примеры:

1. Склонение указательного местоимения „бу—этот, эта, это“ в киргизском языке: *бу+нын*=*мунун*—этого; *муну*—это; *бу+н+да*=*мында*—у этого, здесь; *бу+н+дан*=*мындан*—от этого, отсюда (но *бу+га*=*буга*—этому).

2. Образование возвратного залога от корней, оканчивающихся на *n* [*b*]: *теп*—лягать, толкать, бить, отталкивать ногой;

~~төн-ин=темин~~—ударять ногами о бока лошади, понукать ее (о всаднике).

3. Закономерные соответствия в различных тюркских языках. Ср.: казахск. *төбен*—киргизск. *төмөн*—низ.

Вйс.-орхонск. *биң*—киргизск. *миң*—тысяча и др.

Однако в киргизском языке выявляются исключения из этого правила. В их числе обнаруживается четыре типа:

1. Ономатопоэтические слова. Напр.:

кыбыңда—суетливо двигаться,
кыпыңда—испытывать сладостный трепет,
кибиңдет—часто мигать глазами,
эпеңде—делать проворные движения,
күбүң-шылың—шушуканье,
жыбың—подмигивание,
апан-тапан—неуклюжий,
шибеңде—быть ловким, проворным (о животном).

Здесь *ң* с предшествующим гласным выступает в качестве окостеневшего аффикса, а потому приведенные примеры генетически могут быть сведены не к корнесловам, а к производным образованиям.

II. Подобно этому, часть аффиксальных образований на—*ынды*, *ынча*, *андык*. Например: *тебинди*—(место, где трава вытоптана скотом), *көбүнчө* (большую частью. Корень—*көл*—много), *тапандык* (находчивость. Корень „*тап*—находить“) и др.

III. Небольшая группа корнеслов, состоящих из сочетания начального *б* с последующим гласным и носовым согласным, судя по материалам „Киргизско-русского словаря“ проф. К. К. Юдахина, охватывает лишь десяток слов. Из них пока не удалось установить происхождение лишь одного: *Баңкыл*—кличка коня (отмечено В. В. Радловым в т. V Образцов нар. литературы сев. тюркских племен). Остальные же—либо иранского происхождения (как *бенде*—*менде*—раб, *баңги*—*маңги*—наркоман, *баам*—понимание, *паана*—*маана*—защита и др.), либо вошли в киргизский язык из русского (напр., *бомбо*—*бомба*, *баңке*—*маңке*—банк, *бөмөштүк*—*момөштүк*—помощник и др.), часто имея два варианта: 1) с *б* → *м* или 2) с осваиваемым под влиянием орфографии начальным *б*.

IV. Значительно большая по составу группа с сочетанием *б* с последующим носовыми согласными во вторых слогах корнеслов. Они также заимствованного происхождения: *тапанча*—пистолет; *дубан*—округ, район; *обон*—мелодия; *кыпын*—*кымын*—пылинка, частица; *тапан*—*таман*—подошва; *бабаңке*—распутный; *забын*—унижение; *жубан*—молодая женщина; *абансы*—*аванс* и др.

С точки зрения периодизации указанных норм сочетаний *б* с последующими носовыми согласными они относятся к трем различным эпохам в истории развития киргизского языка.

Для языка енисейских надписей (VII—VIII в.) не были типичны случаи назализации *б*, что видно из таких примеров звуко-сочетаний в енисейских надписях, как *бинип*¹⁾—садясь на лошадь (в совр. киргизском *минип*), *беңу*²⁾—вечный (в совр. киргизском *маңги*), *буң*³⁾—горесть, тоска (совр. *муң*) и даже *бен*⁴⁾—я (в орхонском *мен* и в совр. киргизском *мен*) и т. п.

К одному из древних периодов в развитии киргизского языка, который характеризуется в части размещения *б* и *н* такими же нормами, как и енисейские надписи, относятся, очевидно, случаи сохранения *б* перед носовыми согласными в онотопонимических и аффиксальных образованиях на-*анды*, *ынча* и т. п., как наиболее архаичных элементов киргизской лексики. Этот период условно назовем енисейским периодом развития киргизского языка, т. е. периодом пребывания киргизов на Енисее, обнаруживающим отдельные языковые черты, повторяющиеся как в енисейских надписях, так и в некоторых словах киргизского языка (это, однако, не решает еще вопроса о тождестве древнекиргизского разговорного языка и языка енисейских надписей).

Как указывал П. М. Мелиоранский на стр. 31 во Введении к „Памятнику в честь Кюль-Тегина“, сохранение *б* перед носовыми согласными в коренных слогах текстов енисейско-орхонских надписей служит свидетельством в пользу древности этого языка, тогда как остальные тюркские языки (даже уйгурский), за исключением языков южной группы (напр., турецкого), переменили „*б*“ на „*м*“ в рассматриваемой позиции.

Подобно этому, и наличные в киргизском языке так называемые общие нормы назализации *б*: $\bar{b} + V + n \rightarrow mVn$ относятся уже к более позднему периоду, который мы пока условно назовем енисейско-тянь-шаньским, охватывающим несколько потоков переселения киргизов на Тянь-Шань в IX—XII вв. и стыки их с уйгурами и карлуками в этот период.

Наконец, III—IV типы исключений, как это явствует из содержания самих примеров, относятся уже к позднешему (Тянь-Шаньскому, XIII—XX в.) периоду интенсивных взаимоотношений киргизского языка с узбекским (через посредство которого заимствованы многие арабо-иранские элементы) и русским языками.

2. За исключением единичных лишь слов, также не типичны для киргизского языка в односложных корнесловах сочетания по типу *бVч*, *бVс*. Слова „*бас*—дави, тесни, печатай; низкий

1) Из надписи III, 187 и XIX, 10 в атласе „Inscriptions de l'Eniseï...“

2) То же—XXI, 166; XXIX, 29.

3) То же XIX, 213.

4) По материалам О. Доннера (в Wörterverzeichnis zu den „Inscriptions de l'Eniseï“).

(последнее из персидского)⁴, или „быч—крои, режь“—составляют единичные исключения из этого положения.

Остальные сочетания в односложных корнесловах по начальному *б* укладываются в следующую формулу:

- 1) *бVт*: *бат*—1) быстрый 2) погружайся,
бут—ноги,
- 2) *бVш*: *баш*—голова, *бош*—пустой,
- 3) *бVп*: несколько лишь заимств. слов, напр.:
боп—поп, *бап*—подготовленность,
- 4) *бVк*: *бак*—смотри, *бок*—холм,
- 5) *бVз*: *биз*—мы, *боз*—сивый,
- 6) *бVл*: *бал*—мёд, *бил*—знай,
- 7) *бVр*: *бар*—иди, *бир*—один,
- 8) *бVй*: *бой*—рост, *буй*—забота, дела.

II. Слова типа *мVС*.

1. Односложные корнеслова типа *мVп*, *мVM* не типичны для киргизского языка.

2. Редки слова типа *мVс* (*мас*—пьяный), *мVк* (*мык*—гвоздь¹⁾), *мVй* (*май*—жир; *чый-мый*—истощный, очень).

3. Сочетания по типу *мVт* или *мVч* встречаются лишь в парных словах:

коч-моч—кочевка,
ит-мит—собаки,
эт-мет—мясо,
ат-мат—лошаденки.

4. Для рассматриваемого типа слога обычны такие разновидности:

- 1) *мVш*: *муш*—кулак, *мыш!*—брысь!,
- 2) *мVз*: *муз*—лед, *миз*—острие,
- 3) *мVл*: *мал*—скот, *мөл*—очень влажный,
- 4) *мVр*: *мор*—глинян. труба,
- 5) *мVн*: *мен*—я, *мин*—садись на лошадь,
- 6) *мVң*: *миң*—тысяча.

III. Слова типа *чVС*.

1. Не типичны для киргизского языка корнеслова типа *чVс*²⁾, *чVш*³⁾, *чVз*.

¹⁾ Кроме того, корень *мык* встречается и в окостеневшем образовании *мыкты*—крепкий.

²⁾ Зафиксированное в „Словаре“ Юдахина слово „*чев*—честь“ заимствовано из русского языка.

³⁾ В отдельных случаях возможны комбинаторные изменения *чVч*—*чүч*: *чүч*—*чүш*—чихай, как и *качты* произносят иногда *кашты*—он убежал.

2. Сравнительно ограничены типы *чVm* или *чVн*, исчерпывающиеся несколькими словами, напр.:

чам—шаг, *чен*—1) место, 2) бок,
чым—дерн, *чын*—истина.

3. Распространенными являются слова по формулам:

- 1) *чVт*: *чет*—край, граница,
- 2) *чVч*: *чач*—волосы,
- 3) *чVп*: *чөп*—травы, сено,
- 4) *чVk*: *чык*—выходи,
- 5) *чVл*: *чал*—старик,
- 6) *чVр*: *чыр*—1 спорщик; 2) звукоподражание шипению воды, когда она попадает на раскаленную массу,
- 7) *чVй*: *чой*—твердый, окрепший.

IV. Слова типа *дVC* или *тVC*.

1. Из 2—3 десятков односложных слов, начинающихся на *д*, т. е. слов типа *дVC*, в киргизском языке почти половина заимствованного происхождения; напр.:

дап—бубен (из персидск.)
дес—сила, мощь (из персидск.),
до—хула, упрек (из персидск.),
дар—виселица (из персидск.),
дит—помыслы (из персидск.).

Часть из слов типа *дVC* относится к числу подражательных слов, напр.:

дүп-дүп—подражание удару или выстрелу,
дүр-этуү—ринуться массой,
дир-дир кагуу—дрожать,
дик-дик—тук-тук.

Комбинации *д* с последующими согласными в рассматриваемом типе односложных слов представлены ограниченно: имеется по несколько корней типа *дVн*, *дVm*, *дVң*, *дVс*, *дVш*, *дVт*, *дVk*, *дVр*.

2. Отсутствуют типа *дVч* и *дVй*.

3. При сравнительно полном сочетании начального *т* по формуле „*т*+гласный+согласный“, совершенно отсутствует тип *тVч*.

V. Слова типа *жVC* [*-джVC*]

В числе корнеслов типа *жVC* отсутствуют типы *жVч*, *жVс*.

Тип *жVз* представлен небольшим количеством слов: *жүз*—1) сто; 2) лицо; *жез*—жест, медь (из русского). Остальные ти-

пы, т. е. жVт, жVш, жVп, жVk, жVл, жVн, жVң, жVр, жVй, жVm представлены на общих основаниях.

VI. Слова типа сVC и шVC.

1. В этой группе не имеются сочетания сVч, сVш; редки — сVң.

2. Отсутствуют также слова по формулам шVч, шVс, шVз; в единичных случаях возможно шVт (*шат*—радостный; из персидск.). Этот же тип слогов не встречается и в двухсложных корнесловах.

VII. Слова типа кVC.

Слова типа кVC наиболее полно представлены, сравнительно со всеми предыдущими типами.

В данном типе, по существу, нет ограничений для сочетаний с согласным, замыкающим слог, а потому мы и имеем все возможные сочетания к со всеми согласными, возможными в конце слова (т. е. с ч, с, ш, т, п, к, з, л, н, ң, р, й, м):

1) кVч: кач—беги,	8) кVл: кол—руки
2) кVс: кыс—тесни,	9) кVн: күн—день,
3) кVш: куш—птица,	10) кVң: кең—широкий,
4) кVт: кет—уходи,	11) кVр: кыр—возвышенность,
5) кVп: көп—много,	12) кVй: кой—клади,
6) кVk: көк—небо,	13) кVm: кум—песок и т. п.
7) кVз: кыз—девушка,	

VIII. Слова типа зVC.

1. Корнеслова, начинающиеся на з, как правило, заимствованного происхождения или оноματοпоэтические.

2. Отсутствуют, как правило, слова по формуле зVч, зVс, зVш, зVз, зVй, зVң¹⁾.

3. Встречаются единичные слова, преимущественно по формулам:

- 1) зVт: зат—вещество,
- 2) зVп: зып-зып—звукоподражание взмаху крыльев.
- 3) зVk: зык—растерянность; зөк—назв. мифического животного.
- 4) зVр: зар—рыдание.
- 5) зVл: зал—камен. соль, зил—нечистоты.
- 6) зVm: зым=сым—проволка,
- 7) зVң: заң—обычай.

¹⁾ Исключение: по формуле зVн есть слово *зен*, которое имеет и вариант *зээн*—способность, понятливость.

Таким образом, в рассматриваемом общем типе корнеслов [CVC] отсутствуют в дооктябрьской лексике, в основном, следующие комбинации согласных.

- I тип: бVн, бVң, бVM, мVM, мVп.
- II тип: дVч, тVч, сVч, жVч, зVч, шVч;
- III тип: иVс, чVс, жVс, зVс; редки: бVс, мVс.
- IV тип: чVш, зVш, сVш.
- V тип: зVз, чVз, шVз.
- VI тип: дVй, зVй; редко: мVй.

Обязательным, однако, условием является наличие в подобных 'силлабемах лишь кратких гласных; наоборот, при наличии долгих гласных рассматриваемые типы сочетаний согласных допустимы:

баам—понимание (из арабск.),
буум—связка.

Часть из таких слов, между прочим, говорит о том, что исторически долгий гласный восходил к сочетанию гласного и согласного, а потому, следовательно, слова эти имели иной слоговой состав (содержали не один, а два слога, благодаря чему и допускалось иное, присущее двухсложным корням, сочетание согласных). В таких же словах как „бээмчек“ (назв. растения) или „буум—связка“, по существу, имеется два самостоятельных корня (*бээ* и *эмчек*) или корень и аффикс (*буу+м*). Отсутствие рассматриваемых типов сочетаний согласных имеет свой причины, объяснимые явлением взаимодействия звуков.

Так, тип первый, в разновидностях бVн, бVң, бVM невозможен благодаря явлению назализации „б“ по закону регрессивной ассимиляции.

Сочетания мVп, мVM не сохранились в киргизском языке благодаря диссимилятивным процессам, происходящим в области консонантизма.

Невозможность сочетаний второго, четвертого, шестого типов обусловлена явлениями регрессивной ассимиляции¹⁾, а сочетания третьего и пятого типов не могли укорениться, благодаря наличию диссимилятивных процессов под влиянием конечного согласного.

Примечание: Третий тип сочетаний невозможен в литературном киргизском языке, но в ряде Чуйских диалектов, возможен, где конечный *с* соответствует литературному *з*.

IX. Слова типа CVлC.

Допускаются обычно такие сочетания в конце слова:

1) *лп, лч, лк, лт*:

жалп—вдруг,

¹⁾ Ср. узб. „сач, соч, чоч“=кирг. „ча“—волосы“.

былч-былч—хлюп-хлюп(подражательное слово),
жулк—рвануть,
жалт берүү—дрогнуть;

2) *нч, нт*:

тынч—спокойный,
кант—сахар.

3) Сочетание *нк* превращается в *ңк*, а потому возможно и спонтанно *ңк*:

даңк—слава,
чаңк-чаңк—верещание (подражат. слово).

4) *мл*: *томл этуу*—грохнутья,

5) *рс, ри, рк, рт*:

тарс—стук, бряк,
тырп—ничего,
тарк—треск,
тарт—тянуть.

6) Довольно редки сочетания *йм, йт* (в корнесловах), как напр.: „*айт*—говори, скажи“. Такие сочетания чаще возмещаются *йим, йит*:

бейт=*бейит*—надгробие,
бейм=*бейим*=*бы+эле+м*.

В рассматриваемом типе слов [CVлC], как и в типе VлC, не типичны для кыргызского языка сочетания сонорных со звонкими шумными, поскольку они в конце слова не употребляются.

Из сочетаний с глухими согласными не типичны для кыргызского языка *лт, лш, нш, рш* и ряд других, отмеченных выше.

Сочетание *рч* встречается лишь в отдельных словах (напр., *бурч*—угол), но чаще охотнее разлагается между двумя слогами: *борч*=*боруч*—долг, обязанность.

Это же явление в отдельных словах относится и к *рк*: *торг* → *тдорук* (в дооктябрьском произношении).

Шестая разновидность закрытого слога по формуле CVст или CVст не типична для кыргызского языка и возникла очень недавно лишь в процессе скрещивания кыргызского языка с русским и другими языками. Слова подобного типа, заимствуемые кыргызским, охотно деформировались и приводились либо к типу CVС:, либо переразлагались на два слога:

* *дөст* → *дос*—друг,
жес-пъ → *жес*=*жес*,
нефть → *нефти*.

И подобно этому, в словах типа VCC или CVCC не допускались сочетания двух смьчных согласных:

акт → *акты* и т. п.

Точно также и VCCC, т. е. встреча трех согласных, расчленилась между слогами: *Омск*=*Омски* и т. п.

Только лишь в последние годы начал внедряться сначала в язык прессы, а потом и в живую речь рассматриваемый шестой тип закрытого слога.

§ 72. Как уже указывалось выше, в конце слова в дооктябрьском лексическом пласте, как и в первые годы после Октябрьской революции, не употреблялись согласные *б, д, ж, з*, как и отсутствовала фонема *ж [z]*.

Заемствуемые слова с конечными звонкими шумными согласными либо деформировались путем добавления гласного, благодаря тому, что данный звонкий согласный в конце слова ассоциировался с сочетанием его с последующим гласным; благодаря этому, например, „*таж*—→*тажы*—корона“; наоборот, в других случаях, исходя из норм русского произношения, в русских словах *б, д, ж* воспринимались в первые годы после Октября в их глухих вариантах:

клуб—→*кулуп* (теперь: клуб),
Ленинград—→*Ленинград* (теперь: Ленинград),
Воронеж—→*Боронеч* (теперь: Воронеж).

Уже под влиянием графики начинается освоение и в живой речи звонких шумных согласных в конце слова.

В этой (второй) группе слогов отсутствовали сочетания двух согласных в начале слова, а потому и заимствуемые слова, начинавшиеся на слог типа *CCVC*, обычно деформировались:

1. Если в начале слова встречались проточный и смычный, то они предварялись узким гласным:

стол—→*устол*,
станция←—*ыстанса* (теперь: станция).

2. Если в начале слова встречались смычный с проточным, то между ними вводился узкий гласный:

трактор—→*тырактор* (теперь: трактор),
Фрунзе—→*Пурунза* (теперь: Фрунзе) ¹⁾ и т. п.

Подобно этому, отсутствовали в дооктябрьской киргизской лексике двойные согласные в одном слоге или в морфологически неразложимых сочетаниях.

Однако в послеоктябрьский период развития киргизского языка освоены с двойными согласными такие слова как *коммунист, класс* и т. п.

* * *

§ 73. Третья группа слогов в дооктябрьской лексике киргизского языка исчерпывается двумя разновидностями открытых слогов:

1) Т. к. фонема *ф* отсутствовала в киргизском языке в первые годы после Октября, то она возмещалась фонемой *п* (смычный согласный).

1. V—гласный (краткий или долгий).

2. CV—согласный плюс гласный.

Односложных слов по формуле V очень немного.

В числе их выделяются, во-первых, междометия:

a!—возглас удивления,

э!—1) эй, ой! 2) ну!

ээ...—возглас недовольствия,

и?—ну? что?

Во-вторых, союз *a* который, очевидно, также восходит к междометию.

В-третьих, из знаменательных слогов известны пока следующие:

a=ал—он,

э—недостаточный глагол „быть“,

ээ—хозяин,

оо—свешиваться,

уу—1) яд, 2) охота,

уу-чуу—гомон, шум.

Последний из этих примеров, повидимому, представляет из себя парное сочетание (вроде *чай-пай* и т. п.) из подражательного *уу*.

Остальные же слова генетически восходят к корням, содержащим согласный и, следовательно, к другим (I или II) типам слогов.

Так *a* (*ал*) восходит к типу VC;

э происходит из „*эр*—быть“;

ээ происходит из *эге*, *эе* и т. п., как и все долгие гласные, восходящие к сочетанию гласного с согласным.

Таким образом, если исключить междометия, то слова типа V можно считать нетипичными для древнего пласта киргизской лексики¹⁾.

Слова по формуле CV также складываются из трех типов:

1) Междометия, напр., *чу-чу*—ну (для понукания лошади);

2) Сочетание согласного с кратким гласным:

бу—это,

же—кушай,

де—гово и,

ме—возьми,

не?—что?

да—также.

Генетически этот тип восходит к слову типа CVC или др.:

¹⁾ Следовательно, выводы сделанные Н. А. Баскаковым об отсутствии первичных корней типа V или CV в ногайском языке, находят себе подтверждение и на киргизском материале. См. „Ногайский язык и его диалекты“, стр. 43.

бу=бул—это,
да=даа=дагы—также,
ме=мына—вот.

Что касается *же* и *де* то и они, вероятно, восходят к типу *CVC*, т. к. в других тюркских языках возможны такие выражения:

жейиш—кушать,
дийиш—говорить, ¹⁾

в которых восстанавливается конечный согласный *й*. Наконец, *не?*—вошло уже в отработанном виде в киргизский язык.

3) Сочетания согласного с долгим гласным, напр.,

бээ—кобылица,

боо—связка, сноп.

буу—пар,

даа—также. Несколько других подобных слов генетически восходят либо к двухсложным корнесловам (*даа*←*дагы*—еще), либо к словам по формуле *CVC* (*боо*←*баг*—сноп).

Таким образом, в общей сложности, корнеслова типа *CV* также не типичны для древнекиргизского языка.

Очевидно, основным по своему удельному весу типом односложных корнеслов в древнекиргизском языке был тип *CVC*, так как и слова по типу *VC* в киргизской лексике занимают, во-первых, меньший удельный вес, нежели тип *CVC*; во-вторых, все сочетания („долгий гласный плюс согласный“) генетически восходят к другому типу слога. Так, например, *уул—сын“ восходит к „*огул*“ и т. п. (см. о происхождении долгих гласных).

Другие слова типа *VC* вошли в киргизский язык отработанными уже в других языках (напр., „*эл*—народ“ из монгольского).

Иные слова, при заимствовании из других языков, содержа отсутствующие в киргизском языке согласные, утрачивали их, как это и имеет место в „*ар*—каждый“, где корень иноязычного происхождения восходит к типу *har*.

Наконец, только незначительная часть односложных слов по формуле *VC* нуждается в объяснении.

Весьма вероятно (это нужно еще доказать), что и эта группа слов восходит к типу *CVC*.

В этой части можно построить пока два совершенно бездоказательных предположения:

1) Известно, что *л*, *р*, *н*, *ң* в предоктябрьском, а *з* в древнейшем киргизском лексическом пласте в начале слова не употреблялись, но не могло ли случиться так, что эти сонорные и *з* настолько отработались в ходе развития тюркских языков, что превратились в нуль?!

¹⁾ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты, стр. 43.

2) Точно так же, не случилось ли, что так называемые „нетипичные“ для киргизского языка сочетания согласных, например, по типу *бVн, мVм* и др., наоборот, были типичными для древнекиргизского языка, но с течением времени так отработались, что стали уже совершенно необычными для современного языка?

Слог типа *V* или *CV* в большей степени представлен аффиксами, которые являются отработавшимися корневыми элементами.

Корневые слоги типа *CV* не допускают *г, н, л, й, к, ц, р, з* в начале, но в 4 аффиксальных слогах этого типа встречаются *г, н, к*:

бала+га—ребенку,
ат+па—не стреляй,
тоо+лор—горы,
тоо+ну—гору и т. п.

О двухсложных и многосложных словах.

§ 74. Двухсложные и многосложные слова киргизского языка могут быть сведены к следующим типам:

1. Корнеслова, создавшиеся в процессе универбации двух или нескольких корней. Например:

алын бар=*апар*—принеси,
каны этип=*кантип*—как,
кара кара=*капкара*—пречёрный,
арс-арс эт—гавкать.

Сюда же относятся и редупликации:

а) по начальному гласному и наслаиваемому *м* во втором элементе:

ит-мит—собачня,
ат-мат—лошади там всякие,
эт-мет—всякое там мясо;

в) по начальному гласному двухсложных слов с начальным *т* второго элемента:

апан-тапан—неуклюжий;

с) с заменой начального согласного на *м* или *п*:

китеп-митеп—книги и всё прочее,
чай-пай—чай с др.

2. Аффиксальные образования.

3. Двухсложные и многосложные слова, заимствованные из других языков, напр., *китеп*—книга.

4. Двухсложные слова, создававшиеся уже после того, как языком были освоены двухсложные основы редупликационного и

аффиксального типов. Таким образом, такие слова как „бала—дита“ и т. п. можно (если не установлена их этимология) считать неразложимыми основами, изначально двухсложными.

Процесс модификации слоговых элементов универбационных сочетаний в каждом отдельном случае имеет свое особое объяснение; фонетическое же взаимодействие слоговых элементов в подобного рода словах, в общем, оказывается аналогичным фонетическому взаимодействию слоговых элементов в аффиксальных образованиях, а потому отдельно вопрос об универбациях в фонетическом аспекте в данной работе мы не рассматриваем.

Что же касается слов, заимствованных из других языков, то они, применительно к существовавшим в момент заимствования нормам слогосочетаний, соответственно перестраивались (за счет изменения количества слогов, либо за счет утраты одного из согласных и т. п.) и либо сохранялись уже в таком деформированном виде (напр., *китаб* → *китеп*—книга), либо, благодаря дальнейшему усилению скрещивания на базе живого общения с языком, послужившим источником заимствования, сами соответственно видоизменялись, приближаясь к основному варианту заимствуемого слова, как это, например, видно из освоения слова „трактор“: *тырактор* → *трактор* → *трактор*.

Типичным является процесс взаимодействия слогов в аффиксальных образованиях, по аналогии с которыми находят себе объяснение как фонетические особенности универбаций, так и фонетические изменения заимствуемых слов. Поэтому в первую очередь мы и остановимся на примерах аффиксальных образований.

§ 75. С точки зрения слоговой структуры двухсложные слова киргизского дооктябрьского лексического пласта представляют из себя комбинации части из перечисленных типов слогов, описанных выше на примерах односложных слов.

В составе этих сочетаний имеются различные группы, рассматриваемые ниже.

1. Слог первого типа *VC*, *VлC*, *Vст* плюс слог третьего типа (*V,CV*):

VC+V: *ат+ы*=*аты*—его лошадь

Vк+V: *ок+ы*=*огу*—его пуля,

Vз+V: *из+ы*=*изи*—его след,

Vл+V: *эл+ы*=*эли*—его народ,

VлC+V: *алп+ы*=*алпы*—его великан,

Vст+V: *аст+ы*=*асты*—его низ

или:

VC+CV: *ат+ка*=*атка*—к лошади,

Vк+CV: *ок+ка*=*окко*—к пуле,

Vз+CV: *из+га*=*изге*—к следу,

Vл+CV: *эл+га*=*элге*—к народу,

$VлC+CV$: $алп+ка=алпка$ —к великану,
 $Vст+CV$: $аст+кы=асткы$ —нижний.

В рассмотренных сочетаниях комбинация слогов первого типа со слогом типа V или VC приводит к изменению линии слогораздела:

$VC+V=V-CV$: $ат+ы=а-ты$ ¹⁾—его лошадь,
 $VC+VC=V-CVC$: $ат+ым=а-тым$ —моя лошадь,
 $VлC+V=VC-CV$: $алп+ы=ал-пы$ —его великан,
 $VлC+VC=VC-CVC$: $алп+ым=ал-ным$ —мой великан,
 $Vст+V=VC-CV$: $аст+ы=ас-ты$ —его низ,
 $Vст+VC=VC-CVC$: $аст+ым=ас-тым$ —мой низ.

При этом, в слогах типа Vn, в связи с изменением линии слогораздела, n, к, оказываясь между гласными, озвончаются, а потому меняется и качественный состав слога:

$Vn+V=V-бV$:
 $оп+ы=о-бу$ —его дыхание,
 $ок+ы=о-гу$ —его пуля.

или:

$Vn+VC=V-бVC$:
 $оп+ым=о-бум$ —мое дыхание
 $ок+ым=о-гум$ —моя пуля.

Таким образом и создается новый фонетический тип вторых слогов, начинающихся на б, г, тогда как в первых слогах звонкий согласный г не употребляется.

Отсюда и вытекает положение о том, что г, употребляющийся только в середине слова, возник из к, благодаря передвижению линии слогораздела (либо в процессе универбации, о чем будет указано особо).

Отсюда вытекает такой практический вывод: если данная основа не создалась в процессе универбации, то, при наличии в середине ее г, возможно искать в ней сочетание двух морфем. Например, в слове „багыт—направление, установка“ можно на основании этого предполагать два элемента „бак-ыт“, что как будто бы логически допустимо, т. к. „бак—смотреть“, и „направление, установка“ могут составить семантический пучок.

II. Взаимосочетания слогов первого типа.

При этих сочетаниях по признаку изменения линии слогораздела выделяется группа сочетаний с переходной линией слогораздела по формуле:

$VC-VC=V-CVC$.

Примеры:

$ал+ат=а-лат$ —возьмет,
 $ач+ып=а-чып$ —открывая.

¹⁾ Знаком тире во всей этой главе условно обозначается линия слогораздела, но орфографически все примеры, конечно, пишутся слитно.

Сочетания же $VлC+VлC$ или $Vст+Vст$ не типичны для структуры морфологически неразложимых слов.

III. Сочетания слогов первого и второго типа.

Примеры:

1. $VC+CVC$: $ат+тар=аттар$ —лошади,
2. $VлC+CVC$: $алп+сыз=алпсыз$ —без великана,
3. $VC+CVCC$: $ал+ба+й+т=албайт$ —не возьмет (линия слогораздела остается непрерывной).

IV. Сочетания слогов второго типа по формуле CVC со слогами первого (VC) или третьего (по формуле V).

В этом случае меняется линия слогораздела, а конечные *п, к* первого слога озвончаются, благодаря чему вновь создавшийся второй слог начинается на *б, г*:

1. $CVC+VC=CV-CVC$,
 $кап-ым=ка-б-ым$ —мой мешок,
 $чак-ым=ча-г-ым$ —мое время;
2. $CVC+V-CV-CV$,
 $кап-ы=ка-б-ы$ —его мешок,
 $чак-ы=ча-г-ы$ —его время,
 $чач-ы=ча-ч-ы$ —его волосы.

При сочетании же слогов второго типа по формуле $CVлC$ или $CVст$ со слогами, начинающимися на гласный, хотя и меняется линия слогораздела, но согласные *п, к*, переходя в состав второго слога, не озвончаются, а из них *п* (не употребляющийся в начале первого слога) может (благодаря передвижению линии слогораздела) быть в начале второго слога.

Примеры: $CVлC+V=CVC-CV$.

$калп+ы=кал-п-ы$ —его ложь,
 $даңк+ы=даң-к-ы$ —его слава и т. п.

В заимствованных же словах по формуле $[C]VCC$ или $[C]VCCC$, напр., *нефть, Омск* и т. п., при сочетании с аффиксами имеет место консервативная тенденция изменения слогового состава при сочетании их с аффиксами. Напр., *нефть+ге=нефтиге, Омск+га=Омскиге* и т. п. Это явление, однако, не имеет перспектив, т. к. создает разрыв в написании советских и международных основ в киргизском и русском языках.

V. Взаимосочетания слогов второго типа.

В этом случае линия слогораздела остается неизменной:

1. $CVC + CVC$:

чач + сыз = чач — сыз — без волос,

2. $CVлC + CVC$:

калп + чыл = калп — чыл — склонный ко лжи

VI. Сочетание слогов третьего типа со слогами первого типа.

Они необычны для киргизского языка. Сочетания слогов третьего типа со слогами второго типа вполне допустимы и, притом, не меняют линии слогораздела:

$CV + CVC$:

же + ган = же — ген — он ел,

$V + C = VC$:

ээ + сиз = ээ — сиз — без хозяина.

Точно так же возможны дублетные сочетания слогов третьего типа по формуле CV :

$CV + CV$:

де + ди = де — ди — он сказал, говорил.

Во всех этих случаях линия слогораздела не меняется.

Не следует думать, что основы, содержащие два слога по формуле $CVCVC$ и другие, создались только путем сочетания двух морфологических элементов: в этом отношении могли действовать и иные процессы, вытекающие из норм сочетаний согласных, благодаря чему односложные элементы могут переразлагаться в двухсложные. Так, например, заимствуемые слова „барк—авторитет“, бейт—надгробие“, борч—долг“, зарп—сarp—расход“ реализуются в виде:

барк и барык,

борч и боруч,

бейт и бейит,

сарп и сарып и т. п.

Точно так же может изменяться и состав односложных корней: мушт = муш — „кулак“ и т. п.

VII. Сочетания слогов III-го типа.

Что же касается сочетаний слогов третьего типа по формуле $CV + V$ или $CV + VC$, то они для киргизского языка невозможны в аффиксальных образованиях, но в основах заимствованных из других языков, где между *a* оказывался *h* или *g*, обнаруживается не долгота, а зияние и потому, следовательно, в отдельных словах, где процесс образования долгого гласного не закончился, возможно $СаhаC \rightarrow Са — аC$ или $СаgаC \rightarrow Са — аC$, как это мы имеем в словах шаар (из шаар) — „город“, саат (из сагат) — „час“ и т. п. В сочетаниях же типа $CVhV$ (бааh — баа — „цена“) процесс стяжения гласных в конце слов закончился и потому они являются односложными словами с конечным долгим гласным: CV .

§ 76. В трехсложных (и соответственно—во многосложных) словах взаимоотношения между последним и предпоследним (а во многосложных—взаимоотношения последующего слога с предыдущим) такие же, как и взаимоотношения между вторым и первым слогами в двухсложных словах.

Для примера возьмем сочетания типа VCCVC или VCV с V; VC, CV, CVC.

$$1. VCCVC = V + VC - CV - CV:$$

ачкыч + ы = ач — кы — чы — его ключ.

$$VCCVC + VC = VC - CV - CVC:$$

ачкыч + ым = ач — кы — чым — мой ключ.

Здесь граница второго слога изменяется как и в двухсложных словах.

$$2. VCCVC + CV = VC - CVC - CV:$$

ачкыч + ка = ач — кыч — ка — к ключу.

$$VCCVC + CVC = VC - CVC - CVC:$$

ачкыч + сыз = ач — кыч — сыз — без ключа.

В этих случаях линия слогораздела остается неизменной.

$$3. VCV + V \text{ или } VCV - VC - \text{невозможно.}$$

4. VCV + CV или VCV - CVC не меняют линии слогораздела:

ача + сы = а — та — сы — его отец,

ата + сыз = а — та — сыз — без отца.

Наряду с перечисленными нормами слогосочетаний, в трехсложных словах имеется тенденция, приводящая к деформации трехсложных слов по формуле:

$$(C)VC \text{ и } C = (C) VCCV.$$

Примеры: *эрин + и = эрди — его губы,*

айыл + ы = айлы, айылы — его аул,

дирижабль = дир жабль — дирижабль,

масылаат = маслет — наставление,

акырет = акрет — загробн. мир,

кы ырык = кысрык — молодая кобылица и т. п.

Рассмотренными типами слогов и слогосочетаний, в общем, исчерпываются основные особенности слоговой структуры киргизской лексики дооктябрьского периода и периода в первые годы после Октября.

§ 77. Отмеченная слоговая структура определяла собой изменения заимствуемых слов, не укладывавшихся в тогдашние стандартные нормы слогосочетаний. Поясним это конкретными примерами.

1. Слоговая структура слова „справка“ выражается в виде CCCVCCV, где первый слог CCCVC не соответствовал стандартным типам слогов киргизского языка. В рассматриваемой структуре начальные CCCVC в связи с этим переразложились

в VCCVCVC, а последующая часть, как укладываемая в нормы, осталась без изменений. Таким образом, CCCVCCV... VCCVCVCCV=VC—CV—CVC—CV, т. е. *справка* → *ыспыранке* (теперь: *справка*).

Причем, конечный *a* под влиянием *k* перешел в *e*, а *v* через замену *b*, благодаря соседству с глухим *k*, также заглушился и превратился в *n*.

2) Слоговая структура слова „подарок“ не типична была для киргизского языка.

Перестроение его шло по следующим принципам: поскольку в русском произношении ударение падало на слог—*да*, естественно, он и в киргизском оформлении должен был сохранить гласный, но, чтобы изменить слоговую структуру, был изменен конечный слог: *рок* → *p-ke*.

Под влиянием конечного *k* слово воспринималось как переднерядное, а начальный *n*, поскольку он был не употребителен в начале слов, превратился в *b*; безударный *o* прератился в *a*: *подарок* → *бадерке*¹⁾.

3) В слове „трико“ слоговая структура выражается в виде CCV—CV, и обычном для киргизского языка. Ближайший к нему возможный тип: CVCVCV, в котором гласный среднего слога имеет тенденцию к выпадению; для сохранения количества слогов слова средний слог был претворен в закрытый путем добавления *й*: *тырыйке*¹⁾.

4) Слово „взвод“, по формуле CCCVC, не типичной для киргизского языка, путем превращения в нуль начального *v* и разложения сочетания двух согласных было превращено в „*ызбот*“, где *v* → *b*, а *d* → *t* по действовавшим фонетическим нормам.

§ 78. Слоговая структура слова и вопрос о линии слогораздела органически связаны с вопросами взаимного влияния согласных и их размещения в слове.

В этой части существенное значение имеет вопрос о переходности или непереходности линии слогораздела при сочетании слогов, образующих слово.

Линия слогораздела передвигается в том случае, когда в предыдущем слоге имеется сочетание гласного и согласного, а последующий слог начинается на гласный; тогда согласный переходит в последующий слог, оказывается в интерюкальной позиции, а линия слогораздела переходит в предыдущий слог:

кун+*ым*=*кун*—*нум*—мой день,
ат+*ы*=*а*—*ты*—его лошадь и т. п.

В связи с изменением линии слогораздела (напр., при наслоении аффиксов, при универбациях и т. п.), или при сочетании слогов, в которых слогораздел приходится между согласными,

¹⁾ Устарело.

находится вопрос о возможных сочетаниях согласных и о взаимодействии фонем, находящихся по сторонам линии слогораздела.

В этом разрезе следует различать слова с постоянным и с переменным слогоразделом.

К словам с постоянным слогоразделом относятся такие, в которых при всех их морфологических изменениях линия слогораздела между определенными соседними слогами не изменяется:

a—та=отец,
a—там=мой отец,
a—тасы=его отец и т. п.

Как общее правило, это сохранение слогораздела встречается в сочетаниях открытого слога (V,CV) с последующими слогами, т. е. по формулам:

1. $V+CV=V-CV$: *a—та*—отец,
 $V+CVC=V-CVC$: *a—зыр*—сейчас, теперь,
2. $CV+CV=CV-CV$: *ки—ши*—человек,
 $CV+CVC=CV-CVC$: *ки—теп*—книга.

В сочетаниях же закрытого слога слогораздел остается неизменным лишь в комбинаций со слогом, начинающимся на согласный, по формуле $VC+CV$ или $CVC+CVC$ и т. п.:

бай—тал=кобылица,
жук—төө=нагружать, навьючивать и т. п.

При изменении этих слов граница между первым и вторым слогом остается неизменной:

байтал=*бай—тал*—кобылица,
байталы=*бай—та—лы*—его кобылица;
жуктөө=*жук—төө*—нагружать, навьючивать,
жуктөйт=*жук—төйт*—навьючивает и т. п.

К словам с переменным слогоразделом относятся такие, в которых меняется линия слогораздела при изменении слова, при наложении слогов, начинающихся на гласный:

ат+ы=*a—ты*—его лошадь,
бал+ы=*ба—лы*—его мёд и т. п.

Однако при сочетании со слогом, начинающимся на согласный, линия слогораздела не меняется:

ат+лар=*ат—тар*—лошади,
бал+га=*бал—га*—в мёд,
киши+мин=*ки—ши—мин*—я человек и т. п.

§ 79. Как уже указывалось, в связи с линией слогораздела

стоит вопрос о размещении согласных и о степени звонкости некоторых из них.

В этом отношении следует рассмотреть три группы случаев:

1. Сочетания слоговых элементов с постоянной линией слогораздела между гласным и согласным.

2. Сочетания закрытых слогов с гласным последующего слога, при происходящем перемещении линии слогораздела.

3. Сочетания слогов, когда постоянная линия слогораздела проходит между согласными.

Остановимся на рассмотрении каждого из этих случаев.

1. Сочетание слоговых элементов в словах с постоянной линией слогораздела между гласным и согласным допускает в начале слога, предшествуемого гласным, любой согласный, который может по общему правилу употребляться в середине слова; точнее: в начале второго слога могут быть *б, п, м, ч, ж, д, т, л, н, р, з, с, ш, й, к, г, н*:

*а—ба—*дядя, *ба—зар—*базар,
*а—па—*ст. сестра, мать, *ке—се—*чайн. чашка, пняла,
*а—мал—*дело, действие, *ки—ши—*человек,
*а—ча—*развалина, *а—ял—*женщина,
*а—жа—*старшой, *а—кыл—*ум,
*а—дам—*человек, *э—ки—*два,
*а—та—*отец, *да—гы—*еще,
*ба—лык—*рыба, *де—гээ—*острога,
*ча—на—*сани, *да—ңа—за—*великолепие,
*да—ра—*отдельный.

(для примеров взяты здесь ныне морфологически неразложимые основы).

2. Сочетание согласных (в комбинации $...VC$), замыкающих слог, с последующим гласным морфологического элемента приводит к перемещению линии слогораздела. В словах с переменным слогоразделом в конце закрытого слога могут употребляться, во-первых, *м, ч, т, л, н, р, з, ш, с, й, ң*, которые не изменяются при перемещении линии слогораздела:

*там+ы=та—мы—*его кровля, дом,
*чач+ы=ча—чы—*его волосы,
*ат+ы=а—ты—*его лошадь,
*бал+ы=ба—лы—*его мёд,
*та'и+ы=та—шы—*его камень,
*сай+ы=са—йы—*его русло.

Во-вторых, в конце слога могут употребляться после гласного *п, к*, которые при наложении гласного последующего слога переходят в этот последующий слог и озвончаются:

*кеп+ы=ке—би—*его разговор,
*ак+ым=а—гым—*течение,
*көк+ым=кө—гум—*моё небо.

Исключение из этого положения составляют междометия, в которых *п*, *к* не озвончаются:

дек+*ылдоо*=*декилдөө*—стучать (о сердце),
бак+*ылдоо*=*бакы доо*—кричать,
алап+*ай*=*алапай*—восклицание, выражающее

испуг.

Таким образом, *п*, *к*, оказываясь в интервокальной позиции, дают в начале второго слога *б*, *г* в словах с переходной линией слогораздела (кроме междометий).

Наоборот, с постоянной линией слогораздела в начале второго слога могут быть в одних словах *п*, *к*, а в других *б*, *г*.

Известно, что в конце слова, а следовательно и в конце слова односложных слов; не употребляются шумные звонкие согласные, за исключением *з*. В связи с этим, в двухсложных словах с переходной линией слогораздела в начале второго слога не могут быть *д* и *ж*.

Наоборот, в словах с постоянной линией слогораздела *д* и *ж* встречаются в начале второго слога:

бадал=*ба*—*дал*—заросли,
бажа=*ба*—*жа*—свояк,
ажал=*а*—*жал*—смертный час и т. п.

Из прочих же шумных звонких согласных в начале второго слога в словах с переходной линией слогораздела *б* и *г*, как уже указывалось выше, возникают из *п* и *к*, а *з* остается без изменений, и позиционных колебаний не имеет:

тап+*ы*=*та*—*бы*—его класс,
бак+*ы*=*ба*—*гы*—его сад,
сөз+*ы*=*сө*—*зү*—его слово и т. п.

Из сказанного вытекают следующие положения:

1. Поскольку *ж*, *д*, *б*, *г* не могут употребляться в конце односложных слов или, как общее правило, замыкать слог при передвижении линии слогораздела, следовательно, они и не могут переходить в начало второго слога и не могут выступать там как явление комбинаторного порядка.

2. В словах с переходным слогоразделом, следовательно, невозможны в начале второго слога *ж* и *д*.

3. Наличие же в таких словах (с переходной линией слогораздела) *б* и *г* в начале вторых слогов объясняются за счет комбинаторных изменений *п* и *к*.

Но в связи с этими выводами возникает и обратный вопрос, требующий особого объяснения: каким образом в начале вторых слогов в словах с постоянной линией слогораздела могли возникнуть такие согласные, которые не употребляются в начале слова, т. е. *г*, *п*, *л*, *н*, *р*, *й*, *ң* и для древнего пласта *з* (так

как *з* в начале слов в древнекиргизской лексике также не употреблялся).

Известно, что подавляющая масса двухсложных морфологически неразложимых на нынешней стадии слов могла сложиться путем сочетания двух корней; в начале этих вторых корней, следовательно, также не могли употребляться рассматриваемые согласные.

Возникновение же рассматриваемых согласных в начале вторых слогов в лексике, выработавшейся в процессе развития внутренних ресурсов киргизского языка (заимствования в расчет не принимаются), гипотетически может быть объяснено за счет перемещения этих согласных из первого слога во второй или (для части согласных) за счет комбинаторных изменений согласных соседних слов, впоследствии слившихся в морфологически неразложимую единицу.

В этой части особо должно быть рассмотрено возникновение в начале второго слога трех групп согласных в словах с непереходной линией слогораздела:

- 1) *г*,
- 2) *п*, *к*.
- 3) *л*, *р*, *н*, *з*, *й*, *ң*.

Согласный *г* мог возникнуть из *к* в начале вторых слогов под влиянием двух причин:

а) либо благодаря передвижению линии слогораздела, как это было показано уже на примерах сочетаний основ с аффиксами;

б) либо благодаря взаимодействию конечного и начального звуков соседних слов, как это мы можем наблюдать и на современных фактах, когда под влиянием конечного гласного или сонорного (=звонкого) конечного согласного начальный *п*, *к* последующего слова озвончается:

мага келди произн. *маа гелди*—¹⁾ он пришел ко мне,
таза кагаз произн. *таза гагаз*—чистая бумага,
Асан кетти произн. *Асаң гетти*—Асан ушел и т. п.

Вполне вероятно, что и в соседних слогах—словах на определенных этапах развития киргизского языка, когда в нем были еще сильны элементы моносиллабического строя, происходил аналогичный процесс, закрепленный впоследствии и в универбационных сочетаниях силлабем.

При чем, как процесс универбации, так и возникновение аффиксальных образований могли идти параллельно и, таким образом, появление *г* в начале вторых слогов может быть объяснено в одинаковой мере за счет двух факторов:

---

¹⁾ В этих случаях *г* отличается, однако, от обычного *г* в абсолютном начале слова.

1. За счет универбационных сочетаний, при которых и не происходили перемещения линии слогораздела, как это мы и имеем в таких универбациях: „бугун—сегодня“ (происходящ. из *бу кун*—„этот день“), „бурсугуну—послезавтра“ (из *бириси куну*), „өгунтөн (ол кун+дан)—с того дня“ и т. п.

2. За счет аффиксальных образований (с передвижением линии слогораздела), окостеневших и на современной стадии развития языка осознаваемых как морфологически неразложимые основы; например, в современном языковом мышлении „эгин—посев“, благодаря частоты употребления,—с одной стороны, и благодаря сужению функций аффикса—*ын*,—с другой стороны, переосознается как морфологически неразложимая основа, тогда как исторически она сложилась из *эк+ын*.

Таково объяснение возникновения *г* вторых слогов, если исходить для периода их возникновения из ныне действующих норм позиционного размещения согласных. На деле же могло быть несколько иное размещение: и в начале слова мог употребляться *г*, как это мы и имеем у представителей отдельных диалектов киргизского языка, допускающих в абсолютном начале озвонченные *к→г*.

При этом условии, следовательно, *г* в начале вторых слогов возник из *к* в процессе универбации или из *к* при передвижении линии слогораздела.

Но это допущение все же кажется нам менее вероятным, т. к., надо полагать, что на предыдущих этапах развития киргизского языка все же господствовали глухие варианты согласных в начале слов, что и обнаруживается в таких языках как ойротский, шорский и других близких к киргизскому по лексике и по фонетическим нормам.

Наличие *п, к* (т. е. таких согласных, которые имеют две корреляции по степени звонкости: глухую и звонкую) в начале второго слога, предшествуемого гласным и имеющего постоянную линию слогораздела, может быть объяснено двояко:

1) либо за счет универбации основ, из коих последующие начинались на *к, п*: *Кулүү кан→Кулүкан, Бүбү кан→Бүбүкан* (женское имя).

При этом, первый элемент мог деформироваться, как это мы и имеем в сочетании „*алып бар→апар—принеси*“, „*апак* (из *аппак*)—очень белый“.

2) либо за счет стяжения двухвершинных согласных, как это видно из последних примеров (*апар, апак*), или „*эбаккы=эбаккы*“—давний“, „*бузук+ку=бузуку—смутьян*“ и т. п.

Поскольку *п, к*, оказываясь в интервокальной позиции, здесь не озвончаются, процесс формирования подобных типов слогосочетаний нужно отнести к периоду, предшествовавшему появлению современных норм комбинаторных изменений рассматриваемых согласных.

Таким образом, слова типа „чакыр—зови“, „экен—было“, „опур—разворотги“ и т. п. сложились из сочетаний таких элементов (по современному их оформлению):

чакыр=ча—кыр,

экен=э--кен,

опур=о--пур.

Наличие *л, н, р, з, й, ң* в начале вторых слогов с постоянной линией слогораздела пока может быть объяснено, как общее положение, либо передвижением линии слогораздела в основах, впоследствии окостеневших и морфологически неразложимых; либо возникновением этих согласных из аффиксальных.

В отдельных случаях *й* в начале второго слога в интервокальной позиции объясним на почве *ж* (*дж*):

бу жак→быяк—эта сторона,

бу жыл→быйыл—этот год и т. п.

Рассмотренные нормы звуко сочетаний могли также сложиться в ряде слов вне киргизского языка и уже в готовом виде войти в киргизский язык.

Кроме того, междометия и подражательные слова могли складываться по иным нормам, допускающим сохранение глухих согласных в интервокальной позиции (о чем уже указывалось выше).

Из изложенного видно, что при сочетании открытых слогов с закрытыми, в начале вторых слогов согласные не имеют ограничений: может употребляться любой согласный.

В части размещения в этих случаях согласных во вторых слогах также наблюдаются меньшие ограничения, нежели в размещении согласных односложных корнеслов или в первых слогах производных или изменяемых основ.

Уже указывалось, что шесть типов звуко сочетаний не типичны для киргизского языка в односложных корнях:

I. бVн, бVң, бVm, мVm, мVп.

II. дVч, тVч, сVч, жVч, зVч, шVг.

III. шVс, чVс, жVс, зVс.

IV. чVш, зVш, сVш.

V. зVз, чVз, шVз.

VI. дVй, зVй.

В двухсложных и многосложных же основах, благодаря наличию аффиксов, начинающихся на *н, ң, м, й, ш*, вполне возможны (при передвижении линии слогораздела) во вторых слогах производные сочетания по формулам—бVн, бVң, бVm, мVm, мVп, дVй, зVй, чVш, зVш, сVш:

кабын (ка—бын) —его мешок (винит. пад.)

кабың (ка—бың) —твой мешок,

кабым (ка—бым)—мой мешок,
тамым (та—мым)—мой дом, моя кровля,
даярдай (да—яр—дай)—готова,
азай (а—зай)—уменьшайся,
ачыш (а—чыш)—открывай (взаим. залог.)
жазыш (жаз—ыш)—пиши " "
кесиш (ке—сиш)—режь " "

В глагольных основах, окончивающихся на *м*, возможно, однако, стяжение согласных в одном слоге:

эм—ип=ээмп—сося (деепричастие от „сосать“).

В неразложимых же двухсложных основах продолжают еще оставаться нетипичными для киргизского языка такие сочетания:

бVm, бVн, бVң
дVг, сVг, жVг, зVг, шVч
шVс, чVс, жVс, зVс, зVз,

встречаясь лишь в заимствованных словах, напр., в *базис*, *азис* (дорогой; слепой) и некот. других.

§ 80. Остановимся теперь на вопросе о сочетании согласных, между которыми проходит линия слогораздела (т. е. сочетания по типу... *VC—CV...*, как в неразложимых, так и в производных основах).

В этой части обнаруживается два разных, противоречивых явления, размещающихся между различными лексическими пластами.

В подавляющей массе лексики предоктябрьского периода, в основном, действовали следующие нормы, касающиеся качества согласных, между которыми проходит линия слогораздела:

1. При сочетании шумных согласных, кроме *з*, обе стороны слогораздела должны быть одинакового состава: либо глухими, либо, в редких случаях, звонкими.

Подавляющее большинство сочетаний шумных согласных относится к глухому ряду, т. к. в конце слога с устойчивой линией слогораздела звонкие шумные редки.

Типичны, поэтому, сочетания:

башка —другой (сочетаются *ш* и *к*),
өкчө —каблук (сочетаются *к* и *ч*),
тапшыруу—поручать (сочетаются *п* и *ш*),
ышкы —любовь (сочетается *ш* и *к*) и т. п.

В небольшой группе слов имеется сочетание шумных звонких согласных, в которых первый слог оканчивается на звонкий. Например: *дыгдый*—подражай виду или движениям коренного человека,

дегде —сильно желай,
багжай —будь широколицым, с окладистой бородой,
тагдыр —предопределение,

быж-быж — звукоподражание шипению, брожению и т. п.,
жагдан — чемодан,
жабдык — оружие,
жагни — иначе говоря,
жагдай — условие, положение и некот. др.

Часть из этих слов, отступающих от общих норм употребления глухих согласных в конце слога, либо иноязычного происхождения, либо суть подражательные слова, допускающие вообще любые звукосочетания, необычные для прочих категорий слов; либо, наконец, суть универбационные словособразования, генетически содержавшие сочетания глухого и звонкого согласного, благодаря ассимиляции превратившиеся в согласные одинаковой степени звонкости, как это мы имеем, например, в собственном женском имени *Багдөөлөт* (из „Манаса“), происходящем из сочетания „бак—счастье“, „дөөлөт—богатство“. Здесь, благодаря влиянию звонкого *д*, глухой *к*, озвончившись, превратился в *г*.

Другая часть из этих слов изменяет согласный под влиянием закона регрессивной ассимиляции; так, например, в сочетании „мычкуу—мять, тискать“ на слогоразделе встречаются оба глухих согласных, но при присоединении к этому слову аффикса—*гыла* (для образования многокр. вида) слово принимает вид „мыжгыла (при поглощении слога *кы*).

В противовес положению о сочетании по сторонам слогораздела шумных согласных, одинаковых по составу, в отдельных словах отмечается чаще графическое сочетание согласных различного состава, т. е. глухих и звонких.

Часть из этих слов также иноязычного происхождения, напр., иранск. „бетбак (чаще: бетпак)—негодяй“; часть же из слов суть универбационные сочетания, в которых процесс фонетического взаимодействия еще не закончился, напр., *Жакунбай* (собств. имя), *секетбай*—любимая.

2. Согласный *з* может сочетаться, во-первых, со звонкими шумными:

бузгандык—нарушение.
аздык —малочисленность,
жазгы —(но и *жазкы*)—весенний и т. п.

Во-вторых, с глухими *с* и *ч* (и в произношении заглушается в подавляющей массе диалектов):

арыз+сыз=арызсыз=арысыз—без заявления,
кыз+ча=кызча=кысча—по девичьи.

С прочими глухими согласными (*ш, т, к, п*) сочетания *з* необычны для древнекиргизской лексики.

3. Шумные глухие согласные могут сочетаться, как общее правило, с сонорным *м*:

<i>батман</i>	— мера веса 8—12 пудов,
<i>жапма</i>	— покрытый,
<i>акма</i>	— текучий,
<i>тизме</i>	— список,
<i>асма</i>	— висячий,
<i>башмак</i>	— башмак.

При этом, *n*, предшествуемый гласным, имеет тенденцию к озвончению перед *m* (как и перед гласным или звонким шумным согласным), благодаря чему возможны дублиеты вроде „*көп-мө*—*көбмө*—вздутый“.

Совершенно необычны сочетания согласных с *й* (на слогоразделе) в дооктябрьской лексике. В послеоктябрьский период, под влиянием графической передачи йотированных гласных, появились и в произношении сочетание согласного с *й*:

бюро—*vjuro*
слёт—*sljot* и т. п.

Редки сочетания на слогоразделе шумных согласных с *p*, и обнаруживаются они в отдельных словах (напр., *басра*—низкий), чаще имеют дублиетные разновидности с эпентезированным гласным: *асроо*—*асыроо*—воспитывать, *адраңдоо*—*адыраңдоо*—проявлять показную храбрость.

Необычно сочетание *шр*, *шл*, как и *рш*, *лш*.

В заимствованных лишь словах в единичных случаях возможны сочетания шумных согласных с *n*, как в словах: *батнус*—поднос (из русск.), *жагни* (арабизм)—то есть.

Не типично сочетание шумных согласных с *n* или *л*, которые превращаются в *д* (после звонких) или *т* (после глухих)¹⁾; напр. *көклэм*—*көктөм*—весна, *бөмөштүк*—помощник.

4. Сонорные согласные могут сочетаться с шумными, напр., в словах *алты*—шесть, *аңчы*—зверолов, *чыйкан*—чирей, *мал-кы*—получи что-либо в изобилии, *баржаюу*—быть толстым, *боркок*—намордник для телят.

При этом, *n* перед *k*, *g* обращается в *ң* (*районго* произносится *райоңго*), а перед *b*, *p* обращается в *m*:

монпансье—*мампази*.

Аффиксальные согласные, сочетающиеся с основами, оканчивающимися на сонорный согласный, оформляются по звонкому ряду, но небольшая группа слов отступает от этого правила, и вопреки существующим нормам, оформляется по глухому ряду.

¹⁾ Подробнее по этому поводу см. в следующей главе (о комбинаторных явлениях согласных).

В докладе об особенностях якутского языка, зачитанном на сессии Отделения языка и литературы Академии Наук СССР, происходившей 26-28 марта 1941 г. в г. Москве, докладчик, член-корреспондент АН СССР С. Е. Малов, обратил внимание слушателей на сохранившиеся в некоторых современных тюркских языках сочетания сонорных согласных и гласных с аффиксальными „т“ и „к“, тогда как в ряде других тюркских языков вместо „т“ и „к“ встречаются в этих случаях „д“ и „г“. Эта черта была сопоставлена докладчиком с особенностями языка орхонских надписей и учтена, как один из критериев, для построения разрабатываемой им классификации тюркских языков.

В числе языков, пережиточно сохраняющих аффиксальные „т“ и „к“ после сонорных согласных и гласных в некоторых частных случаях, докладчиком был назван и киргизский язык.

Действительно, несмотря на то, что в киргизском языке аффиксальные „д“ и „г“, сочетаясь с сонорными, сохраняют свою характеристику по составу (оставаясь звонкими), тем не менее небольшая группа слов отступает от этого правила. Например, встречаем:

жогортон (вм. *жогордон)—сверху,
жыйынтык (рм. *жыйындык)—сборник,
мурунтук (вм. *мурундук)—поводок,
илгертеден (вм. *илгердеден)—исстари,
куугундук—(куугунтук)—гонение, травля

и ряд других примеров, в том числе и *тышкартын*—снаружи (окостеневшая форма исходного падежа енисейско-орхонских надписей).

Для объяснения этих отступлений от современных норм языка обращает на себя внимание следующий факт:

Как общее правило, в киргизском языке в качестве полноценных сонорных (сохраняющих звонкость) *л*, *р* и *н* употребляются лишь в интервокальной позиции, тогда как в ряде древнетюркских языков, например, в языке енисейско-орхонских надписей, как и пережиточно в отдельных случаях в киргизском языке, *л*, *р* и *н* не оказывали влияния на озвончение последующих *т* или *к* (благодаря чему и употреблялись сочетания *рт*, *нт*, *лт* вместо *рд*, *нд*, *лт* и т. п.) *).

Из этого следует, что в отдаленный период развития киргизского языка эти согласные имели две корреляции по степени звонкости:

1) озвончались в интервокальной позиции, благодаря чему при заимствованиях из других языков с начальными *л*, *р* для сохранения их звонкого произношения они еще и теперь проте-

* По вопросу об обозначении сочетаний *лт* и *нт* в орхонских надписях см., например, на стр. 43—44 „Памятника в честь Кюль-Тегина“ П. М. Мелюковского.

ируются гласным¹⁾ (Ср. *роль* → *урол*, из узбекск. *лийляк* → *иле-гилек* — аист), а *н* обращается в нуль в ряде диалектов (ср. *най-ка* = *айза* = *айса* — копые);

2) в конце слова они, очевидно, произносились без работы голосовых связок, выступая в глухой своей разновидности.

Впоследствии, в ходе развития фонетической системы, благодаря сокращению на определенном этапе развития тюркских языков количества комбинаторных вариантов фонем, *л*, *н* и *р* утратили свои комбинаторные разновидности, сохранив из них звонкий вариант и лишь в окостеневших образованиях донесли до наших дней свои глухие разновидности.

В качестве подтверждения того, что сонорный согласный может иметь в древнем киргизском языке два варианта (глухой и звонкий), следует отметить, что и в современном киргизском языке согласные *к*, *т* и *п*, сочетаясь с фонемой *й*, в одних случаях остаются глухими, а в других озвончаются. При этом, в одной группе слов без изменения смысла их возможно сочетание „*й*“ как с глухими, так и звонкими вариантами фонем *т* и *к*:

айдак = *айтак* — окрик

айгак = *айкак* — тревожный крик,

бейгам = *бейкам* — беспечно и т. п.

В другой же группе слов наличие после *й* (при прочих равных условиях) глухих *т* и *к* или парных им звонких *д* и *г*, в силу действующих в киргизском языке норм звуко сочетаний²⁾, пережиточно связано с качеством предшествующего *й* и составляет самостоятельное значение, что видно из нижеследующих примеров:

уйку — сон, *уйгу-туйгу* — сумятица,

кайкы — впадина, *кайгы* — печаль,

айкыр — окрикивать, *айгыр* — жеребец,

күйкүл — маленький, *күйгүлтүк* — досада,

буйта — увильнуть, *буйдал* — замешкаться и т. п.

5. При сочетании на слогоразделе сонорных в общей массе случаев действуют такие нормы:

а) не типичны сочетания одинаковых сонорных на слогоразделе. Единичные случаи типа „*таййар*“ (в орфографии — *даяр*) — „готовый“ или „*амма* — но“ относятся за счет заимствований и составляют редкое исключение из общего правила;

б) невозможны сочетания *ң* с сонорными *й*, *ң*, *л*, *н*;

в) невозможны сочетания сонорных с *й* или *ң*.

Нам известно пока только одно исключение из этого правила — слово „*чарйар*“, имеющее и дублетную разновидность „*чарьяр* — один из первых четырех халифов“;

1) В начале киргизских слов *р* и *л* не употребляются.

2) На слогоразделе, проходящем между согласными, могут сочетаться либо глухой с глухим, либо звонкий со звонким согласные.

г) после *p* может из сонорных следовать *m*:

бармак — палец,

арман — заветная мечта и т. п.

Значительная часть сочетаний *pm* на слогоразделе относится к заимствованным словам, факультативно также возможны *l* и *n*: *l* после *p* обычно сохраняется в аффиксе — *лар*: „шаарлар—города“, но в других случаях обращается в *д*: „шаар+лык—шаардык—городской“; в отдельных же диалектах Иссык-Кульского бассейна, как общее правило, возможно во всех случаях сочетание *pl* на слогоразделе. Кроме того, в междометиях также возможны сочетание *pl*: „чирлит-чирлит—чирик-чирик“.

Сочетание *pn* возможно в отдельных словах, напр., „аркоо—предназначать“, „жарна—доля, пай“ и т. п.

В других случаях сочетание *pn* превращается в *рд*: „орун—место“, „орду—его место“;

д) после *й* могут следовать *p*, *l*, *m*:

айрым — отдельный,

айлануу — вертеться,

айман — прожорливый и т. п.

Сочетание же *й* с аффиксальным *n* превращается в *йд*:

сай+ны=сайды—ручей (вин. пад.).

В морфологически же неразложимых (на нынешней стадии развития киргизского языка) основах возможны сочетания *йн* на слогоразделе: „айнуу—отказаться от слова“, „ойноо—играть“ и т. п.;

е) после *l* может следовать *m*:

алма — яблоко,

чалма—аркан для ловли лошадей.

Остальные сочетания *l* с прочими сонорными не типичны для киргизского языка;

ж) сочетания *m* с сонорными также не типичны; после *m* может только в единичных случаях следовать *p* (*кымран=кымыран*—кипячен. молоко с водой) или *m*; при чем, сочетание *mm* встречается либо в заимствованных словах (*амма*—всё, все), либо возникает комбинаторно из *nm* (*менмин* чит.: *меммин*—я есть я).

Примечание. Сонорные *l* и *n*, как видно из вышесказанного, в ряде случаев имеют тенденцию к обращению в *д*, о чем более подробно будет указано в главе о комбинаторных изменениях согласных.

§ 81. Рассмотренными типами слогосочетаний исчерпываются структурные особенности лексического пласта киргизского языка, сложившегося в дооктябрьский период. Слова, не укладывавшиеся в рассмотренные нормы слогосочетаний и звукосочетаний, при вхождении в киргизский язык из других языков, соответственно перестраивались в части слогового состава путем

изменения слоговой структуры слова при помощи таких средств как усечение или, наоборот, введение слогообразующего элемента (по типу „подрядчик—бадиретчи“, „репс—ырапыс“ и т.п.); вместе с этим происходили и фонетические изменения согласных, находившихся на линии слогораздела, если они не укладывались в стандартные нормы звукосочетаний. В этом случае, при встрече в заимствованном слове невозможных сочетаний, они либо разделялись (или дополнялись) введением между ними (или после них) гласного (ср., например: „чарйар=чарыяр—один из первых четырех халифов“; Омск превращалось в Омски и т.п.), либо один из согласных видоизменялся, напр., л, н→д, т и т.п., подчиняясь законам ассимиляции и диссимиляции (мулла→молдо—мулла, узб. көккөм→кирг. көктөм, где сочетания *лл*→*лд*, а *кл*→*кт*, о чем подробнее будет указано в следующей главе); либо, наконец, изымался один из согласных (ср., например, освоение слова „коммунист“ в первые годы после Октябрьской революции: „камунус“, где двойной согласный *мн* заменялся одинарным, а сочетание-*нист* в конце слова превращалось в *-нус*).

Описанные нормы размещения согласных и нормы слоговых сочетаний киргизского языка основываются на лексическом материале, сложившемся в дооктябрьский период.

Часть из дооктябрьской лексики, сложившаяся благодаря сращиванию киргизского языка с русским, при усилившемся взаимодействии киргизского языка с русским, в послеоктябрьский период подверглась существенной перестройке, приближаясь к русской орфографической форме.

Так, наряду с бытующими пока еще у кого архаичными вариантами фонетического оформления ряда слов, среди значительной части киргизского языкового субстрата эти же слова имеют уже иное оформление (и в письме и в произношении).

Таким образом, ряд слов имеет двойное оформление:

самоор=самовар,
устөл=стол,
бөтөлкө=бутылка,
карындаш=карандаш.
чайнек=чайник,
картөшкө=картошка,
сандык=сундук,
бөлкө=булка.

Лексические элементы, вошедшие из русского языка в жезыный инвентарь киргизского языка после Великой Октябрьской социалистической революции, первоначально подверглись перестройке применительно к стандартным нормам киргизского языка; но т.к. эти лексические элементы в процессе живого общения киргизов и русских приобрели широкое распростране-

ние, как по частоте их употребления, так и по количеству появившегося их языкового субстрата, то они в течение короткого срока постепенно переоформились, стремясь к нормам русского языка.

В тех случаях, когда эти лексические элементы получили правильное орфографическое оформление в массовых изданиях, процесс переоформления их ускорился и усиливался в разговорном языке.

В конечном итоге, в течение последнего десятилетия совершенно ясно выявились такие сдвиги в нормах звуко сочетаний согласных и в нормах слогового строения киргизского языка.

1. В части состава согласных: появились фонемы *ф, в, х* и наметилось освоение *ц, щ, ж (z)*; ср. появление таких слов, как *флот, флот, Фрунзе, совет, химия, тарих—история*; освоение таких слов, как *цирк, щипцы, Париж*.

2. Появление ломаных слогов (сочетание задних гласных с передними согласными), пока еще в единичных словах и в ограниченной среде (но с перспективами дальнейшего освоения). Слова типа *Гоголь, декабрь* и др.

3. Появление шумных звонких согласных в конце слов (под влиянием графики)¹⁾: *Ленинград, митинг, парад, Воронеж* и др.

4. Появление двойных согласных в словах: *коммунист, коллектив* и т. п.

5. Появление *й* в начале слова: *ящик, Ялта, ёлка*.

6. Появление слов с *р, л, г* в начале слов: *роль, революция, лагерь, газета* и т. п.

7. Появление сочетаний нескольких согласных и, следовательно, появление новых типов слогов *CCVC* или *VCCC* и т. п.: *станция, Омск, Австралия*.

Киргизский язык теперь, следовательно, не имеет уже ограничений в части норм слоговой структуры и звуко сочетаний, он обогатился новыми звуковыми сочетаниями и новыми типами слогов.

* * *

КОМБИНАТОРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ.

§ 82. В числе комбинаторных изменений согласных в киргизском языке, помимо вопроса о слоговом строении его корней-слов, могут быть отмечены следующие:

1. Корреляция согласных по степени палатализации.
2. Озвончение глухих согласных, при наложении аффиксальных гласных и в словосочетаниях.
3. Диссимиляция согласных.

¹⁾ В русском произношении в этих случаях согласный заглушается.

4. Прогрессивная ассимиляция согласных.

5. Регрессивная ассимиляция согласных.

6. Метатеза согласных.

Остановимся на рассмотрении каждого из этих случаев отдельно.

Корреляция согласных по степени палатализации.

§ 83. Как уже указывалось в параграфе о слоговом сингармонизме, оттенок произношения согласных изменяется в зависимости от общего состава слова по степени палатализации.

В сочетании с передними гласными создается передний комбинаторный вариант и согласного; наоборот, в сочетании с задними гласными создается задний (гуттуральный) комбинаторный вариант согласного. Ср.:

эт (—*эть*)—мясо, *эл* (—*эль*)—народ,
ат —лошадь, *ал*—бери,
бол—будь, *бөл* (*бөль*)—дели.

Так, поскольку такая корреляция органически связана с качеством гласного, графически степени палатализации в киргизской орфографии, за исключением *k*, *g* и *q*, *q̄* (в латинизированном варианте), не имеют самостоятельного выражения: разновидности *ж* и *ль*, *т* и *ть* и т. п. выражаются одной буквой *л*, *т* и т. п. Вышеприведенные примеры, следовательно, выражаются в следующем виде:

а) в лат. графике—*et* и *at*, *el* и *al*, *vol* и *vol*

б) в русск. графике—*э* и *ат*, *эл* и *ал*, *бөл* и *бол*.

В связи с тем, что „ломанные“ слоги встречаются лишь в словах, вошедших в киргизский язык из русского, в новом алфавите палатальные варианты согласных отмечаются лишь в этой группе слов; в киргизском они обозначаются по тем же принципам, что и в русском языке:

а) при помощи мягкого знака (*Логоль*, *Горький* и т. п.)

б) при помощи букв—*я*, *е*, *ё*, *ю* после согласных (*Брянск*, *плёт*, *бюро* и т. п.).

Графическое исключение составляли в латинизированном алфавите буквы *k*, *g* и *q*, *q̄*, которые употреблялись для обозначения различных коррелянтов: *q*, *q̄*—глубоко заднеязычных коррелянтов, а *k*, *g*—среднеязычных (или заднеязычных, продвинутых вперед, в советских и интернациональных словах).

Примеры:

атага—отцу, *энеге*—матери,
атка—коню, *этке*—мясу.

В новом алфавите, построенном на основе русской графики, буквы *k*, *g* этого исключения не составляют и служат для обозначения трех коррелянтов каждая.

В отличие от киргизского языка, в русском языке различные (по степени палатализации) коррелянты согласных выступают не на правах комбинаторных вариантов фонем, а в качестве самостоятельных фонем. Достаточно для этого сравнить такие пары слов как *угол* и *уголь*, *пыл* и *пыль*, *жар* и *жарь* и т. п., чтобы убедиться в том, что при прочих равных условиях *л* и *ль*, *р* и *рь*, являются самостоятельными фонемами и не зависят от рядом стоящих фонем.

Поскольку в киргизском языке сочетания задних гласных с передними согласными неупотребительны в дооктябрьском лексическом пласте, то и для лиц, впервые приступающих к изучению русского языка, сначала весьма трудно произносить подобные сочетания; отсюда, например, слово „кольцо“ произносится в виде „колицо“, „только“ в виде „тольки“ или „только“, где под влиянием *ль* соответственно *о* → *о*.

Таким образом, согласные в киргизском языке могут иметь по два комбинаторных корреляционных варианта по степени палатализации.

При чем, палатализация киргизских согласных (за исключением *к*, *г* в противовес *q*, *q'*), сравнительно с русскими, обнаруживается в значительной части случаев в меньшей степени; иными словами, киргизские палатальные согласные оказываются, сравнительно с русскими палатальными, более задними, но более передними, нежели русские гуттуральные.

Отдельные согласные киргизского языка имеют различный диапазон корреляции. Так, согласные киргизского языка в этом отношении могут быть разбиты на 4 группы:

- 1) С максимальным диапазоном корреляции: *к*, *г*, *л*,
- 2) С умеренно широкой корреляцией: *б*, *п*, *м*, *д*, *т*, *н*, *р*, *з*, *с*.
- 3) С ограниченным диапазоном: *ч*, *ж* (*дж*), *ш*.
- 4) С минимальным диапазоном: *й*, *ң*.

Такое соотношение степеней корреляции согласных киргизского языка несколько расходится с диапазоном корреляции согласных в других тюркских языках. В узбекских несингармонических диалектах диапазон таких колебаний стремится к нулю.

В татарском же языке, как это отметил В. Богородицкий, согласные иначе распределяются по степеням палатализации:

1. Наиболее изменяющиеся—*л*, *р*, *н*.
2. Средние—*т*, *д*, *ш*.
3. Менее изменяющиеся—губные.

Озвончение глухих согласных при наложении аффиксальных гласных и в словосочетаниях.

§ 84. Если в области вокализма киргизского языка принципиальным для анализа комбинаторных изменений является про-

тивопоставление различных категорий гласных по трем признакам: степени лабиализации, степени подъема и по месту образования, то в области консонантизма принципиальное значение имеет корреляция согласных по степени глухости «звонкости», а в связи с этим, для комбинаторных изменений в области согласных имеет значение противопоставление сонорных шумным, как и в составе шумных противопоставление глухих звонким.

На этом явлении и строится большинство комбинаторных изменений согласных, в частности и явления озвончения *к, п*.

В части озвончения согласных в киргизском языке выделяются два случая:

а) озвончение согласных при передвижении линии слогораздела;

б) озвончение согласных в соседних словах.

§ 85. Явление озвончения согласных при передвижении линии слогораздела сводится к тому, что *к, п*, при наложении аффиксов или при выпадении некотор. согласных основы, оказываясь в интервокальной позиции, соответственно переходят в *г, б*:

балык+ы = *балыгы* — его рыба,
өтүк+ы = *өтугы* — его сапог,
кап+ы = *кабы* — его мешок.

В отдельных диалектах или в стандартном языке между широкими гласными возможно еще и озвончение *б* → *Б*:

барабыз = *бараБыз* — мы пойдем.

Примечание. 1. Оказываясь в позиции между сонорным согласным и наслаиваемым гласным, рассматриваемые согласные не озвончаются:

нарк+ы = *наркы* — его стоимость,
алп+ы = *алпы* — его богатырь.

Примечание 2. В односложных глагольных основах, оканчивающихся на *п*, при образовании деепричастия на *-ып*, конечный согласный основы утрачивается, а гласный удлиняется:

чап+ып = *чаап* — скача,
тап+ып = *таап* — найдя.

Особую категорию составляют междометия и подражательные слова: в них конечный согласный не озвончается.

Примеры:

бак+ылдоо = *бакылдоо* — кричать,
лык+ылдоо = *лыкылдоо* — кашеть,
лып+ылдоо = *лыпылдоо* — мчаться,
лөк+ылдоо = *лөкүлдөө* — набрасываться с руганью,
дек+ылдоо = *декилдөө* — стучать (о сердце).

Такое же явление обнаруживается и в отдельных глагольных основах (напр., *токуу*—ткать), как и тенденция в произношении сохранить глухой согласный в советских и интернациональных словах, при наложении аффиксальных гласных.

Хотя и пишут: *тип*+*ы*=*тиби*—его тип,
ток+*ы*=*тогу*—его ток,

но лица, широко знакомые с русским языком, могут произносить *типи*, *токи* и т. п.

Озвончение согласных возможно и в середине слова в отдельных случаях: а) при протезировании гласного (напр., *жапшыруу* и „*жабыштыруу*—приклеивать“);

б) в отдельных словах, при наличии сонорного перед коррелянтом:

дөңкөлөк=*дөңгөлөк*—колесо,
кыйкас=*кыйгас* —сплошь и т. п.

В современном киргизском языке вскрываются такие ступени озвончения согласных:

- 1) *п—б—Б*: *китеп* ∞ *китеби* (его книга);
барабыз=*барабыс* (мы пойдем);
- 2) *с—з*: *атасы* и *атазы* (в диалектах; его отец)
- 3) *к—г*: *өтүк* ∞ *өтүгү* (его сапог)
арык ∞ *арыгы* (его арык)
- 4) *ж—й*: *нече жашта* ∞ *нече яшта* (сколько лет).

Ступени озвончения согласных представляют из себя явление стадияльного порядка. В этом отношении могут быть выделены следующие группы по ступеням озвончения:

1. Остатки трех ступеней озвончения: в киргизском *п—б—Б*, в турецком *к—г—й*.

2. Две ступени озвончения: *к—г*, *к—б* (частично *с—з*) в именных основах. Напр.,

кап+*ы*=*кабы* —его мешок
чык+*ыш*=*чыгыш*—выход, восход.

Это явление обнаруживается в киргизском, ойротском, казахском, каракалпакском и, частично, в туркменском языках (в туркменском языке еще имеется озвончение *ч—ж*, *т—д*, а в ойротском и *ш—ж* (*з*)).

3. Две ступени озвончения только в именных (а не глагольных) основах, например, в совр. уйгурском языке:

кап+*и*=*кави*=его мешок,
но *чик*+*иш*=*чикиш* (а не *чигиш*)—выход

4. Утрата озвончения в односложных именных основах, например, в узбекском (литературном) и чагатайских говорах:

и *эк*+*и*=*таки*—его виноградник,
көп+*и*=*көпи*—большинство их;

но (во многосложном):

күрөк+*и*=*күрәги*—его лопата.

Корреляция согласных по степени звонкости обнаруживается, следовательно, для ограниченного числа фонем современного киргизского языка, а именно для *п*, *к* и факультативно для *б*.

В других тюркских языках круг таких коррелянтов более широкий: в языках (юго-западной группы (турецком, азербайджанском, туркменском) добавляются еще *т—д*, *г—й*.

В ойротском языке этот круг еще более широк за счет корреляции *с—з*, *ш—ж* (*з*).

Это дает основания предполагать, что и в киргизском языке на предыдущих этапах его развития большая группа глухих согласных могла иметь парные варианты.

Озвончение согласных в смежных словах.

§ 86. Изменения согласных при сочетании слов относятся, в свою очередь, к частным случаям явлений прогрессивной и регрессивной ассимиляции.

1. Явления прогрессивной ассимиляции по признаку звонкости сводятся к следующему: начальные *к*, *б* озвончаются, если предшествующее слово кончается на гласный или сонорный согласный, при чем *к* → *г*, *б* → *Б*:

<i>мага кел</i>	произн.	<i>маа гел</i>	(приходи ко мне),
<i>мага бер</i>	"	<i>маа Бер</i>	(дай мне),
<i>мага кайт</i>	"	<i>маа гайт</i>	(вернись ко мне),
<i>Асан кайтты</i>	"	<i>Асан гайтты</i>	(Асан вернулся) и т. п.

2. Явления регрессивной ассимиляции в этом случае таковы: конечный согласный *п*, *к*, *б*, предшествуемый гласным, перед гласным или *л*, *м*, *н*, *ң*, *р*, *з* последующего слова озвончается, превращаясь в согласный с неполной смычкой:

<i>таап алды</i>	произн.	<i>тааБ алды</i>	(нашел),
<i>жук артты</i>	"	<i>жуГ артты</i>	(навьючил вьюк),
<i>так айтты</i>	"	<i>таГ айтты</i>	(четко сказал),
<i>ак нан</i>	"	<i>аГ нан</i>	(белый хлеб),
<i>узак мезгил</i>	"	<i>узаГ мезгил</i>	(длгий период),
<i>куздук зыгыр</i>	"	<i>куздуГ зыгыр</i>	(осенний лён) и т. п.

Диссимилляция и ассимиляция.

§ 87. Явление диссимилляции можно иллюстрировать на примерах изменения аффиксальных *л* и *н*.

Аффиксальные *л* и *н* после звонких, за исключением *й* и *р*, согласных переходят в *д*. Для примера возьмем сочетания аффиксов —*лар* (множ. числа) и —*ны* (винит. падежа):

айыл + *лар* = *айыдлар* — аулы,
клуб + *лар* = *клубдар* — клубы,

айыл + *ны* = *айылды* — аул (в винит. пад.),
клуб + *ны* = *клубду* — клуб (в винит. пад.).

Что же касается сочетаний аффиксальных *л* и *н* с конечными *й* или *р*, то в этом случае действуют следующие законы:

1) После конечных *р* или *й* аффиксальный *н* переходит в *д*:

шаар + *ны* = *шаарды* — город (винит, падеж),
сай + *ны* = *сайды* — ручей (винит. пад.) и т. п. ¹⁾

2) После конечного *й* аффиксальный *л* остается без изменений:

сай + *лар* = *сайлар* — ручьи,
бай + *лык* = *байлык* — богатство.

3) После конечного *р* аффиксальный *л* в аффиксе множ. числа — *лар* остаётся без изменений:

шаар + *лар* = *шаарлар* — города.

В остальных аффиксах переходит в *д*:

шаар + *лык* = *шаардык* — городской, горожанин,

даяр + *ла* = *даярда* — готовь и т. п.

В отдельных диалектах (Иссык-Куль), однако, *л* после *р* может не изменяться.

Исторически в основе перехода *л* в *д* или *н* в *д* лежит, конечно, закон диссимиляции согласных, ибо *айыл* + *лар* даёт *айылдар* (аффиксальный *л* диссимилируется, оказываясь рядом с *л* основы; точно также и в слове „*молдо* — грамотный“, происходящем из „*мулла*“); так же и в „*кун* + *ны* = *кунду* — день“ (в винит. пад.), где *н* диссимилируется. До введения правил орфографии 1938 г., официально, а фактически — несколько раньше, в кыргызской орфографии действовал иной закон: *л* и *н* изменялись соответствующим образом после сонорных — *л, м, н, ң, шумного з* и частично — *й, р*. Что же касается прочих звонких (*б, д, ж, г, ҕ*), то они в конце слова вообще не употреблялись и заменялись соответствующими глухими; таким образом, современное „*клубдар* — клубы“ выражалось тогда в виде *клубтар*, а еще раньше — *кулубтар*.

Узаконение же звонких в конце слова значительно обогащает кыргызский язык и должно рассматриваться как положительное явление.

В методическом отношении, между прочим, это новшество также оказывается положительным, ибо упрощает классификацию согласных (вместо прежнего деления на сонорные, шумные-глухие и шумные-звонкие, теперь достаточно в школе преподавать деление на глухие и звонкие).

В качестве второго примера диссимиляции согласных следует отметить факультативное для кыргызского языка явление перехода *ч* в проточный *ш* перед *т, к, ҕ*:

¹⁾ Однако, в основах сочетание *йн* вполне закономерно: *тыйын* о *тыйны* — его колея и т. п.

кач+ты произн. кашты—он убежал,
 жыгач+чы „ жыгашчы—плотник,
 чашка=шашке—чашка.

Прогрессивная ассимиляция согласных.

а) В аффиксах.

1. К числу явлений прогрессивной ассимиляции согласных в аффиксах, отмеченных еще В. Радловым для киргизского, казахского и некот. др. языков¹⁾, относится второй вариант изменений *л* и *н*, заключающийся в переходе их в *т* после глухих согласных.

Например:

таш+лар=таштар—камни,
 таш+ны=ташты—камень (вин. пад.).

Явление это связано с диссимиляцией *л*, *н* после звонких: они, диссимилируясь, переходят в *д*, а *д*, в свою очередь, уже после глухих согласных, ассимилируясь с ними по признаку глухости, переходит в *т*, т. е. по схеме:

$$\begin{array}{l} л \\ \searrow \\ > д \rightarrow т. \\ \nearrow \\ н \end{array}$$

2. Аффиксальные *д*, *г*, *б*, как и *л* или *н*, сочетаясь с конечными глухими согласными, также заглашаются²⁾:

$д \rightarrow т; г \rightarrow к; б \rightarrow н; л, н \rightarrow т.$

Примеры:

таш+да=ташта—на камне,
 таш+га=ташка—к камню,
 таш+бы=ташпы—камень ля,
 таш+лар=таштар—камни,
 таш+ны=ташты—камень (вин. пад.).

Примечание. Аффиксальный *г* имеет четыре корреляции: две по степени палатализации и две по степени звонкости (в латинизированном алфавите это передавалось буквами: *q, g, q, k*).

Корреляция по степени палатализации определяется либо качеством гласного последнего слога основы значительной части слов кирг. языка, либо качеством согласного в незначительной группе слов, заимствованных через посредство русского языка,

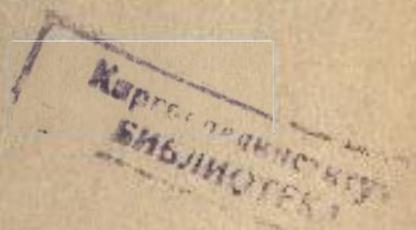
¹⁾ В. Радлов, „Фонетика“, § 347, а также гл. XII—XIII.

²⁾ Явление ассимиляции согласных обнаруживается еще и в ряде отдельных основ (напр., *көклэм=көктөм—весна) при взаимодействии согласных находящихся по разным сторонам слогораздела.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Триглицериды в условиях обоняния	7
Предисловие	11
Введение	17
ОСНОВЫ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА.	
Состав согласных	24
Долгое и краткое	32
Из истории и соотношения гласных в киргизском и тюркских других языках	49
Акцентуация	66
Комбинаторные комбинации гласных	64
КОНСОНАТИЗМ	
Остав согласных сывороточного киргизского языка	80
Соответствия согласных и общих корневых тюркских идиом	113
Графическая передача русских согласных	115
Позиционное размещение согласных в основах	117
Комбинаторные комбинации согласных	157

129164

Отв. редактор *Х. Карасаев*

Сдано в набор 28-VI 1946 г. Подписано к печати 13-I 1947 г. Тип. знаков
в 1 печатном листе 47200, всего 11 печ. л. уч. издат. 13 л. Д-00475.
заказ № 2279, тираж 5190.

г. Фрунзе, типография № 1.